

Василий Спиридонов

ДОРОГА СМЕЛЫХ

• МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ 1950 •

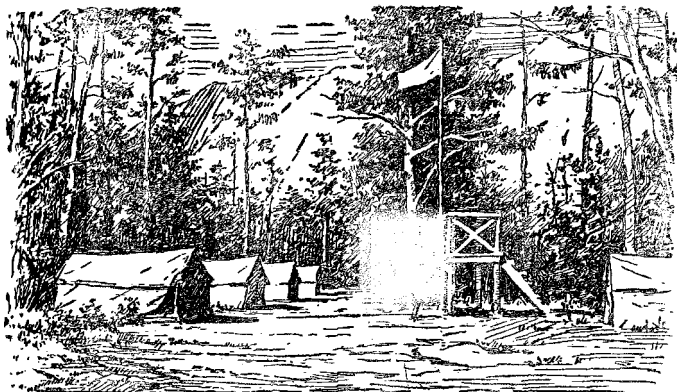
ВАСИЛИЙ СПИРИДОНОВ

ДОРОГА СМЕЛЫХ

(Тридцать дней в альпинистском лагере)

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1950

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Человек кричал долго и протяжно. Крик отдавался в черных холодных скалах, разносился по огромному леднику и замирал в темных облаках, заволакивающих пропасти. Странно и тревожно звучал одинокий человеческий голос среди мрачных скал высокогорной зоны.

Павел Русанов, широкоплечий альпинист с живым взглядом светлокарих глаз, повернул голову и прислушался. Он стоял на узком скальном балконишке, выступавшем над пропастью. Длинная крепкая веревка тянулась от его рук к Антону Шатерникову, который, мягко подтягиваясь с уступа на уступ, взбирался по отвесной стене.

— Ты слышал, Антон? — спросил Павел и добавил: — Закрепляйся пока.

Антон дотянулся до широкой щели и втиснулся в нее. Он был уже Павла в плечах, но выглядел таким же крепким и мускулистым. Капельки пота ползли по его худощавому загорелому лицу.

— Ты слышал? — переспросил Павел, и его широкие темные брови сдвинулись к переносице.

— Кажется, оттуда, с Северного ребра, — Антон указал на гряду черных скал соседней вершины.

Шесть раз в течение минуты прокричал неизвестный человек — и умолк.

Это был сигнал бедствия!

Альпинисты обменялись тревожными взглядами. Павел повернулся лицом к Северному ребру и протяжно закричал в ответ, быстро ударяя по губам ладонью. Получился звук, напоминающий вой сирены.

Три раза в течение минуты прокричал Павел, что значило: «Идем на помощь».

Антон кинул взгляд на снежный гребень Бжедуха и стал быстро спускаться к Павлу.

Но как альпинисты ни торопились, сложный спуск на веревке, переход длинного гребня с бахромой снежных надувов и широкой подгорной трещиной заняли у них около трех часов. За это время погода резко изменилась к худшему.

Торопливо пересекая широкое и бугристое ложе ледника, Павел хмуро посматривал на лохматые облака, выползавшие из ущелья. Облака цеплялись за края ледника, поднимались выше, заволакивая скалы Северного ребра.

— В лоб не взять, — с сомнением проговорил Антон, когда они преодолели первую гряду черных скал ребра и остановились у подножья «жандарма» — высокой и гладкой скалы, преградившей им путь.

— Обходить по склону придется, — досадуя на задержку, подтвердил Павел.

Антон посмотрел на ледяной склон, почти отвесно падавший вниз метров на семьсот. Помимо воли, в воображении возникла не совсем приятная картина: их фигуры стремительно катятся в вихрях снежной пыли. Антон инстинктивно отступил на шаг.

— Если обходить, так нечего раздумывать, — сказал он, сердясь на неожиданно овладевшую им перешителность.

Павел молча достал из рюкзака ледовые крюки и подвесил их к поясу на «карабине» — стальном кольце грушевидной формы с защелкой. Затем поправил веревку на груди, взял в правую руку ледоруб и спокойно произнес:

— Я пошел.

Осколки льда с сердитым шуршанием катились мимо Антона и летели вниз. Павел поднимался наискось вверх и точными равномерными ударами вырубал ступеньки. Антон следил за товарищем и за натяжением веревки. Холодный туман падал на них сверху, и широкоплечая фигура Павла часто пропадала в серой промозглой пелене. Капюшон штормовой куртки Антона обледенел и царапал щеки. Ветер усиливался и зло кидал в лицо снежную крупу.

— Веревка вся! — предупредил Антон.

— Закрепляюсь! — долетел голос Павла.

Послышались удары молотка — Павел вбивал

очередной крюк, чтобы навесить на него карабин, соединяющий веревку с крюком.

Антон с трудом добрался до первого крюка. Надетые на ботинки стальные «кошки» едва держались на крепком льду. Прodeв в ушко клюв ледоруба, он нажал на рукоятку. Крюк сидел крепко. Антон дернул раз, другой — крюк неожиданно выскочил, и Антон покати́лся было вниз, но Павел во-время натянул веревку, и второй крюк задержал падение.

— Ушибся? — спросил Павел, когда Антон, прихрамывая, добрался до него.

— Ступня немного подвернулась, — проворчал Антон, раздосадованный своей неудачей.

— Плохо дело, — озабоченно покачал головой Павел.

— Ерунда. Не больно.

— Ну, смотри, держись. Путь у нас не легкий, — сказал Павел и снова пошел вперед, к скалам, скрытым туманом.

Кромку скал альпинисты увидели неожиданно и совсем близко, когда облака, скручиваясь в столкнувшихся мощных потоках воздуха, поднялись вверх.

На гребень вышли по кулуару — широкому жо́лобу в скалах. Ветер не унимался. Перешли на западную сторону гребня. Здесь ветер был гораздо слабее.

— Где-нибудь недалеко должны быть, — предположил Павел и крикнул.

С небольшой площадки, расположенной между двух скал, послышался радостный голос:

— Сюда, товарищи! Здесь мы!

Проснувшись, Галя в первую минуту не могла сообразить, где она. Над ней была парусина, у изголовья висели куртка и брюки, на полу отсвечивали медными блячками широконосые ботинки с тройной подошвой, окованной зубчатыми гвоздями.

«Я в лагере!» — вспомнила Галя.

Рядом спала Мариша. Галя не стала ее будить и потихоньку вылезла из спального мешка. Вдвигая от утренней свежести, торопливо накинула на плечи куртку и, захватив полотенце, на цыпочках вышла из палатки.

Рассветало. На ровной площадке, расчищенной от камней и посыпанной речным песком, белели палатки. Кругом возвышались сосны. Но совсем не такие, как на даче в Мамонтовке, где Галя провела прошлое лето, а приземистые и узловатые, крепко вросшие в каменистый грунт, привыкшие к бурям и метелям.

За деревьями громоздились замшелые обломки скал. Трава, с усилием пробиваясь между ними, росла пучками, высокая и жесткая.

Солнце золотило гребни гор, но густые тени еще дремали у тесно обступивших долину лесистых склонов. Впереди, совсем близко, вздыбилась до самого неба югровая снежная стена Уллу-тау-чаны — одна из неприступных вершин Кавказского хребта. Снег на ней был шелковистым, нежнобелым. С клыкастых скал спадали голубые ледники. Внизу, по дну долины, омывая зеленые островки, скакала по камням речка.

Где-то далеко-далеко остались шумные улицы Москвы, институт, друзья, весь привычный уклад жизни. Здесь, в глухом, отдаленном ущелье Кабар-

ды, все было иным. И жизнь, наверное, иная: суровая, требовательная.

Галя долго любовалась ущельем.

Альпинистский лагерь сейчас понравился ей больше, чем вчера вечером, когда с Маришей и своими новыми товарищами Костей Букановым и Людой Васильевой она добралась сюда по горной тропе из селения Верхний Баксан.

Лагерь еще спал, и Галя пошла к ручью, к которому ее вчера водила умыться Мариша.

На лугу мирно щипал траву серый ослик. Галя узнала его и улыбнулась. Это с ним вчера ссорился Арчил—мальчик-сван, который вез их рюкзаки в лагерь. Ослик тогда поминутно сворачивал с тропы и жадно хватал сочную траву. Арчил потешно сердился, гортанно кричал «ах! ах!» и колотил животное палкой. Упрямый ослик недовольно отмахивался обшарпанным хвостом, пробегал вперед и снова набрасывался на траву.

Тропа привела Галю к подножью высоких скал. За большой серой глыбой, обросшей зеленым бархатным мхом, росли березки и плескался ручей.

Галя сняла с плеча полотенце, осмотрелась по сторонам, помедлила с минуту, затем разделась до пояса. Обернув косы вокруг головы, встала на колени перед каменной чашей, в которую впадал ручей, и торопливо умылась.

Расчесывая длинные волосы, она думала: «И вода здесь какая-то особенная: свежая, бодрящая и очень холодная». Галя решила приходить сюда купаться во всякую погоду.

До побудки оставалось еще время, и девушка пошла вверх по склону, чтобы осмотреть окрестности лагеря.

Цепляясь руками за траву, поднялась она до гряды голых коричневых скал и оглянулась.

Внизу все ущелье казалось сплошь заросшим густым хвойным лесом. Выше деревья редели.

Легкий ветерок шевелил ее волосы, ласково щекотал шею, звал все дальше и выше. Галя звонко, во весь голос, запела:

А ну-ка песню нам пропой,
Веселый ветер, веселый ветер!..

Возвращаясь с прогулки, девушка шла вдоль склона, постепенно спускаясь к лагерю. С опаской перескакивая с камня на камень, она пересекла клинообразную серую осыпь, обогнула скалы — и вдруг остановилась в изумлении.

Ковер ярких цветов широким потоком спадал сверху в долину. Глаза девушки разбежались при виде такого обилия золотистого шафрана, гвоздики, лиловых колокольчиков, ромашки и других, неизвестных ей белых, желтых, фиолетовых цветов. И Галя побежала на альпийский луг, туда, где росли все эти цветы.

Здесь настиг ее мелодичный звук гонга, долетевший из лагеря. Мягко вибрируя на высоких нотах, звук плыл по долине, вплетаясь в явственно ощутимую Галей песню гор. Все впечатления утра соединились в одну большую радость; и девушка почувствовала, что в этом чудесном уголке родины открывается новая, увлекательная страница ее жизни.

За деревьями послышался громкий смех. По тропинке бежала Люда Васильева. За ней гнался Костя Буканов, воинственно размахивая полотенцем.

— Костик, перестань! — крикнула Люда и, поравнявшись с Галей, спряталась за нее.

Костик, черноволосый худощавый юноша, подле-
тел к ним.

— Что я говорил? Все равно поймаю. Вот и пой-
мал!

— Как же! Я сама остановилась.

— Неправда, поймал! — и, изловчившись, Ко-
стя хлестнул Люду полотенцем. — Теперь рассчи-
тались.

Веселое лукавство на лице Люды сменилось вы-
сокомерием. Она откинула со лба светлые вьющиеся
волосы и смерила Костю взглядом с ног до головы.

— Я с тобой больше не разговариваю, — и от-
вернулась.

Костя опешил.

— Ты же сама предложила бежать напере-
голки!

— Не ссорьтесь, — прервала Галя эту веселую
перебранку. — Знаете, что я вам скажу? — Она
взяла обоих за плечи. — Пойдемте за цветами по-
сле завтрака? Я открыла чудесное место.

— За рододендронами! — обрадовалась Люда.

Костя фыркнул и отказался. Цветочки, девичьи
прогулки... У него были другие планы.

Вторую чашку кофе Костя пил в одиночестве,
иронически поглядывая на колыхаемые ветерком
легкие занавески на больших окнах столовой.

Он уже сделал только что ушедшим девушкам
несколько критических замечаний о шуршащих
скатертях и вазочках. Правда, Люда не совсем уч-
тиво оборвала его: не берись судить о вещах, ко-
торые недоступны пониманию мальчишек.

— При чем здесь «мальчишки» и «недоступность понимания»! — проворчал Костя. — Всюду скалы, ледники — суровая обстановка, а тут занавесочки, скатерти... — Он покривил свои пухлые губы и фыркнул: — Не согласен. Категорически! Что необходимо? Костер, палатка, котелок — вот что. Остальное — ерунда!

Костя отодвинул чашку, вышел на веранду.

Прищурившись, он посмотрел на синее южное небо, вдохнул смолистый запах сосен, и на его лице с облупившимся от загара носом расплылась улыбка.

Перед ним настоящие горы, прекрасный день, а впереди приключения!..

О горах Костя мечтал всю долгую зиму, с первой встречи с Павлом Русановым. Мечтал пылко, нетерпеливо. Он и сейчас помнит тот день, когда получил от Павла путевку в лагерь.

Он сидел тогда за своим столиком в углу цеха и прорезал штихелем цинковую пластинку. Работа не ладилась. В распахнутое настежь окно ветерок приносил с заводского сквера запах цветущих тополей, прохладой обвеивал лицо.

Костя ерзал на табуретке, вздыхал и украдкой поглядывал в окно. Там, над крышами домов, громоздились белые кучевые облака, отдаленно напоминающие снежные вершины. В причудливых очертаниях облаков ему грезились скалы, покрытые вечными снегами, голубые ледники, мерещились провалы темных пропастей.

Среди грохота плоскопечатных машин ясно выделялся шум ротаций.

«К Павлу бы сбегать. Неужели не принес путевки?» — подумал Костя с беспокойством.

— Ты долго будешь мариновать пластинку? — К нему подошел Иван Иванович, начальник цинкографии. — То в окно глазает, то болтает в коридоре с девчонками о своем альпинизме.

Юноша покраснел и низко склонился над столом. Зря говорит Иван Иванович! И вовсе он не болтал с Людой Васильевой. Сказал только, что Павел завтра уезжает, — вот и все.

Иван Иванович взял пластинку и поднес к глазам.

— Утром тебе дал обработать, — недовольно заметил он. — Парня в мастера скоро выпускать, а он пустяками увлекается.

Костя сердито взглянул на очки Ивана Ивановича и хотел возразить: альпинизм не пустяки, а школа мужества; но Иван Иванович не любил, когда с ним спорят, — раскричится.

— Слабо прорезал, не под тон. Светлее должно быть это место, — ткнул пальцем Иван Иванович. — Видишь, в уголках?

— Вижу, Иван Иванович. Давайте, сейчас сделаю, — заторопился Костя.

— У тебя все сейчас. — Иван Иванович поглядел в луну на рисунок и продолжал ворчливо: — Подойдет отпуск — гуляй. Не то пойдешь осенью. Лазай тогда по кочкам. Альпинист!

Иван Иванович положил пластинку.

— Сходи сейчас в ротацию, на третью машину. Надо на стереотипе отравировать буквы.

Костя раскрыл дверь ротационного цеха. Большие высокие машины гудели ровно, наполняя гулом все помещение. В окна падали косые лучи солнца. Рабочие торопливо катили по асфальтовому полу большие рулоны бумаги.

Косте нравился этот большой и шумный цех, где печатались многотысячные тиражи книг, брошюр, журналов. Но все же он не променял бы свою строгую ювелирную работу гравера на работу печатника. Он даже относился несколько свысока к ученикам-ротационникам, пока не познакомился с Павлом и не узнал от него, как сложна работа печатника.

Костя деловито подошел к машине номер три.

— Что тут у вас? Давайте, — важно сказал он помощнику печатника, белокурой девушке в синей спецовке.

Та подала Косте лист корректуры с пометками красным карандашом.

— Поскорей, пожалуйста, — попросила девушка. — Мы соревнуемся. — Она кивнула по направлению четвертой машины, за которой работал Павел Русанов.

— Все равно не догоните, — усмехнулся Костя.

— Ты делай свое дело! — рассердилась девушка. — Рассуждает тоже...

Юноша простил ей грубый тон. Даже посочувствовал в душе: за Павлом не легко было угнаться — его портрет бессменно висел в клубе на Доске почета.

Костя поспешил к барабанам машины, на которые крепились печатные формы.

— Я подожду оттиска. Посмотреть нужно, — сказал он печатнику, когда отгравировал буквы, помеченные в корректуре.

После этого Костя нерешительно направился к Павлу: тот не любил, когда ребята приходили к нему в рабочее время.

На первый взгляд лицо Павла с широкими темными бровями, сдвинутыми к переносице, казалось суровым. Но это впечатление быстро рассеивалось при виде его веселых светлокарих глаз.

— Ты что, Костик? — крикнул он.

Костя переступил с ноги на ногу.

— Тебе чего? — переспросил Павел и подошел к юноше, решив, что тот в шуме машин не слышал вопроса.

— Путевки принес?

Павел взял Костю за плечо и подвел к шкапчику, висевшему на стене.

— Это вот твоя, а эту Люде отдашь... Через месяц увидимся в Адыр-су.

— Павел, ты возьмешь меня в свое отделение? — волнуясь, торопливо спросил Костя.

— Я же тебе сказал, возьму.

— А можно тебя проводить, Павел? Я на вокзал приду.

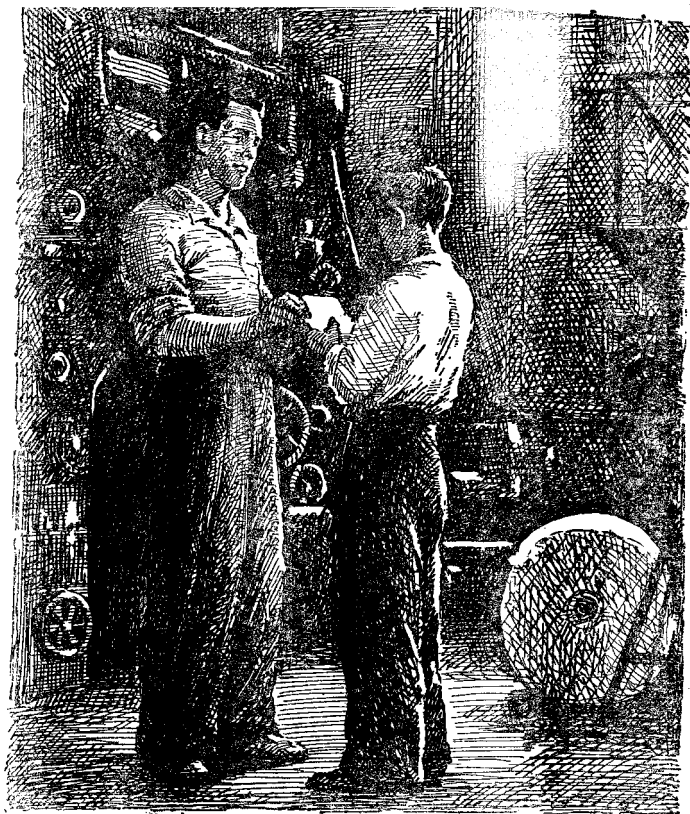
Павел слегка усмехнулся:

— Приходи. Вагон номер двенадцать...

...Воспоминания Кости улетучились при виде Федора Петровича — мастера спорта, заведующего учебной частью лагеря. Костя невольно подтянулся и принял молодцеватый вид, — от Федора Петровича зависело распределение новичков по отделениям.

Слегка сутулясь и приглаживая рукой редкие светлые волосы, Федор Петрович подошел к витрине, на которой висел свежий номер «Советского спорта».

Костя хотел было уйти с веранды, но к Федору Петровичу подошел Андрей Голычев, начальник спасательной службы лагеря, и многозначительно

— Это вот твоя путевка, а эту Люде отдашь...

показал на свои ручные часы. Рыжеватые брови его хмурились, а в серых глазах Андрея Костя уловил беспокойство.

— Павла с Антоном все еще нет, — сказал Андрей.

— Ты же прибавил им день на плохую погоду, — спокойно проговорил Федор Петрович.

— Да, но, говорят, на Бжедухе погода неплохая.

Федор Петрович почему-то взглянул на Костю, затем пощипал подбородок и сказал как-то нехотя:

— Ну, хорошо, пойдем по рации запросим Адыр-су.

Костя, недоумевая, проводил их фигуры взглядом: «О чем это беспокоится Андрей Голычев?»

4

Из соседнего лагеря Мариша возвратилась вечером, когда на вершине Уллу-тау-чаны порозовели снега, а ледники покрылись синими густыми теньями.

— Антон с Павлом пришли? — спросила она, войдя в палатку.

— Пока нет, — ответила Галя и улыбнулась без лукавства: она знала о Маришином чувстве к Антону.

— Ничего не понимаю! — Мариша бросила на постель косынку. — Павел обещал непременно вернуться сегодня.

Высокая, стройная, с красивыми узкими бровями на смуглом лице, она нервно прошлась по палатке.

Контрольный срок возвращения Павла и Антона в лагерь истекал завтра в двенадцать часов. Мариша, второе лето проводившая в горах, понимала, что Павел и Антон не могли задержаться на Бжедухе без серьезной причины.

Уловив тень беспокойства в широко раскрытых карих глазах Гали, Мариша поспешила овладеть собой. Она не хотела преждевременно расстраивать подругу.

— Я сердита на твоего братца Антона, — с принужденной улыбкой проговорила она: — Знал о нашем приезде и вместо встречи отправился на восхождение. Как будто нельзя было выбрать другой день.

— Тогда будем вместе сердиться, — сказала Галя, и глаза ее приняли прежнее спокойное выражение. — Но у меня не выйдет, Маришенька. Мы с мамой уже давно привыкли к его внезапным отъездам, неожиданным возвращениям, редким письмам. Антон очень способный геолог и никудышный семьянин.

Мариша улыбнулась, а Галя обняла ее за талию и спросила:

— Я все же хочу узнать, чем закончилась твоя встреча с Верой Савиной?

— Мы обо всем договорились! — Мариша горделиво подняла голову. — Идем самостоятельно на Сарыкол-баши.

— Мне будет скучно без тебя, — вздохнула Галя.

Темнота окутала лагерь. Затихли голоса на волейбольной площадке, прекратилась суетливая беготня молодых альпинистов, и лишь глухо рокотала горная река, перекачивая по дну камни.

В палатке стало холодно, и девушкам не хотелось покидать свое теплое место на постели.

— Эй, Галя! — послышался снаружи голос Кости. — Пойдем к костру. Уже зажигают.

— Сейчас, Костик! — оживилась Галя.

— Пойдем вместе, — сказала Мариша. — Куртку захвати — с реки дует.

Когда они шли по дорожке, Костя не утерпел и поделился с Маришей важной новостью.

— На пару слов, — прошептал он, тронув девушку за рукав. — Андрей Голычев разговаривал с инструкторами. Кажется, готовят спасательную группу. Гале не говори...

5

Мариша лежала в палатке и тщетно пыталась уснуть. Ей было и тесно и жарко в спальном мешке.

Мариша сердилась на Голычева. Он сказал, что до истечения контрольного срока они никуда не пойдут, волноваться раньше времени глупо и вообще он ее с собой не возьмет.

К костру она не пошла: не хотелось, чтобы Галя увидела ее расстроенной, — решила, что ей лучше всего лечь спать.

Но вот послышались оживленные голоса, и Мариша, вздохнув, определила, что ребята расходятся по палаткам.

«Что я скажу Гале? — подумала она. — Сейчас она придет, будет, спрашивать, почему не была у костра, почему рано легла?»

Мариша повернулась к стенке и накрылась с головой. Мимо палатки кто-то пробежал, затем Мариша услышала торопливые шаги, и чей-то голос гром-

ко и весело произнес: «Павел с Антоном пришли. Докладывают дежурному».

Откинув клапан спального мешка, Мариша села и невольно прижала руки к груди.

— Иду, иду! — откликнулся кому-то Федор Петрович.

Влопыхах Мариша роняла одежду. Под руку попадались совсем ненужные сейчас штормовые брюки, куртка. Куда-то подевались носки. Со столика упали защитные очки и, кажется, разбились...

Фонарь, укрепленный на стволе сосны, бросал светлый крут на площадку подле палатки дежурного по лагерю.

Галя бесцеремонно разглядывала Антона и приговаривала, качая головой:

— И на кого ты похож! Худой, обросший, куртка порвана. А что у тебя с ногой? Почему хромаешь?

— Ерунда, — отмахнулся Антон, бросая нетерпеливые взгляды вокруг.

В нескольких шагах от них Павел беседовал с Федором Петровичем.

— Приняли сигнал бедствия и поспешили на помощь, — рассказывал, жмурясь от яркого света, Павел вполголоса: — Парень повредил руку. Спустить его с гребня было трудно — сам знаешь. А тут еще ветер, веревки обледенели.

— Понимаю, понимаю, — кивал головой Федор Петрович. Кому другому, но ему-то было известно, что значит транспортировать пострадавшего по отвесным скалам.

— До палатки добирались при лунном свете, — продолжал Павел. — Переночевали кое-как и к полудню спустились в лагерь металлистов. От Тегенекли на машине доехали.

Павел взглянул на молодых альпинистов, толпившихся неподалеку. Среди них узнал Костю, Люду и Бориса Воронова. Он кивнул им и улыбнулся.

— А где Андрей? — обратился Павел к Федору Петровичу.

— Он лег спать. Пойду разбужу, — сказал Федор Петрович.

Павел нерешительно подошел к Антону и Гале.

— Познакомься, — указал Антон на сестру. — Говорит, зачислили в твое отделение.

— Как будто без этого не разрешено знакомиться! — засмеялась Галя и подала руку Павлу. — А я вас представляла совсем другим.

Павел провел ладонью по своим обросшим щекам и смущенно улыбнулся:

— Возможно. Не знаю.

Антон вдруг шагнул вперед: он увидел Маришу.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

На первое скальное занятие Галя собиралась с волнением. Скалы, на которые поведет их Павел, представлялись ей очень высокими, мрачными. К тому же на испытаниях она оскандалилась: по веревке поднялась хуже других девушек, присела на одной ноге всего три раза.

Галя долго искала панамку. Когда нашла ее за топчаном, оказалось, что панамка после стирки села.

— Повяжи косынку, — посоветовала Мариша.

— Она выцвела.

— Ну и что же? Ты не в Москве.

— А что я буду с косами делать? — пожаловалась Галя. — Они мне мешают.

— Оберни вокруг головы, — невозмутимо продолжала Мариша, прислушиваясь к разговору Кости и Люды, ожидавших их возле палатки.

Люда завязывала на тапочке шнурок, а Костя хвастался веревкой, которую держал на плече. По его словам, веревка была необыкновенная.

— Плетеную не бери, крученая лучше. Обязательно удержит, если сорвешься, — назидательно говорил Костя. — Ты знаешь, что такое репшнур? Ты слушаешь?

— Отвайжись! — сердито ответила девушка. Она никак не могла продернуть узелок.

Костя поправил на своем плече веревку и пренебрежительно произнес:

— Копается! С такой в одной связке ходить... Смех!

— Ну и не ходи, репшнур долговязый! — всплила Люда.

Мариша засмеялась, хотела сказать им, что альпинистам ссориться нельзя, но, увидев на дорожке Павла, повернулась к Гале:

— Поторапливайся, дорогая, инструктор на линейку пошел.

Павел шел не спеша, вразвалку, покачивая широкими плечами. Он прислушивался к звонким голосам, задорному смеху. Ему всегда доставляло особое удовольствие наблюдать за суетливыми сборами новичков к первому выходу на скалы. Ребята деловито несли в свои отделения связки крепкой веревки, девушки, в брюках и тапочках, пробегали мимо него к палаткам подруг, торопливо советуясь о чем-то.

Утро было ясное, светлое. В прозрачном воздухе веяло легким смолистым ароматом соснового леса, сквозь свежую зелень деревьев проступало сияние

вечных снегов на вершинах, у подножья склона грохотала речка.

— Павел! — окликнул его Федор Петрович. — Я сейчас разговаривал по рации с металлистами. Спрашивали, как твое самочувствие. Они там готовятся.

— И я готов, — улыбнулся Павел и шевельнул плечами. — Никогда не был в такой спортивной форме.

Прищурившись, Федор Петрович оглядел крепкую, ладную фигуру своего бывшего ученика:

— Очень хорошо! У меня лично нет сомнений. Ушбу вы страверсируете, и ты получишь в этом сезоне звание мастера спорта.

Павел мимоходом завернул к Антону.

Тот сидел на пороге палатки и тросточкой рисовал на земле замысловатые узоры.

— Как себя чувствуешь? — спросил Павел.

— Все так же, — хмуро ответил Антон.

— Я тебе говорю: отправь телеграмму, проси, чтобы продлили отпуск. Я зайду к тебе после занятий.

Антон проводил Павла глазами и вздохнул. Все идут на скалы, а он вынужден сидеть в лагере — нога привяжет его к койке дней на пять. Плохо! Времени у него оставалось в обрез: через десять дней надо уезжать домой — работать. Сашка уже ждет, наверное.

И Антон вспомнил, как перед отъездом в лагерь он забежал в лабораторию. За столом, заваленным образцами горных пород, сидел Сашка Лихачев, склонив лохматую голову над геологической картой. «Без второго разряда лучше не возвращайся, — сказал Сашка. — А здесь все будет в порядке, даю слово».

Антон шевельнул пальцами больной ноги и поморщился.

«Не повезло! — размышлял он. — Восхождение на Бжедух не завершено, а, помимо Бжедуха, для получения разряда оставалось взять еще Джайлык, вершину четвертой категории трудности. Однако если не будет взят Бжедух или другая равнозначная по трудности вершина, то на Джайлык не пойдут. Таков порядок. Сперва освой легкие вершины, а потом поднимайся на более сложные. Ничего не поделаешь. Придется послать телеграмму», — решил Антон и, увидев Маришу, поспешно смахнул с лица выражение озабоченности. Он даже замурыкал песенку.

Но это не обмануло Маришу. По тем скудным сведениям, которые Антон иногда сообщал ей, она знала, что Антон назначен начальником отряда геологов в комплексной экспедиции, отправлявшейся весной будущего года куда-то в горы.

Антон встретил ее улыбкой.

— А я думал, что ты уже пошла к Вере Савиной, — весело проговорил он и подвинулся, чтобы Мариша могла сесть с ним рядом.

— Я на минутку, — сказала она, пытаясь заглянуть ему в глаза. — Как нога?

— Лучше. Думаю скоро возобновить тренировку, — поспешил ответить Антон. Ему не хотелось выслушивать сочувственные слова даже от Мариши. Ведь ногу-то он повредил из-за собственной оплошности. — Ну, а чем вы сегодня будете заниматься с Верой? — спросил он.

— На скалы пойдем. Потренируемся в спуске по веревке, — ответила Мариша. Она поняла, что Антону неприятны вопросы о его самочувствии.

— Хотелось бы мне увидеть твою Веру, — продолжал Антон. — Я слышал, она смелая девушка. Даже, говорят, слишком смелая.

— Вера действительно смелая. Среди моих подруг трусих нет.

Антон улыбнулся.

— Ну, ладно, ладно. Не будем спорить. Проводи меня немножко. Пора итти на перевязку.

2

Высоко над лагерем, на оголенном склоне ущелья, тупым мысом грузно выдавались серые скалы. Стены их, покрытые желтыми и зелеными пятнами лишайника, поднимались метров на двадцать пять, почти на высоту шестиэтажного дома, и были изрезаны вдоль и поперек расщелинами и трещинами. Из расщелин местами вылезали кусты можжевельника и топорщились пучки пожелтевшей травы.

Сюда-то и вел свое отделение Павел.

Подъем к скалам был каменист и крут. Павел решил устроить для своих учеников маленькое испытание на выносливость и повел отделение довольно быстро.

На поддороге он заметил, начала сдавать Люда. Дыхание ее прерывалось, и, повидимому, ей очень хотелось пить. Но, встретившись с инструктором глазами, она приободрилась.

Вскоре стал спотыкаться Костя. Ему было труднее всех: он нес на плече тяжелую веревку и решительно отказывался передать ее кому-либо. Павел и не настаивал. Зная характер Кости, он понимал, что итти с веревкой ему гораздо интереснее.

Уверенно шли Сергей Жуков, рослый, крепкий юноша с коротко остриженными волосами и слегка вздернутым носом, и Гриша Кузнецов, высокий и чуть сутулый парень с темными спокойными глазами.

Не понравился Павлу Вадим Аксенов, худощавый смуглый юноша с пышным зачесом.

На лбу у Вадима выступили крупные капли пота. Он то и дело поправлял на плече ремешок своего фотоаппарата, капризно кривил брови и всем своим видом как бы говорил: «Я подчиняюсь необходимости, но я против подобных темпов».

Павел перевел взгляд на Бориса Воронова, мощника печатника из их типографии. Когда шла запись в альпинистский лагерь, Борис спросил Павла с усмешкой:

— Там в самом деле опасно, как Костик говорит, или так, разговоры?

— Если боишься, оставайся дома, — ответил Павел. Он не понял тогда, что хотел выразить Борис.

Выяснилось позднее, в откровенной беседе с ним.

Борис работал хорошо — был стахановцем, сколотил крепкую комсомольско-молодежную бригаду, и она постоянно перевыполняла план. Однако производственная работа не заполняла целиком его беспокойную натуру. В дни войны Борис рвался на фронт. Когда он подрос, война кончилась. В альпинизме Бориса привлекала борьба с суровой горной природой, возможность испытать себя.

Коренастый, широкогрудый, он поднимался по крутому склону с увлечением. Его вспотевшее красное лицо с выгоревшими бровями выражало удовлетворение.

«Толк выйдет», — подумал о нем Павел.

Вызывала удивление Саша Груздева. Утром,

увидев ее, — маленькую, хрупкую, на левом фланге своего отделения, Павел невольно поморщился. А Саша улыбнулась. И улыбка у нее такая мягкая, доверчивая. Сейчас девушка поднималась по склону легко, будто козочка.

— Кто устал? — спросил Павел, когда остановились у подножья скалы.

Произошла заминка.

— По-моему, мы очень быстро шли, — сказала Люда неуверенно.

— Есть же скалы гораздо ближе к лагерю, — заметил как бы между прочим Вадим.

Больше никто не жаловался, и Павел остался доволен.

— Отдыхайте пока, — сказал он, взял у Кости веревку и начал подниматься по склону, где виделся переход на площадку скалы.

— Тренировочка подходящая, — проговорил Костя, протягивая ноги.

— Вот Сашенька у нас молодец! — с видимым удовольствием похвалил девушку Сергей.

— А что? Я, конечно, устала, — покраснела Саша, и мягкая улыбка озарила ее лицо.

Вадим утомился, пожалуй, больше всех. У него и сейчас еще мелко вздрагивали колени. Сердась на самого себя, он как бы вскользь заметил:

— Тренировать нужно умело.

Борис Воронов скосил на него глаза, но промолчал. Он недолюбливал ребят, много воображавших о себе. К их числу отнес и Вадима, услышав, как тот в разговоре с девушками выдавал себя за знатока чуть ли не всех видов спорта.

— Что ты этим хочешь сказать? — спросил Гриша, с удивлением посмотрев на Вадима. — Павел —

опытный альпинист и, конечно, знает, как нужно тренировать нас.

— Да я совсем не про то, — поспешил оправдаться Вадим: — Я просто сильно устал, ребята, с непривычки.

Веревка, сброшенная Павлом с площадки скалы, взметнулась в воздухе серой спиралью и повисла на стене.

— Костик, если будем взбираться по веревке, я оскандаюсь, — сказала Галя с беспокойством.

— По ней лазить не придется, — уверенно ответил Костя: — Она для страховки. Павел будет давать маршруты.

— И все-то он знает! — насмешливо заметила Люда.

Костя не удостоил ее ответом.

— Ты только не трусь, — покровительственно сказал он Гале. — И все будет в порядке.

Павел начал занятие с рассказа о правилах хождения по скалам, о соблюдении трех точек опоры, когда одновременно действуют руки и нога или обе ноги и одна рука; он разъяснил важность экономного расходования сил на маршруте. Потом показал, как нужно использовать уступы, распоры и захваты, как выбирать точки опоры и ставить ноги на узких карнизах.

— А теперь покажу вам маршрут. Гриша, иди наверх на страховку. — Павел подошел к скале и обвязался веревкой. — Следите за мной.

Маршрут начинался прямо со склона и переходил на узкий карниз. Карниз пересекал высокую стенку и обрывался у вертикальной расщелины. Требовалось пройти по карнизу метров двенадцать, перебраться в расщелину и по ней влезть на площадку скалы.

Галя внимательно следила за инструктором. Ей казалось, что ничего сложного в маршруте не было — Павел шел по нему свободно, как по тротуару.

Она осмелела.

Подле расщелины карниз сужался до ширины ладони. Переходить в расщелину нужно было по гладкой стенке, круто обрывающейся вниз.

«Вот где застряну!» — снова забеспокоилась Галя.

Но и это место Павел преодолел легко.

— Кто пойдет первым? — спросил он, когда спустился обратно.

— Я! — выскочил вперед Костя.

Галя невольно отступила на шаг. Павел заметил это и слегка улыбнулся.

— Почему ты? — не сдержалась Люда.

— Хорошо. Идет Люда, — поощрил Павел.

— Ой, нет! — заколебалась девушка. — Я после... Я посмотрю.

Борису хотелось пойти первым, но он не любил выскакивать вперед.

— Обвязывайся, Костик, — сказал Павел. — Не торопись. Все движения должны быть эластичными, мягкими, как у кошки.

Костя, как заправский альпинист, подал Грише веревкой сигнал и смело пошел по маршруту.

— Идет хорошо, — пояснял Павел вполголоса. — И движения плавные, и три точки опоры соблюдает.

Но Косте не суждено было получить отличную оценку — помешало собственное ему мальчишество. На второй половине маршрута он заторопился.

— Увлекается, — слегка досадуя, сказал Павел. — Зацепок не видит.

Торопился Костя и в расщелине. Он столкнул несколько камешков, которые с шумом посыпались вниз.

— Отойдите подальше от стенки, — уже с удовольствием проговорил Павел.

Закончив маршрут, Костя победоносно поглядел вниз.

— Плохо! — крикнул Павел и повернулся к группе. — Обязательно приучите себя к трем точкам опоры. Это нужно сейчас вам, как первоклассникам писать палочки.

Вторым Павел послал Сергея, потом Бориса Воронова. Подошла очередь Вадима Аксенова.

— Есть возможность отличиться, — улыбнулся Вадим.

Но Галя подметила беспокойство, промелькнувшее в его взгляде, и стала следить за ним со вниманием.

Вадим, грациозно покачивая плечами, подошел к веревке и взялся за ее конец.

— Итак, Вадим Степанович вступает на тернистый путь альпиниста, — шутливо, тоном конференсье, проговорил он. — Видите, Вадим Степанович взялся за веревку, опытной рукой обвязывается и бодро начинает маршрут.

— К чему паясничать, не понимаю? — тихо сказала Галя. — Дело серьезное.

Саша молча кивнула.

Около расщелины Вадим приостановился и посмотрел вниз.

— У меня бледный вид! — крикнул он, и Галя не поняла, шутит он или в самом деле боится повиснуть на складках расщелины.

Но Вадим поправил на груди веревку и несколько нерешительно полез по расщелине. Тогда Галя

спросила себя: «Зачем же мне идти последней?» Когда Вадим вступил на площадку и начал развешивать веревку, она обернулась к Павлу.

— Разрешите мне.

Павел удивленно поднял брови. Он наблюдал за сестрой Антона и понял, что у Галя такое решение появилось не без внутренней борьбы.

— Хорошо, идите, — согласился он.

Проверяя узел обвязки, Павел подбодрил Галю улыбкой и вполголоса, чтобы услышала только она, сказал:

— Есть чудесное выражение: «Даже маленькая победа над собой делает человека намного сильнее». Запомните это и делайте все уверенно и спокойно.

Первые шаги Галя сделала смело. Но чем выше поднималась ломаная линия карниза, тем неувереннее становились ее движения.

Зеленый склон, где стояли Павел, Саша и другие, круто ушел вниз, и перед ней был темный провал обрыва.

Создалось впечатление, что она идет по краю пропасти. По спине пробежали мурашки. Карниз становился все уже и уже. Сделать каждый последующий шаг было все труднее. Гале захотелось вернуться обратно, но в эту минуту веревка на ее груди натянулась, и это придало ей бодрости. Она мысленно поблагодарила Сергея, стоявшего на страховке. Несколько овладев собой, Галя подошла к расщелине.

«Иди. Ну, иди же!» — поощала она себя, но оторваться от карниза все же не могла.

Потом Галя часто вспоминала этот момент и потешалась над своей боязнью высоты.

Однако сейчас ей было не до шуток. Казалось, совершенно невозможно сделать такой широкий шаг

и при этом выпустить из рук спасительный выступ, за который она уцепилась.

Что делать? Сойти с маршрута? Нет! Только не это. Но как заставить себя продвинуться вперед?

Выручил пустяк. На минуту взгляд девушки остановился на расщелине. В ней она увидела можжевеловый кустик — такой знакомый кустик с темносиними ягодами. И, сама не зная почему, перестала волноваться, дотянулась до шероховатых краев расщелины, перебралась в нее.

Продвигаться дальше стало проще. Скала отгородила ее от склона. Ощущение высоты пропало, и вскоре Галя была уже на площадке.

Борис, улыбаясь, протягивал ей руку. Сергей топорливо оттаскивал веревку, чтобы не путалась под ногами. Вадим с фотоаппаратом перебежал с места на место в поисках удобного места для съемки.

Галя развязала узел на груди и посмотрела вниз.

— Первая маленькая победа! — крикнул Павел многозначительно.

«Первая победа!..» — мысленно с радостью повторила Галя и оглянулась вокруг.

Ярко светило солнце. Голубые ледники сползали с гор на серые осыпи камней, зеленели альпийские луга, виднелись полосы леса. Бурные потоки вырывались из ледников и стекали в долину, в шумливую Адыр-су. Крохотные палатки лагеря белели в темной зелени игрушечных сосен. Воздух был настолько прозрачен, что Галя видела веревочные оттяжки палаток.

На крутом склоне Уллу-тау-чаны появилось большое облако снежной пыли, и через несколько секунд донесся грохот сорвавшейся лавины. Галя посмотрела на грозную вершину Уллу-тау-чаны. Хотелось спросить у Павла: покорил ли кто эту мрач-

ную ледяную стену, упиравшуюся острым гребнем в темносинее небо?

Отделение отдыхало в тени высокой двенадцатиметровой скалы, гладкой, как доска.

Вадим и Костя спорили: как поступить, если такая стенка-«жандарм» встретится на восхождении. Это был один из тех споров, в котором много темперамента, юношеского задора и мало практических знаний.

— А я говорю, сразу ищи обход, не теряй времени, — доказывал Вадим.

— Если ты хорошо тренирован, обхода искать не придется! — горячился Костя.

Гале трудно было разобраться, кто из них прав, но слушала она с интересом.

Павел не торопился высказать свое мнение. Он как-то незаметно для самого себя засмотрелся на Галю. Тяжелые каштановые косы лежали у нее на коленях. Ему хотелось прикоснуться к этим девичьим косам, взвесить их на ладони.

— Вот сейчас Павел тебе скажет! — сердито повысил голос Вадим после колкого замечания Кости о слишком осторожных альпинистах.

— Что сказать? — отозвался Павел.

— Можно брать вот такие стенки без крючьев и веревки?

— Попробую ответить.

Павел поднялся с места. Не надевая рубашки, которую снял в перерыве, он подошел к стенке, испытывая смутное чувство, что не совсем правильно поступает, собираясь показывать начинающим альпинистам лазание без страховки. Тщательно вытер подошвы тапочек и, ухватившись за еле заметную складочку на стене, полез.

Движения его действительно были по-кошачьи

мягки и эластичны. Мускулы под загорелой кожей работали согласованно, без излишнего напряжения. Руки, цепкие, с широкими ладонями, брались за едва заметные неровности камня медлительной, сильной хваткой. Он прилипал к стене, словно ящерица, и ребятам внизу казалось, что инструктор поднимается без особых усилий.

На этой стенке Павел и Антон тренировались несколько дней назад. Об этом ребята не знали. Не знали они также, ценою каких усилий добился Павел четкого выполнения этого сложного упражнения.

— Что я говорил! — вскричал Костя с торжеством, когда Павел добрался до верха и по склону спускался обратно к отделению.

— Ты так и не понял, о чем мы говорили, — защищался Вадим. — Разве я говорил, что тренировка не нужна?

— Довольно, — остановил спорщиков Гриша: — Все ясно.

— Павел, девушки ходят на трудные вершины? — спросила Саша.

— Ходят, — ответил он, стряхивая соринки, прилипшие к телу.

— Они какие-нибудь необыкновенные! — широко открыла глаза Люда.

— Самые обыкновенные, даже иногда плачут, — засмеялся Павел.

Павел и Антон лежали в холодке под соснами. В послеобеденное время в лагере было тихо, и друзья беседовали без помех.

— Совсем плохо, — жаловался Антон.

Утром на перевязке врач сказала ему, что ногу удастся вылечить дней через десять, не раньше. И лишь в том случае, если он будет строго выполнять предписания врача.

— Ты понимаешь, Павел, я рассчитывал, ну, самое большее неделю посижу. А теперь впору укладывать рюкзак и ехать домой.

Павел надкусывал крепкими белыми зубами высохший стебель цветка и сочувственно кивал головой. Он знал, что разряд для Антона имеет не только спортивное значение. Антон готовится для работы в высокогорных районах. Ему нужен опыт восхождения на сложные вершины.

— Так уж сразу и домой, — неодобрительно сказал он. — Я думаю, отпуск тебе все же продлят.

— Трудно сказать, — с сомнением покачал головой Антон: — Работы очень много. Я и Сашке послал телеграмму, чтобы помог.

— И хорошо сделал, — отметил Павел. — Тренировка у нас проходила успешно. Технику скалолазания отработали. На Бжедухе ты шел хорошо. Тебе сейчас недостает выносливости. Вот если бы побегал каждый день километров по десять, тогда и на траверс Уллу-тау-чаны можно было бы идти, а не только на Джайлык.

Сам не зная того, Павел задел чувствительное место в душе Антона. Антон в самом деле мечтал о траверсе Уллу-тау-чаны. Уж очень заманчивым казалось пересечь за пять-шесть суток весь гребень вершины с запада на восток и спуститься к Местийскому перевалу.

— Я уже не думаю об этом. Лишь бы Джайлык взять, — проговорил Антон.

— Возьмешь, — утешил его Павел. — Терпение и выдержка — необходимые качества альпиниста. Вот и тренируйся, пока условия благоприятствуют.

— Тебе можно шутить. — Антон повернулся на спину и заложил руки под голову. — Как вы сегодня занимались?

— Хорошо, — легкая улыбка промелькнула по лицу Павла. — Галя твоя — молодец! Сперва побавалась, потом сама вызвалась идти по маршруту.

Антон уловил в голосе Павла несвойственную ему нотку. В другое время это позабавило бы его.

— Костику пришлось «неуд» вклеить, — продолжал Павел.

— Это за что же?

— Горячится, правила не соблюдает. А так ловкий, смелый парнишка. Он явно покровительствует Гале и Сашеньке. Есть у меня такая девушка. Посмотришь — небольшого роста, хрупкая, однако выносливая, регулярно занимается спортом. И все улыбается.

— Я знаю ее, — улыбнулся Антон. — На левом фланге стояла. Я подумал тогда: вот пичужка.

— Еще у меня Гриша и Сергей — комсомольцы. Славные ребята. Сергей любит пошутить, а Гриша — посolidнее. Из них толк выйдет.

Антон чувствовал, что рассказывать о своем отделении Павлу доставляло удовольствие.

«И как его на все хватает? — не раз удивлялся он. — Работает на производстве, заочно учится в Полиграфическом институте и еще возится каждое лето с начинающими альпинистами».

— Ты послушай, Антон, — Павел тронул его за

плечо, — какие сентенции изрекает у меня Костик: «Альпинист сочетает в себе выносливость марафонца, ловкость гимнаста и отвагу парашютиста». Каково!

— Все правильно.

— Конечно, правильно. Но ты бы посмотрел, как он говорил это Сашеньке. Уморительно!

Антон засмеялся.

«Вот и хорошо, — с удовлетворением отметил Павел. — Так-то лучше, чем кукситься. Надо поручить ему какое-либо дело, чтобы поменьше думал о своих неудачах. Пусть подготовится и проведет у костра беседу о геологическом строении Кавказского хребта. Ребятам полезно будет послушать».

4

Желавших играть в волейбол оказалось много, а Костя опоздал.

Он попросился встать седьмым, но Люда запротестовала.

— И не надо. Подумаешь! — фыркнул Костя с негодованием. Уж кто-кто, а Люда по-товарищески должна была поддержать его.

Наблюдая со стороны за волейболистами, Костя кривил губы, морщился. По его мнению, играли вяло, возмутительно мазали. Он признавал игру серьезную, в строгом стиле. А на такую игру не стоило и смотреть.

Костя зашел к шахматистам. И здесь ему показалось скучно.

Он досадливо отшвырнул носком камешек. Все нехорошо сложилось сегодня. На скалах... Лучше не вспоминать: с третьего маршрута Павел снял

его за «лихачество». Разве он виноват, что маршруты такие легкие? А Люда смеялась, рассказала ребятам. Теперь весь лагерь знает, что Буканов получил на занятиях «неуд». Ну, ладно. Вот на зачетном восхождении он себя покажет.

У Кости даже дыхание перехватило, когда он подумал о зачетном восхождении. Это экзамен! Если сдашь, то получишь звание «Альпинист СССР» и значок альпиниста. Павел сказал, что пойдут на вершину Местиа-тау, куда-то туда, за Уллу-тау-чаны, где пролегает Местийский перевал. Ночевать на снегу придется.

«Но это еще не скоро будет, — вздохнул Костя. — Еще нужно научиться ходить по снежным склонам и ледникам на «кошках».

«Пойду нарву рододендронов, — решил юноша. — Принесу девочкам и Людку позлю».

Но в диком цветнике, сбегавшем сверху, рододендронов не нашел. Незаметно для себя он очутился неподалеку от знакомых скал, у подножья которых лежал снежник.

Глаза у Кости блеснули при виде остроконечных башенок. Эти скалы куда труднее, чем те, на которые они взбирались во время занятий. На них не забудешь о трех точках опоры. Не потренироваться ли?

Костя торопливо направился к снежнику, совсем забыв о предупреждении Павла — не лазить по скалам без его разрешения.

Место подъема искать не пришлось. Прямо перед ним на светлокоричневой стене темной впадиной шла снизу вверх широкая расщелина — «камин».

На высоте десяти метров от подножья «камин» сужался и в верхней точке образовывал коле-

но. Над коленом козырьком нависла часть стены. Дальше рос можжевельный куст, и на пять метров выше его чернела широкая щель, напоминавшая вход в пещеру.

«Вот туда и поднимаюсь», — решил Костя. Он уже чувствовал себя немного героем.

Прежде всего он деловито осмотрел внутренние стенки «камина». Они были шероховаты, но зацепки почти отсутствовали. В четырех метрах от земли «камин» делал изгиб.

Костя вытер о землю резиновые подошвы тапочек, как это делал Павел, и пошел по намеченному маршруту.

Отыскивая бугорки, углубления, цепляясь за складки, уверенно начал взбираться вверх. Сперва все шло хорошо и лишь досаждали сухой лишайник и соринки, сыпавшиеся на лицо, за воротник. Подниматься выше становилось сложнее — впереди была изогнутая часть «камина». Тело на изгибе стенки отклонилось назад и отвисло. В таком положении легко было сорваться, и Костя поспешил спуститься на метр.

С минуту постоял, подумал, как советовал Павел, и догадался преодолеть этот участок по противоположной стене «камина».

Отдуваясь, Костя добрался до колена «камина», а потом сгоряча дотянулся и до можжевельного куста. Взбираться дальше было нетрудно.

Вытирая рукавом лицо, юноша потихоньку смеялся, радуясь удаче. Правда, ободрал до крови ноги об острый край «камина» и больно укололся о можжевельник. Но стоило ли беспокоиться о таких пустяках? Главное — влез на скальную стенку высотой с четырехэтажный дом. Будет о чем рассказать ребятам в типографии.

В лагере уже совсем стемнело, когда Люда встретила на дорожке с Павлом.

— Ты не видел Костика? — спросила она торопливо.

Оказалось, что Костю Павел не видел.

— Спроси у Гриши. Он староста, должен знать, — посоветовал Павел.

— Спрашивала, — ответила Люда нетерпеливо. — Во всех палатках смотрела, а он мне очень нужен.

— Где же он может быть?

— Не знаю. Я давно его ищу.

Павел пошел вместе с Людой к палатке Гриши.

Минут сорок спустя он мрачно доложил Голычеву, что Костя пропал. В расположении лагеря его нет, и никто не знает, где он. Павлу нелегко было признаться в собственной оплошности. Не надо было на занятиях показывать лазание по скалам без охранения. Мало ли что могло взбрести Косте в голову.

По распоряжению Андрея тридцать человек разбрелись на поиски по ближним склонам. Двое побежали в соседний лагерь.

Два часа поисков результата не дали. Тревога нарастала. Опытные альпинисты знали, в горах случается всякое: неверный шаг на тесном, обрывистом берегу реки, неудачный прыжок могли привести к несчастному случаю.

После краткого совещания у начальника лагеря решено было продолжать поиски всю ночь и обследовать дальние склоны ущелья.

— Фонари возьмите, — напомнил Андрей. — А ты, Федор Петрович, расставь наблюдательные

посты. Сигналы известны. Отбери крепких ребят для связи.

Павел нетерпеливо ждал товарищей, которые собирались в своих палатках. Маршрут поисков он составил с расчетом осмотреть в первую очередь самые привлекательные для Кости уголки ущелья.

Прибежала Мариша и сказала Павлу, что его зовет Антон.

— А у снежника были, где остроконечные скалы? — спросил Антон, когда Павел вошел в палатку.

— Везде искали.

— Я видел, он в ту сторону направился.

Павел взял у Гриши Кузнецова зажженный фонарь.

— Я скоро вернусь. Ждите меня здесь, — проговорил он и чуть не бегом устремился к снежнику.

6

Костя сидел, сжавшись в комок, на той же скале, куда взобрался пять часов назад. Отчаянные попытки спуститься лишь прибавили ему новые царапины. Костя никак не мог достать ногой нижний край «камина», а в другом месте была сплошь гладкая стена, такая, на которой и кошка не удержалась бы.

Костя видел своих товарищей, слышал, как его звали, и прятался в щель. Казалось, легче умереть на месте, чем показаться всему лагерю в таком глупом положении. Он решил ждать утра. Давно наступила темнота, а с нею холод и горькое раскаяние.

Слова попросили сразу несколько человек.

— Не хотел бы я сейчас быть на месте Кости-ка, — наклонясь к Люде, шепнул Борис.

— Так ему и надо! Пусть не задается, — жестко ответила Люда. Но, посмотрев на Костю, который сидел, опустив голову, пожалела его: — Вот дурачок, что натворил. Попадет ему.

Павел пристроился в углу за столиком и внимательно слушал выступления комсомольцев.

— Меня больше всего возмущает, товарищи, тот факт, что Буканов молчал и прятался от нас, когда мы его искали, — с возмущением говорил Сергей, когда ему дали слово. — Я два раза проходил с Гришей мимо тех скал. Почему он не откликнулся тогда? Почему, я спрашиваю?

И Сергей обрушился на Костю, обвинив его в трусости, в желании скрыть свой проступок от коллектива.

— Весь лагерь поднялся на ноги, — продолжал Сергей, — думали, случилось несчастье, волновались. Пошел гулять, видите ли, потом полез на скалы. Может быть, и на зачетном восхождении выкинет что-либо подобное? Павел всех нас предупредил, что без его разрешения по скалам лазить нельзя. Значит, Буканов грубо нарушил дисциплину. А без дисциплины заниматься альпинизмом нельзя. Мы это все знаем. Я хочу спросить у товарищей, которые вместе с ним работают, как он ведет себя на производстве?

Досталось Косте и от других комсомольцев. Он еще ниже опустил голову, украдкой смахивая слезу, которая сползла по его щеке.

Павел видел, как Люда что-то шепнула Борису, затем с недовольным видом повернулась к Грише—

тот делал пометки на листке бумаги и пожал плечами.

Скомкав платочек в руке, Люда попросила слова.

— Костика, то-есть товарища Буканова, — поправились она, — я давно знаю. Здесь спрашивали, как он работает на производстве. Я могу сказать: Буканов хороший комсомолец и хороший производитель. Это может подтвердить и Борис Воронов. Но Костя всегда зазнается. Он думает, что только он один все знает. Он думал, что я не знаю, что такое репшнур...

Председатель собрания постучал карандашом по столу.

— Высказывайся по существу.

— Я и говорю по существу! — обиделась Люда. — Не перебивай меня.

— Ближе к делу! — раздалися голоса.

— Вот сегодня на занятиях Костик получил «неуд», а теперь докатился до того, что его исключают из лагеря, — продолжала Люда, горячась. — Наше отделение строго осуждает поведение товарища Буканова, как некомсомольское поведение, но, я думаю, Костик может еще исправиться. Пусть он даст нам слово.

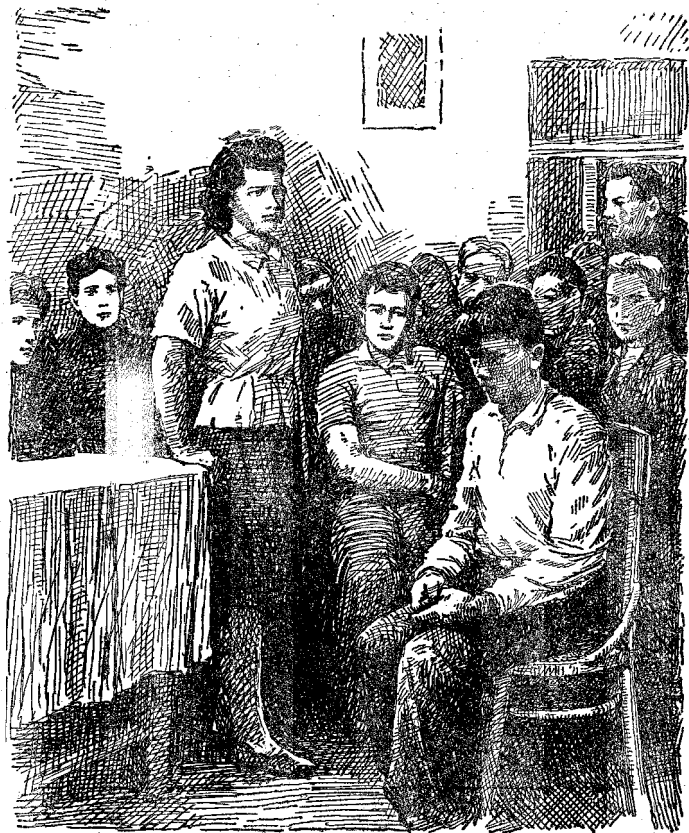
Люда опустила на свое место, вытирая платочком лоб и губы.

— Напледа!.. — махнул рукой Борис.

Сам он стеснялся выступать на собраниях и потянул за рукав Гришу. Тот наклонился к нему.

— Скажи, что мы поручимся за Костика, — шепнул Борис.

— Ладно, ладно, — заторопился Гриша — председатель назвал его фамилию.

Скомкав платочек в руке, Люда попросила слова.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Галя увидела, как из широкого простенка между запорошенными снегом скалами ветер вынес одинокое облако. Скручиваясь большим серым локоном, оно быстро окутало всех бледной пеленой.

— Ребята, это настоящее, как на небе? — живо спросила Люда и протянула руки, словно облако должно было опуститься ей на ладони.

— Поймай, тогда узнаешь, — пошутил Сергей.

Альпинисты находились на высоте трех тысяч метров, в кулуаре безыменной вершины. От их ног круто спускался длинный снежник. Высокие скалы преграждали в кулуар доступ солнцу. Стены их лишены были растительности, и Гале казалось неверо-

ятым, что в полутора часах ходьбы отсюда тепло, растут цветы и ласково шелестят листвою березы.

Сегодня Галя была особенно довольна своими успехами. Павел сказал ей, что теперь она может ходить по снежным склонам. Он даже похвалил ее за скольжение на подошвах, поставив в пример Вадиму. Вот и сейчас Павел добивается, чтобы Вадим выполнил упражнение, — фигуры их виднелись внизу, на середине снежника.

— Глядите, у Вадима, кажется, получается, — сказал Сергей. Он всегда с удовольствием отмечал успехи товарищей.

— Не надо бояться, вот и весь секрет, — заметил пренебрежительно Борис. — А то, как скорость увеличивается, ледоруб в сторону — и плюх на бок.

— Что зря говорить, — возразил Сергей. — Парень не умеет ходить на лыжах, поэтому и трудно.

Костя украдкой вздохнул. И ему, как Вадиму, не везло. Скользя на подошвах, упал и проехал метров десять на «пятой точке». Он и сейчас старался стоять так, чтобы товарищи не заметили на его брюках сырое пятно.

— Все же на скалах приятнее заниматься, — сказала Люда, отогревая дыханием руки. — Тепло, на травке можно полежать.

— Цветочков нарвать, — в тон ей поддакнул Сергей.

Все засмеялись.

— Чего там Павел канителится! — проворчал Борис. — Пора на ледник.

— Сейчас пойдем, — ответил Гриша. — Вадим уже сматывает веревку.

Вадим, запыхавшись, остановился подле ребят. Борис добродушно спросил:

— Ну, что?

— Три раза подряд! Спроси у Павла, — весело ответил Вадим, вытирая лицо платком.

— Не замерзли без нас? — спросил Павел улыбаясь. — А как девушки себя чувствуют? — Он бегло взглянул на Галю. — Значит, все в порядке. Забирайте ледорубы, «кошки», очки. Веревку взять обязательно.

Альпинисты вошли в простенок между скалами. Прямо перед собой, совсем близко, они увидели огромную, стометровую стену совершенно гладких скал. С них свисал тяжелый изорванный язык ледника.

— Костик, — прошептала испуганно Галя. — Стена!..

— Какая же это стена? Это «бараньи лбы», — ответил Костя.

— Да, но... Как мы заберемся туда?

— Разве мы одни идем!

Галя посмотрела на широкую спину Павла, шедшего впереди, и успокоилась.

На ледник поднимались по крутому взлету гребня морены, узкому, как ладонь. Шли медленным, размеренным шагом. Молчали, чтобы не сбивать дыхания.

Галя сперва пробиравась вперед с опаской: стоило сделать один неверный шаг — и сорвешься с большой высоты. Затем освоилась и с интересом стала наблюдать за камнями, которые ежеминутно скатывались с отвесной, внутренней стороны морены.

Она думала: столетиями откладывал ледник камни, принося их от разрушившихся в верховьях горных пород. Вот так и образовалась эта морена. Ледник давно отступил, и теперь морена постепен-

но осыпалась. Ее камни уносил поток, с шумом вырвавшийся из грота ледника.

После сорока минут утомительного подъема мостовая кончилась. Альпинисты вступили на каменную площадку, за которой расстиралось просторное ложе ледника.

— Надеть очки, — скомандовал Павел.

— Ой, девочки! Я ничего не вижу. — Люда развела руками и засмеялась: — Как интересно!

Галья завязала тесемки очков с темными стеклами. Обширный амфитеатр ледника потускнел, отодвинулась на север крутая, изорванная стена ледопада, а серые скалы противоположного берега ледника стали далекими и черными.

— Павел, как же мы будем заниматься в очках? Мы все попадаем, — не унималась Люда.

— Привыкнете.

Первый урок начался с прогулки на «кошках». Павел предупредил, что ледяной купол Местиа-тау будут брать на «кошках», и молодые альпинисты рьяно взялись овладевать техникой ходьбы по льду.

Инструктор вел группу вверх по леднику. По пути встречались склоны разной крутизны и на них удобно было разучивать подъем «елочкой», зигзагом, боком к склону, спиной к склону — прием, который применяется на коротких и очень крутых ледяных участках.

Ребята изрядно утомились. Павел разрешил отдохнуть.

Сели прямо на льду, подстелив под себя куртки. Пока отдыхали, Павел рассказал о характере и строении льда: плотный, крепкий лед имеет голубовато-зеленый цвет — в нем хорошо держатся крючья; слабый фирновый лед отличается молочным

цветом; рыхлый, ноздреватый лед образовывается вследствие больших колебаний температуры, резких переходов от тепла к холоду, а черный, натечный, очень крепкий — на нем с трудом удерживаются даже на «кошках».

— Павел, а что если мы идем-идем и вдруг провалимся в трещину? — сказала Люда.

— Бывает, проваливаются, — усмехнулся Павел. — Галя, как обнаружить трещину под снегом?

Он сегодня впервые обратился к Гале с вопросом, и от неожиданности девушка несколько растерялась.

— По-моему, по цвету снега, — ответила она: — Над трещинами он более темный.

— Но в очках далеко не каждый различит оттенки цвета, — заметил Павел. — Нужен большой опыт.

— Тогда по оседанию снега, который покрывает трещину, — уже спокойно ответила Галя.

Борис незаметно толкнул Костю в бок.

— Давай спросим Павла, видна ли отсюда Местиа-тау?

— От нас ее скрывает вершина Сарыкол-баши, — услышав слова Бориса, ответил Павел и показал на восток, где в голубой дымке виднелись очертания острых скал, похожих на черную корону. — Обратите внимание вон на тот большой ледник. Видите, он лежит между Сарыкол-баши и гребнем Уллу-тау-чаны? Так вот, это и есть Местийский перевал.

Галя смотрела на широкий ледник Местийского перевала, на Сарыкол-баши и не могла себе представить, как будет взбираться на эту вершину Мариша и с чем встретится сама, когда пойдут на Местиа-тау.

— Павел, — обратился Гриша к инструктору. — Предположим, мы взойшли на Местиа-тау. А потом?

— А потом... Будет зависеть от вас, — многозначительно заметил Павел: — Дальнейшие занятия покажут, на что вы годитесь.

— Это понятно, — нетерпеливо произнес Борис. — Интересно, как ты сам думаешь?

Павел улыбнулся, испытующе оглядывая молодых альпинистов.

— Я-то думаю выбрать поход посложнее, — сказал он. — Хочу провести вас по ледникам в Местиа — столицу Сванетии. Посмотрите древние сторожевые башни сванов, познакомитесь с их бытом. А затем через перевал Бечо вернемся обратно.

— Вот здорово! — воскликнул Костя воодушевляясь. — Давай пойдем, Павел!

— Там видно будет, — уклончиво ответил инструктор.

На середине ледник оглашался тонким стеклянным звоном торопливо бежавших ручейков, стекавших с ледяных глыб.

Галя рубила ступеньки, удерживаясь «кошками» на гладком ледяном склоне. Крошки льда брызгали в лицо, прилипали к стеклам очков. Она старалась вырубить ступеньку по всем правилам, но рукоятка ледоруба ерзала в руке, и удар получался то слабым, то слишком сильным.

Неподалеку рубил Костя, за ним — Борис, а подальше — Вадим. Около них стоял Павел и советовал не напрягать излишне мышцы рук, приучать себя к экономии сил.

Галя дождалась, когда Павел ушел на другую сторону бугра, где находились остальные, и, прислонив ледоруб к бедру, бегло оглядела ладонь. Около большого пальца вздулся пузырик.

— Костик, у тебя получаются? — спросила она.

— А как же! Для альпиниста рубить ступеньки — это все! Скажешь, нет?

— Да я ничего не говорю, — чуть не плача, ответила Галя. — Я мозоль набила, а ступеньки не выходят.

— А ты руби побольше. Вот и выйдет. Я сейчас тебе покажу. Раз, два, три!.. Видишь? Вот так надо, — ловко взмахивал ледорубом Костя. — Попробуй.

— Попробую, — со вздохом согласилась Галя. — У тебя откуда кровь на руке? — придиричливо спросила она.

Костя шмыгнул носом.

— Так просто. Царапина.

— И брюки порваны...

— Зацепился «кошкой», — уклончиво сказал он. — Дай булавочку.

— Павел все равно заметит.

— Заметит, — вздохнул Костя. — Дай все-таки.

— У меня нет. Я у Люды видела.

— Ну ее, — отмахнулся Костя.

— Я схожу сама.

— Не говори, что для меня, — строго предупредил юноша и уныло посмотрел на порванные брюки.

Испробовав все приемы ходьбы на «кошках», Костя хотел испытать: можно ли на них бегать. Не сказав никому о своем намерении, в перерыв зашел за бугор и там, скрытый от всех, побежал. В ту же минуту оборвалась пуговица на манжете. Штанна соскользнула с колени вниз, зуб «кошки» зацепился за брюки, и Костя растянулся на льду.

— Что мне делать со своим характером? — удрученно бормотал Костя, думая, что сегодня навер-

няка предстоит неприятное объяснение с Павлом. И не только с ним, а теперь уж и с ребятами. Что им ответить? К тому же он ведь мог повредить ногу, как Антон, и тогда о восхождении и думать нечего. От этой мысли холодок пробежал по спине Кости. Надо честно признаться Павлу и дать слово, что такое никогда больше не повторится.

В перерыве между занятиями он так и сделал.

— Ты мне больше не веришь, Павел? — спросил Костя, и голос его дрогнул.

— Верю, — сказал Павел, скрывая улыбку. Когда-то он сам был таким же сорванцом: все хотел узнать, все испытать и так же набивал шишки.

2

— Последнее упражнение и — домой, — сказал Павел, когда отделение, спустившись по морене, вернулось к снежнику. — Всем скользить до самого низа. По всем правилам. Вадим с Сашей, Костя с Людой спускаются в связках. Остальные — самостоятельно... Начинай!

Сергей, Борис и Гриша ринулись вниз. Костя хотя стал обвязываться веревкой. Галя задержалась. Она поправляла косы. Затем взяла обеими руками ледоруб, прижала его к правому бедру штычком вниз и смело заскользила.

Павел со смутным чувством тревоги следил за ее фигурой в белом свитере, стремительно несшейся вниз. Снег веером разлетался из-под ног девушки. Казалось, что это легкая лодочка-скутер мчится в потоке белой пены.

«Хорошая девушка, смелая», — подумал он и поймал себя на мысли, что видеть Галю, наблюдать за ней становится для него потребностью.

На середине снежника Костя нарочно замешкался, поджидая Павла. Ему хотелось доказать, что тот поступил неправильно, заставив его спускаться в связке с Людой. Он сейчас покажет ему классное скольжение на подошвах.

Когда инструктор поравнялся с ним, Костя разбежался и заскользил, увеличивая скорость.

— Тормозить не забудь! — крикнула Люда, налегая всем телом на ледоруб.

С гордо вскинутой головой, прямой, как струнка, промчался Костя мимо девушки, но... камень! Проклятый камень, предательски скрытый снегом, подвернулся под ногу, и Костя, кувыркнувшись через голову, снова поехал на «пятой точке».

Люда повалилась на бок от хохота. Павел поспешил к Косте.

Взъерошенный, красный поднялся Костя на ноги и, отфыркиваясь, стал вытряхивать из-за воротника снег. Вид у него был такой, словно в жизни нет и не может быть удачи.

Возвращались в лагерь по узкой долине, сплошь заваленной обломками скал и моренными осыпями. Все сняли теплую одежду, и Сергей нес рюкзак с куртками и рукавицами.

Снег и лед остались позади, и Гале казалось, что наступила весна. Небо стало синим-синим. Ручьи журчали торопливо и звонко, кое-где зеленела трава, желтели одуванчики, а из-под камней порою выглядывал голубой глазок незабудки.

— Костик, тебе не хочется побегать босиком? — шепнула она.

— Босиком? — удивился Костя.

Галя засмеялась.

— Ничего-то ты не понимаешь!

Отделение вошло в зону альпийских лугов. Неподалеку по склону бродила отара овец. За ней наблюдал пастушок в белой сванской шляпе с короткими полями.

Павел обернулся к ребятам.

— Кто хочет идти за рододендронами? Их вон за той скалой много, — указал он.

Люда с Сашей подбежали к нему первыми. Подошла и Галя. Видя, что с Павлом идут все, присоединился и Костя.

По высокой траве они проходили мимо мальчика-свана.

— Как живешь, Арчил? — спросил Павел приостанавливаясь.

— Хорошо.

Арчил смотрел на Павла и улыбался. Галя узнала в нем мальчика, который ссорился со своим осликом, когда вез их рюкзаки в лагерь. Она подошла поближе.

— Кетеван где? — оглядывая склон, спросил Павел. Он знал: где Арчил, там должна быть и его сестренка.

— Здесь, — указал Арчил и протяжно крикнул.

Шагах в пятидесяти от них из травы поднялась девочка лет четырех и снова испуганно присела — виднелась только ее черная головка.

— А раньше убегала сразу, как дикая козочка, — сказал, тепло улыбаясь, Павел.

— Хотите познакомиться с дочкой Габриэля? — предложил он.

Кетеван смотрела на Галю, широко раскрыв огромные черные глаза.

— Кето, ты не боишься меня? — ласково спро-

сил Павел, поднимая ее на руки. — Моя приятельница, — похвастался он и опустил девочку на траву. — Кето, я тебе конфетку принес. — Он достал из кармана горстку «лимонных».

Не меняя серьезно-настороженного выражения лица, Кетеван молча взяла обеими руками конфеты и поспешила к брату.

Павел с Галей посмотрели ей вслед и пошли дальше.

— Понимаете, Галя, никак не могу приучить Кетеван к себе, — пожаловался он.

Девушка с лукавством взглянула на него.

— Кто же угощает кислыми конфетами?

— С шоколадом я потерпел неудачу, — ответил Павел серьезно. — Правда, сам виноват. Шоколадка размякла у меня в кармане. Кето выпачкала пальцы и бросила. Обертку взяла. Красивая была, с золотыми буквами.

— Разве можно быть таким неловким! — засмеялась Галя.

Павел, улыбаясь, развел руками.

— Что же поделаешь? Мой недостаток. Посмотрите, Галя, какие здесь цветы красивые.

Действительно, на цветы стоило обратить внимание. В лучах заходившего солнца колокольчики, ромашка, гвоздика приняли чудесную окраску, бархатисто-пунцовые, фиолетовые, нежносиние тона, переливаясь, создавали причудливое разнообразие оттенков, которыми нельзя было не залюбоваться.

— Послушайте, Павел, — сказала Галя доверчиво, — похоже, что именно эти цветы описал Золя в своей книге «Проступок аббата Муре». Помните, о каком чудесном саде там говорится?..

Сказала — и почувствовала неловкость: едва ли

он так широко знаком с художественной литературой.

— Припоминаю, — простодушно ответил Павел. — Здесь, в ущелье, найдете не только сад Парадю. Кажется, он так называется у Золя? Ближе к ледникам Уллу-тау-чаны много скал, похожих на руины. И вообще...

Павел испытующе посмотрел на девушку.

— Вы, Галя, очевидно, слышали о красоте гор Швейцарии? Так вот, горы Кавказа или Тянь-шаня не только ни в чем не уступают прославленным Альпам, но и превосходят их по красоте и разнообразию природы. И у нас много голубых озер на дне ущелий, и живописных водопадов сколько хотите. А если говорить про животный и растительный мир, то здесь он куда богаче. К тому же наш Эльбрус — высочайшая горная вершина Европы.

У Гали блеснули глаза.

— Скажите, Павел, неужели здесь, в ущелье, туры водятся и вереск растет? — спросила она с возрастающим интересом.

— Есть и туры, — подтвердил он улыбаясь. — А вереск нескольких видов: калюна вульгарис — обыкновенный, встречается и шотландский — эрика тетраликс.

— Оказывается, вы отлично разбираетесь в флоре и фауне Кавказа, — сказала Галя с оттенком уважения в голосе.

— Да нет, не очень. Кое-что читал, — ответил Павел и переменял тему разговора: — Скажите, вас не пугает зачетное восхождение?

Галя собралась ответить, что немножко пугает, но снизу послышался оживленный голос Люды:

— Галя, Павел, идите сюда! Здесь столько рододендронов!

Антон отчаянно скучал. Почти целыми днями валялся он в холодке под деревьями или на койке, строго соблюдая предписание врача. Для сильного, мужественного человека это казалось пыткой.

— У меня даже характер стал портиться от безделья, — жаловался он Марише.

Занятая подготовкой к восхождению на Сарыкол-баши, она заглядывала к нему не часто. Все были заняты, и только он один оставался праздным.

Сегодня Антон ждал телеграмму. Продлит ли Григорий Михайлович отпуск? Вспыльчивый профессор, как всегда, обвинит его в лени, в отсутствии целеустремленности, накричит на Сашку и сгоряча переведет во вспомогательную группу.

От этой мысли Антона бросало то в жар, то в холод.

Но, вспоминая доброе отношение к нему старика-профессора, несколько успокаивался. Однако не надолго. Появлялись сомнения уже иного порядка. Ну, а что будет дальше, если отпуск продлят? На Бжедух-то он сходит, но сразу же после этого ребята начнут разъезжаться по домам. Найдут ли он тогда разрядников, которые смогут пойти с ним на Джайлык? На нем-то ему особенно важно проверить себя: подъем по восточному гребню Джайлыка по трудности входит в четвертую категорию.

За этими мыслями его и застала Мариша. Она вбежала в палатку оживленная, веселая.

— Костик был у тебя? — тотчас спросила она, присаживаясь на койку.

— Нет, не был, — удивляясь, ответил Антон.

— Я боялась, что он опередит меня. На, читай! — И она, улыбаясь, подала Антону телеграмму.

В ней были три слова: «Разрешаю две недели».

— Так это же чудесно! — воскликнул Антон. — Ну, просто замечательно! Дай я тебя поцелую.

Мариша, смеясь, вырвалась.

— А Сашка молодец! Наверняка взял мою работу на себя.

Мариша положила ему руку на плечо.

— Ты смешной, Антон.

— Правда! Теперь он и ночует в лаборатории, я знаю. Ну, я теперь наверняка добьюсь своего. Вон Павел идет. Сейчас поговорим, как мне все лучше сделать.

В палатку вошел Павел.

— Я ни разу не встречал еще такого послушного больного, — улыбаясь, сказал он. — На твоём месте я бы плясал от радости.

— Но-но! — предостерегающе поднял палец кверху Антон. — Не соблазняй, не то в самом деле пушусь в пляс. Мне с тобой поговорить надо, Павел.

— После наговоритесь, — вмешалась Мариша, — времени достаточно, — и с любопытством спросила у Павла: — Какие новости? Я видела тебя на рации.

— Я говорил с ребятами, — охотно ответил Павел. — Заканчиваем работу с этой очередью новичков и отправляемся траверсировать Ушбу.

— Антон, ты у себя? — слышался снаружи голос Гали.

Она вошла в светлом платье и с рододендронном

в косах. Увидев Павла, слегка смутилась и сказала первое, что ей пришло в голову:

— А я, Антон, думала, ты один и скучаешь... Маришенька, сегодня танцы. Пойдешь? Павел, а вы?

Только сейчас Антон заметил, что на Павле новая шелковая рубашка и брюки тщательно выглажены. Он переглянулся с Маришей. Та прикусила губу, боясь рассмеяться.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

— Пойдем, Вера. Холодно, — сказала Мариша, зябко передернув плечами.

С полчаса назад альпинистки спустились с вершины Сарыкол-баши и сейчас отдыхали на снежном плато Местийского перевала.

— Пойдем, — согласилась Вера Савина, стройная девушка со светлыми выующимися волосами. Она протерла платком стекла защитных очков и встала.

Мариша принялась было обвязываться веревкой.

— Зачем? Не надо, — усмехнулась Вера. В этом сезоне она покорила уже две вершины, стоило ли думать об излишних предосторожностях? — Мы ж пойдем прежним путем, по гребешку. Обвяжемся,

когда потребуется. — И Вера самонадеянно добавила: — Я тогда скажу тебе.

Успех восхождения слегка вскружил голову и Марише. Казалось, что после скал Сарыкол-баши все опасности остались позади. Она уступила подруге и стала прикреплять веревку к рюкзаку.

В последний раз девушки гордо посмотрели на острые скалы вершины и пошли вниз по леднику.

Смутное беспокойство: уж не слишком ли беспечно они идут, появилось у Мариши на середине ледника — солнце перевалило за полдень, и снег заметно размяк.

— Вера, не торопись, — предупредила она и хотела сказать: «Давай все же обвяжемся», но не успела — у нее под ногами внезапно осел снег, и Мариша, вскрикнув, провалилась в трещину.

Вера в замешательстве бросилась к провалу, на ходу срывая защитные очки. Она успела увидеть: в глубине, среди ледяных стен, взметнулись брызги.

Вынырнув, Мариша инстинктивно ухватилась за ледяной выступ и судорожно глотала воздух. Оглушенная падением, она не слышала, что ей кричала Вера.

Так прошла минута. Затем Мариша овладела собой и попыталась разобраться в создавшемся положении. Темнозеленые стены трещины находились близко друг от друга — она могла достать их руками. В трех шагах от себя, в ледяной стене Мариша увидела углубление, где могла поместиться нога, и повыше — выступ.

Придерживаясь руками за стены — ледоруб она выронила при падении, девушка с трудом подплыла к углублению. Подтянувшись, попыталась до-

стать рукой выступ, но пальцы срывались. Набухший рюкзак и тяжелые ботинки тянули вниз.

Надо было что-то предпринять — силы уходили, и она чувствовала, как холод проникал все глубже в тело, сковывая движения. Тогда Мариша решила расстаться с рюкзаком. Сначала, цепляясь за складочки на льду, освободили одно плечо, потом — другое.

Вера почти до половины туловища свесилась в трещину; она слышала плеск воды и тяжелое дыхание подруги.

Видно было, как Мариша, держась за выступ, с усилием поставила одну ногу в углубление, а другой оперлась о противоположную стену и вылезла на выступ.

Вера отодвинулась от края трещины и вытерла со лба холодный пот. Все же было счастьем, что в трещине оказалась вода, иначе Мариша могла бы разбиться.

— Как ты? — с тревогой спросила Вера.

— Держусь пока.

Для Веры было ясно, что Мариша сама ничего не сможет сделать. Простоять долго на ледяном выступе невозможно. Вера понимала, что именно она обязана была что-то предпринять, придумать какой-то выход из положения. Но какой? Веревка, и та утонула вместе с рюкзаком Мариши.

А Мариша, вымокшая до нитки, стояла в узком простенке на глубине в двенадцать метров и безнадежно смотрела на гладкие высокие стены. Где-то в стороне монотонно журчала струйка, падавшая сверху, и громко капала вода, стекавшая с одежды.

Чем дальше альпинистки разглядывали стены, тем яснее становилось обим: без посторонней помощи Марише отсюда не выбраться.

— Вера, беги в лагерь, — неохотно сказала Мариша.

— А как же ты?

— Не можем же мы без конца любоваться друг другом! — с раздражением ответила Мариша: — Я долго так не простою.

Это простое замечание подруги поразило Веру. Она растерянно взяла свой рюкзак и, ощупывая ледорубом снег, стала торопливо спускаться с перевала, позабыв надеть защитные очки.

Пересекая внизу ледник, Вера увидела на гребне морены четырех альпинистов из своего лагеря и узнала инструктора Щеглова, который шел на вершину Адыр-су-баши.

Разговор был коротким. Альпинисты сбросили с плеч рюкзаки, взяли веревки, ледовые крючья и поспешили на вырубку, потребовав, чтобы Вера немедленно надела очки.

— Без глаз хочешь остаться, — предупредил Щеглов.

— Вот здесь, недалеко. Вон там, — указала Вера, когда поднялись по крутому снежному склону террасы.

— Обвязываемся! — скомандовал Щеглов.

Оглядев широкое поле с темными линиями трещин, он пошел вперед, тщательно прощупывая ледорубом снег.

Не останавливаясь, миновали несколько узких трещин. Над одной Щеглов наклонился.

— Дальше, дальше, — торопила Вера.

Прошли метров триста. Шаги Веры стали менее уверенными.

— Трещину отметила чем-нибудь? — спросил Щеглов хмурясь. Он догадывался, что у девушки болят глаза, — нельзя безнаказанно ходить без

защитных очков по снегу при ярком солнечном свете.

Вера промолчала. Ей казалось, она на всю жизнь запомнила то место. Но глаза у нее действительно слезились, все вокруг расплывалось.

— Мне кажется, мы взяли вправо, — сказала она.

Альпинисты переходили от трещины к трещине, нагибались, кричали. Солнце предательски уничтожило все следы.

Когда последний луч солнца угас, Щеглов остановился и, не глядя на Веру, сурово сказал:

— В темноте без фонарей искать бессмысленно. Иван, ты побежишь известить лагерь.

— А как же Мариша?! — воскликнула Вера с ужасом.

Щеглов промолчал. Ему неприятно было смотреть на эту красивую, растерявшуюся девушку.

2

...Мариша напряженно прислушивалась. Она мысленно следила за Верой. Сейчас она, вероятно, уже в лагере химиков и спасательный отряд выйдет к перевалу, а в ее лагерь по горной тропе бежит связной.

Мариша попрежнему стояла одной ногой на выступе, а другой опиралась о противоположную стену трещины. Мокрая одежда прилипла к телу, вызывая озноб.

«Как глупо! — думала она с горечью. — Как глупо вышло все!..»

Однообразный звон падавших капель надоедливо бился в ушах.

Вынужденное бездействие утомляло больше, чем работа на скалах.

Руки посинели и распухли от холода.

Расцарапанные о лед пальцы болели, ноги ломило от усталости и напряжения.

Синяя полоска неба потемнела. Прекратилось и журчание воды. Черные тени вползли в трещину. Мариша медленно подняла голову. Яркая холодная звезда глядела на нее.

И тогда Мариша подумала: «С Верой случилось несчастье». Стало страшно. Ей здесь долго не продержаться!.. И сразу охватила слабость, закружилась голова.

Девушка прислонилась лбом к ледяной стенке. «Что же делать? Неужели погибнуть так бестолково, так бесцельно?»

От этой мысли в груди ее зародилось возмущение, протест. Вспыхнуло желание карабкаться по этим стенам, цепляться ногтями, каждой частичкой тела — и выбраться.

Усилием воли овладела собой.

Человек не может преодолеть высоту четырехэтажного дома по гладкой стене без крючьев и веревок. Единственный путь к спасению — продержаться до утра. Контрольный срок возвращения в лагерь истекает в девять часов вечера. И тогда ее друзья и товарищи поспешат на помощь. Таков нерушимый закон советских альпинистов.

Ей надо продержаться во что бы то ни стало!

Вытащив нож, Мариша тщательно привязала его за колечко к кисти, чтобы не выронить. Нагнувшись, начала терпеливо долбить лед у выступа.

Лед поддавался плохо, и вскоре Мариша поняла, что ножом ей сиденье не вырубить — потребовалось

Холод ледника проник до костей.

бы много часов работы, и она лишится последних сил.

Тогда решила сделать две лунки для пальцев и расширить углубление в стене, чтобы поставить обе ноги.

Осторожно, боясь сломать нож, в течение часа скалывала лед. Потом, придерживаясь за лунки, тяжелым горным ботинком расширила углубление. Чтобы не так мерзли пальцы от соприкосновения со льдом, она разорвала на две части платок и положила в лунки.

Мариша прислушивалась к шорохам и снова подумала о Вере: «Что с ней? Добралась ли она до лагеря?»

Холод ледника проник до костей. Тоскливо было слышать Марише свое прерывистое дыхание и поскрипывание промерзшей одежды. Ворстник куртки покрылся тонкой корочкой льда.

Ледок подтаивал, и капельки медленно сползали по спине.

Потом наступило оцепенение, забытье, когда смыкались веки, усталое тело медленно клонилось, ноги срывались, царапая железными гвоздями лед.

Мариша с усилием меняла положение тела — одну ногу ставила в углубление, а другой опиралась о стену.

— Антон, милый!.. — шептала она посиневшими губами.

Порой ей казалось, что она слышит голоса, видит красноватые отблески фонаря на кромке трещины. Теплая волна пробегала по телу. Мариша кричала. Потом, затаив дыхание, напряженно слушала, опять кричала.

Сколько времени прошло, трудно было сказать.

Она всматривалась в полосу неба в надежде уловить наступление рассвета.

Все казалось прежним, лишь среди бисера звезд не было той крупной и яркой звезды, которую она видела с вечера.

Снова девушку охватывала тяжелая нервная дремота. И наступил момент, когда ослабевшее тело сторбилось, обмякло.

Мариша покачнулась и рухнула в воду.

«Конец!» — промелькнуло в ее сознании.

Однако у нее хватило сил всплыть на поверхность.

С лихорадочной поспешностью Мариша нащупала в темноте знакомое углубление в стене и уцепилась за его шероховатые края.

Вода, потревоженная падением девушки, плескалась, сердито шуршала возле ее лица, а Мариша почувствовала некоторое облегчение — движения в воде ввели в работу другие группы мышц, и это чередование дало передышку ногам и пояснице.

Сосредоточившись в одном отчаянном усилии, Мариша вылезла на прежнее место

3

В четвертом часу ночи группа Голычева с Федором Петровичем и Павлом подошла к бивуаку спасательного отряда, расположившегося у подножья Местийского перевала.

Щеглов сидел у костра и кипятил чай.

— Что произошло? — спросил Павел, присаживаясь напротив.

К огню подошли Федор Петрович и Андрей. За

ними шли старший инструктор из соседнего лагеря и начальник спасательного отряда.

Совместно составили план поисков. Разбились на четыре группы. Первая, во главе с Павлом, тотчас вышла к вершине Сарыкол-баши осмотреть весь путь, по которому спускались девушки. Вслед за ними отправились и другие.

Когда на горизонте появилась светлая полоса рассвета, приступили к поискам, разойдясь по леднику в разных направлениях.

Найти Маришу удалось Щеглову. Он отошел в противоположную сторону от той, куда вчера их водила Вера, и услышал слабый крик в одной из трещин.

На леднике сразу стало шумно. Альпинисты бежали к Щеглову.

Просигнализировали Павлу, чтоб он возвращался со своей группой.

Спустились к Марише на веревках, обвязали ее и подняли вверх.

Штормовка и брюки на Марише настолько замерзли, что колени девушки не сгибались. Она смотрела на своих товарищей, пытаясь улыбнуться, потом закрыла глаза и пошатнулась.

Расстелили палатку и положили на нее девушку.

— Ваша работа теперь закончена, товарищи, — сказала врач. — Отойдите в сторону и отвернитесь. Вера, ко мне.

Когда вернулся Павел, на Марише уже разрезали одежду, растерли спиртом тело, переодели девушку в сухое белье, дали коньяку и шоколаду, перевязали израненные о лед руки.

Хотели сделать носилки из ледорубов и палатки, но Мариша заупрямилась и пошла сама, поддерживаемая Павлом и Андреем.

Весь день волновались молодые альпинисты, ожидая вестей с Местийского перевала. Появление спасательной группы с Маришей вызвало шумное ликование всего лагеря.

Костя, Вадим, Борис, а за ними и другие побежали навстречу.

— Вот здорово! Вот молодец Мариша! — восторгался Костя. — Ты понимаешь, — дергал он Бориса за рукав, — шестнадцать часов простояла!..

Глаза у Кости округлились. Забинтованные руки и осунувшееся лицо девушки подсказали ему, что должна была испытать Мариша, находясь в трещине.

Антон, прихрамывая, прошел в палатку Мариши. Со вчерашнего вечера, когда прибежал связной и сообщил о несчастье, он осунулся так, будто только что вернулся с трудного восхождения. Он понимал: испытания для Мариши еще не кончились. Никто не знал, каковы будут последствия. Врач опасалась воспаления легких.

Около палатки собрался чуть ли не весь лагерь, и Андрею пришлось наводить порядок.

— Марш отсюда! — строго прикрикнул он на молодежь. — Врачу не мешать. Занимайтесь своим делом.

Костя с Борисом и Вадимом пристроились на бугре. Однако блокноты с записями лекций лежали перед ними закрытыми.

Не так-то легко было заняться делом. Сперва в палатку прошел Федор Петрович, затем вышел вместе с врачом, и они о чем-то говорили. Врач вошла обратно, а Федор Петрович послал проходившую мимо Люду на кухню.

Люда возвращалась с чайником и кружкой. За ней торопился Иван Матвеевич, повар. Белый колпак его сдвинулся набок. В руках — тарелки с белым хлебом и жареной бараниной.

— Матвеч скоро обратно пойдет, — заметил Костя. — Я тогда спрошу у него, как там дела.

Иван Матвеевич вскоре вышел из палатки, и Костя поспешил к нему навстречу.

— Дело серьезное, — ответил Иван Матвеевич. — Поела самую малость.

Костя вернулся к ребятам.

— Не могу понять, — проговорил Борис, — почему девушки не обвязались веревкой?

— Вера много воображала о себе, — заметил Вадим.

— Я бы ее в лагерь не пустил больше! — сердито произнес Костя.

Борис поморщился.

— Болтаешь сам не знаешь что! — сказал он. — Мариша тоже хороша! Значок имеет, а по леднику ходить не научилась.

— Ну, правильно. Конечно, и Мариша виновата: без охранения идти нельзя. Но все же Мариша исправилась свою ошибку, а Вера — нет.

— Видно, одной смелости мало, чтобы стать настоящим альпинистом, — сказал Борис задумчиво.

Из Маришиной палатки вышла Люда. Костя приподнялся и поманил ее к себе. Люда сделала вид, что не замечает его. Тогда ее окликнул Вадим. Люда направилась к ним, важная и строгая.

— Что вы кричите?

Ребята шопотом, все вместе, спросили, как себя чувствует Мариша.

— Кашлянула, — ответила Люда внушительно. —
Врач всю ночь будет дежурить, а вы больше не
кричите — Мариша уснула.

Крепко проспав до утра, Мариша встала здоровой и свежей. Однако весь день не выходила из палатки, — совестно было: ведь даже начинающие альпинисты знают, что без веревки нельзя ходить по закрытому снегом леднику.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

По давно установленному обычаю в лагере каждый вечер зажигался костер.

Устраивало его дежурное отделение на специальной площадке, которая находилась недалеко от веранды. У костра проводили беседы, устраивали вечера самодеятельности, порой инструкторы рассказывали о своих приключениях в горах. Да и просто так хорошо было посидеть в тесном кругу товарищей, поболтать о впечатлениях прошедшего дня, помечтать, глядя на яркое, сильное пламя, на трескучий сноп веселых искр, летящих в темное небо, к южным крупным звездам.

— Вот это костер мы соорудили! Вот это да-а!—

в один из таких вечеров восхищался Костя. — Будет о чем рассказать ребятам в типографии. Смотри, Галя, и Федор Петрович идет сюда! — возбужденно сказал он. — К нам идите, Федор Петрович, вот место!

Федор Петрович с ласковой усмешкой оглядел ребят, поправил куртку и обратился к Сергею Жукову:

— Чего же замолчал? Продолжай, и я послушаю.

— Да мы так просто, — замялся Сергей. — Я рассказывал, как у нас в Ленинграде, когда началась война, альпинисты маскировали шпиль Петропавловской крепости.

— А-а!.. Знаю, слышал, — улыбнулся Федор Петрович. — Им ведь пришлось и Адмиралтейскую иглу маскировать и шпиль Инженерного замка. Правду говорят, к Инженерному замку аэростат подводили и на веревке спускали альпиниста?

— Так и было, — подтвердил Сергей. — Мы, мальчишки, бегали смотреть. Ох и здорово, Федор Петрович! Верхолазы отказались: говорили, надо специальные сооружения ставить.

Федор Петрович видел, что слова Сергея заинтересовали молодых альпинистов, и улыбнулся.

— У нас альпинисты многое делают. В недоступные горные районы страны, как первые разведчики ценных ископаемых, кто ходит? — загибая палец и, видимо, намереваясь перечислить все практические задачи, которые решают альпинисты, заговорил Федор Петрович, но Костя перебил его:

— Федор Петрович, а правда, что здесь, на Кавказе, альпинисты помогли геологам открыть новые месторождения редких металлов?

— И не только здесь, — подтвердил Федор

Петрович. — В Средней Азии, я знаю, открыли ванадий, олово. Мы и топографам нужны. Когда потребовалось расшифровать «белое пятно» на Памире, в районе Пика Сталина, позвали нас, альпинистов. Все это, ребята, наша служба родине.

— Федор Петрович, — обратился к завучу Сергей, — я вот все хочу вас спросить... Ведь вы воевали в этих местах?..

— Так-так, — подбодрил его Федор Петрович.

— Вот рассказали бы нам что-нибудь.

— Понимаю, — улыбнулся Федор Петрович. — К сожалению, товарищи, про себя рассказать ничего интересного не могу — служил в штабе, непосредственно в боевых операциях не участвовал.

— Тогда про кого-нибудь еще, Федор Петрович!

— Про кого же? Дайте подумать, — проговорил Федор Петрович, пощипывая подбородок. — А-а, вспомнил! Долго рассказывать только...

— Расскажите, Федор Петрович! Пусть долго, ничего! Времени у нас хватит!

— Ну, что ж с вами поделаешь, — улыбаясь, развел руками Федор Петрович. — Так и быть, расскажу вам о Павле Русанове и Андрее Голычеве. Вы их знаете.

Парни и девушки притихли, вслушиваясь в неторопливое повествование Федора Петровича.

И перед глазами молодежи в причудливых сочетаниях пламени и дыма, клубившегося над костром, вставали незабываемые картины минувших дней.

События, о которых рассказывал Федор Петрович, были таковы...

...Осенью 1942 года немецко-фашистские войска

перешли Клухорский перевал на Военно-Сухумской дороге, намереваясь прорваться к Черному морю. Отряд егерей из дивизии «Эдельвейс» проник через перевал Хотю-тау на Эльбрус и укрепился там на ледяных склонах Приюта одиннадцати и на скалах Кругозора.

Гитлеровцы заняли город Нальчик. Чтобы вырваться из Баксанского ущелья, одна из наших частей вынуждена была переправляться через льды и глубокие снега перевала Донгуз-орун. Подразделения немецких егерей, засевшие в районе Эльбруса, бросились к Донгуз-оруну, пытаясь преградить путь советским войскам.

Их встретили наши подвижные отряды, которые обороняли перевалы Эльбруса с юга. Завязались жестокие схватки, и противник отошел на старые позиции.

После одного такого боя на перевале Чиперазу лейтенант Павел Русанов был срочно вызван в селение Бечо.

Начальнику штаба части стало известно, что немцы внезапно заняли селение Верхний Чегем, в шестидесяти пяти километрах от Нальчика. Необходимо было перейти горный хребет, проникнуть в Чегемское ущелье и доставить сведения о расположении частей противника. Выполнить это задание было поручено опытным альпинистам Павлу Русанову и Андрею Голычеву. Кандидатуру третьего участника операции — местного жителя партизана Ваню Маргиани — предложил сам Павел.

Ваню Маргиани до войны занимался в школе инструкторов альпинизма и был приятелем Павла и Андрея, которые преподавали в этой школе.

Выйдя из помещения штаба, Павел направился к дому Ваню.

— Заходи, садись, — улыбаясь гостю, неторопливо произнес Ваню, высокий белокурый сван. — Говорить будем. Арак пить будем.

— Спасибо, Ваню. В другой раз. Сейчас времени нет. — Павел понизил голос. — С нами в разведку пойдешь?

У Ваню блеснули глаза. Он двумя пальцами левой руки пригладил усы, минуту помолчал и спросил неторопливо:

— Лыжи брату надо? У меня «камосы» есть.

Павел не мог скрыть удовольствия. «Камосы» — это широкие ремни из шкуры тюленя. Крепятся они на скользящую поверхность лыж и при подъеме на крутые склоны не дают лыжам съезжать назад.

— Сколько у тебя? — спросил Павел.

— Два.

— Бери.

Задолго до рассвета Павел, Андрей и Ваню с автоматами, лыжами и увесистыми рюкзаками со снаряжением и продовольствием на пять суток вышли из селения Жабеш.

Они поднялись к леднику Твибер, неподалеку от которого стояла каменная хижина Южного приюта. Разведчиков остановили двое часовых. Они вызвали старшину — начальника маленького гарнизона. Павел шепнул пароль.

— Туда, товарищ лейтенант? — старшина кивнул по направлению Твиберского перевала.

Павел усмехнулся, укоризненно покачав головой. Старшина смутился: задавать разведчикам вопросы не положено. Однако увидев, что лейтенант не рассердился, сказал сочувственно:

— Трудненько будет, товарищ лейтенант. Уж больно неладно там: лавины, обвалы. Трех наших на той неделе засыпало.

Вано обернулся к нему:

— Где ходят альпинисты, легкого пути нет, — строго проговорил он. — Горы знать надо.

— Конечно, мы понимаем, — пробормотал старшина сокрушению и подошел к Павлу. — Товарищ лейтенант, а Сталинград как? Мы тут не знаем.

Последняя сводка Информбюро, которую Павел слушал вчера, скупно повествовала о тяжелых боях в районе Сталинграда, но он ответил уверенно:

— Сталинградцы держатся крепко.

Старшина посветлел.

— Сталинград! Слово-то какое, товарищ лейтенант! Спасибо вам. Ни пуха ни пера!

Часовые долго смотрели на разведчиков, пока те не затерялись в пелене облаков, прикрывавших ледяную пустыню.

— Пропадут они там, товарищ старшина! — вздохнул часовой.

Старшина сурово взглянул на него:

— Ты знаешь, что это за люди? Если не знаешь, так помалкивай.

Путь на перевал Твибер был изнурителен даже для тренированных альпинистов-разведчиков. Длинный подъем по глубокому и мягкому снегу выматывал силы. Часто приходилось идти в опасной близости от снежных карнизов, свисавших огромными шапками с крутых склонов. Лыжню прокладывали по очереди.

На крутой гребень перевала Твибер поднялись в сумерках, оставив за собой дорожку перемятого лыжами снега.

— Здесь переночуем, — сказал Павел, устало подходя к выступу большой скалы. — Доставай палатку, Андрей.

...Рассвет застал разведчиков снова в пути. Очерчивая на пушистом снегу зигзагообразный след, они вскоре вышли на середину широкого ледника Кулак, подальше от лавиноопасных склонов Скалы Бедорку.

Тучи висели совсем низко, и ледник казался огромной чашей, прикрытой кисеей. Мела поземка. Она кидала в лицо разведчикам пригоршни сухого, колючего снега, слепила глаза.

Неподалеку от большого ледопада, образовавшегося при впадении левого притока ледника Кулак, разведчики пролежали с полчаса, наблюдая за кошом — летним жилищем пастухов.

Сверху кош казался кучкой камней, запорошенных снегом.

Ни дымка, ни следов не видно было внизу.

— Лыжи оставим здесь, — сказал Павел, когда миновали кромку снега.

Уверенно пробираясь по лесу, Ваню привел товарищей к небольшой пещере, вход в которую скрывали кусты можжевельника.

Павел тотчас пошел к домику Северного приюта на разведку.

Вернулся он через час. Андрей за это время сварил суп из концентратов и вскипятил чай.

— Домик занят, — озабоченно сообщил Павел. — Теперь и в коше, наверху, засядут.

— И много их? — полюбопытствовал Андрей, развязывая рюкзак, в котором лежали сухари.

— Человек десять, и все «эдельвейсы», — сказал Павел, сурово сдвигая брови. — Расположились, как дома.

Ваню потянулся за автоматом, но Павел отвел его руку:

— Нельзя, Ваню.

— По тропе не пойдешь теперь, — вмешался Андрей.

— Тропа другая есть. Немножко трудно будет, — хмуро заметил Вано.

К вечеру разведчики вышли к Чегемскому ущелью. Скрытно перейдя мостик у места слияния речек Гара-ауз-су и Башиль-ауз-су, добрались до выючной тропы. На отдых расположились в непроходимой лесной чаще в трех километрах от Булунгу, где, по мнению Павла, должен был находиться штаб немецкого отряда.

— Ты подежуришь, — сказал Павел Андрею. — А на рассвете разбудишь нас.

Это означало, что Андрею придется остаться в лесу и наблюдать за выючной тропой, которая шла вниз по берегу реки Чегем.

Андрей молча проглотил обиду: Вано, знавший местные языки, сейчас был полезнее в выполнении трудной задачи.

...Павел и Вано лежали в кустах, густо разросшихся вдоль горной дороги. Холодный ветер сердито трепал оголенные ветви кустарника, и разведчики совсем ооченели в своих легких штормовых куртках.

Уже третий час шел с тех пор, как они пробрались сюда, к крутому повороту дороги, которая вела из селения Булунгу в Верхний Чегем.

Утром они потеряли много времени, пробираясь по скалистым обнаженным склонам к Булунгу. В этом селении находился лишь небольшой отряд немцев. Старик-кабардинец, с которым Вано удавалось поговорить, ничего нового не сообщил. Павел решил пройти дальше, к большому селению Верхний Чегем. Но подойти близко к селению не смогли: мост через реку охранялся егерями.

По мосту часто проезжали грузовики. Павел старательно запоминал опознавательные знаки на бортах машин. Но вот показались два мотоциклиста, офицер и солдат. Они повернули на дорогу в Булушту.

«Поедут ли сегодня обратно? — раздумывал Павел. — Уж вечер скоро».

— Нам обратно надо, — проговорил Ваню. — Сколько людей тут — знаем. Что за люди — знаем. Командир доволен будет.

Павел и без Ваню помнил указание начальника штаба: «Пять суток, не больше, — сказал ему начальник штаба. — Важны даже неполные сведения. Только скорей».

— Сумку надо бы взять, — ответил Павел. Он был уверен, что в полевой сумке немецкого офицера окажутся ценные сведения: карты, документы.

— Тогда ждать надо, лежать тихо надо. Сумку возьмем, — спокойно проговорил Ваню.

Разведчики терпеливо прождали еще с час. Со стороны Верхнего Чегема появилась груженная полупортка. А навстречу ей — два мотоциклиста.

Павел и Ваню переглянулись. Ваню поморщился и качнул головой.

— Не везет! — скрипнул зубами Павел.

Разведчики приникли к земле и притаились.

В грохоте реки Павел ясно различал шум приближавшей полупортки. Шума мотоциклетов все еще не было слышно. Павел чуть приподнял голову и увидел: в полукилометре от них солдат сидел на корточках перед своей машиной, а офицер поворачивал к нему.

У Павла от возбуждения расширились ноздри. Решала минута. Задержись офицер, и тогда полупортка не помешает.

Офицер, видимо, оказался строгим и требовательным. Пока солдат стоял перед ним навтыжку, полуторка проехала.

— Действуем без шума, Ваню, — напомнил Павел, не спуская глаз с мотоциклистов.

Офицер не стал ждать солдата, прочищавшего карбюратор, и поехал один.

— Главное — без шума, — повторил Павел.

Отсутствие солдата облегчало задачу разведчикам, и они, пригибаясь, побежали к спуску на дорогу.

Обогнув поворот, офицер резко затормозил перед камнями, почему-то оказавшимися на дороге. Прежде чем он заподозрил опасность — на горных дорогах камни осыпаются часто, — сильный удар прикладом по голове свалил его замертво наземь.

Ваню подбежал к Павлу, и пока тот снимал с офицера полевую сумку, поднимал мотоциклет, подкатил его к краю обрыва и столкнул в реку. Вслед за машиной в воду упало и тело офицера.

Полминуты ушло на то, чтобы убрать с дороги камни.

— Порядок, — удовлетворенно сказал Павел, и разведчики побежали по склону в заросли кустарника.

Добежать не успели. Ваню первым различил в шуме реки звук мотоциклета и припал к земле.

Спрятавшись во впадине, Павел увидел, как по дороге пронесся отставший от офицера солдат.

Ваню, поджав губы, покачал головой.

— Плохо.

— Поторопились! — согласился Павел.

И товарищи опять побежали.

Между тем солдат, очевидно, обеспокоенный исчезновением своего начальника, вскоре вернулся

обратно — снова раздалось стрекотание мотоциклета. Разведчики притаились за обломком скалы. Солдат, не слезая с машины, осмотрел дорогу, потом внезапно дал очередь из автомата и помчался в Верхний Чегем.

— Скорей в горы, Ваню, иначе туго придется, — торопливо зашептал Павел.

В сумерки Павел и Ваню вернулись к Андрею. Тот сообщил, что полтора часа назад одна за другой быстро прошли две группы егерей в количестве четырнадцати человек. Егери шли к Северному приюту.

— Та-ак, — произнес Павел с усмешкой: — Значит, догадались.

В сгустившейся темноте разведчики осторожно, чтобы не столкнуть камней, спустились с крутого склона неподалеку от места слияния речек.

Ваню бесшумно пополз вперед. Вскоре он вернулся: немцы выставили на мостике охрану из четырех человек.

— Ну, правильно, — пробормотал Павел. — Препятствовали пути на перевал Башиль.

— Может быть, они думают, что мы и сюда спустились через Башиль? — предположил Андрей.

— Попробуй догадайся, о чем они думают, — хмуро пробормотал Павел.

— Другой мостик итти надо, — сказал Ваню.

Второй мостик был перекинут в самом узком месте, где скалистые стены ущелья сближались до восьми-десяти метров. Его также охраняли немцы.

— Сколько до последнего мостика? — спросил Андрей.

— Километров пять, — отозвался Павел.

— Ну и там, конечно, егери. Надо здесь про-
рваться, — сказал Андрей сердито.

— Прорваться всегда успеем, если иного выхода
не найдем, — ответил Павел. — Немцы пока не
знают, где нас искать. Вот это преимущество и надо
сохранить. Вано, ты не помнишь, где-то здесь, непо-
далеку, лежал на берегу большой обломок скалы,
похожий на гриб? На нем еще березка росла, а на-
против, на том берегу, сосна была со сломленной
верхушкой.

Вано ответил:

— Такой место есть. Веревка есть. Хорошо бу-
дет.

На обломок скалы, похожий на гигантский гриб,
разведчики натолкнулись, пройдя вверх по тече-
нию около километра. А сломанную сосну искали
долго.

— Сгнила, должно быть, и свалилась в реку, —
решил Андрей.

Первым дерево обнаружил Вано. Оно было как
раз напротив можжевельового куста, о который
только что укололся Павел.

— Ну и глаза у тебя, Вано! — позавидовал
Андрей. — А я и сейчас не вижу.

Еще труднее было разведчикам накинуть петлю
на дерево.

Сначала раз шесть веревку кинул Вано. Слышно
было, как она дважды царапнула сосну. Затем по-
пытался Андрей. Не вышло. Павел также не сумел
накинуть. Тогда опять взялся Вано, и с четвертого
раза веревка натянулась.

Проверив, выдержит ли куст можжевельника,
Павел привязал к нему веревку у самого корня.

— Пойду я, — сказал он и обернулся к Ан-
дрею. — Давай репшнур и карабин.

Андрей торопливо достал из рюкзака крепкую толстую веревку и стальное кольцо — карабин.

Завязав на груди петлю самостраховки, Павел прикрепил к петле карабин и защелкнул его на веревке, перекинутой через реку.

Андрей с Ваню по натяжению веревки определяли, насколько продвинулся Павел. Внизу глухо шумела река. Она бурлила вокруг валунов и бешено ударялась об отвесные скалистые берега.

Сильный рывок испугал Андрея. Но веревка снова натянулась, и торопливые рывки подсказали: Павел продвигается дальше.

Когда все перебрались на другой берег, Павел рассказал, что петля застряла на сучке и под тяжестью тела соскользнула вниз по стволу сосны. Если бы не было самостраховки из репшура и карабина, он неминуемо сорвался бы.

Разведчики пошли вперед, торопясь к полудню добраться до пещеры.

В долине ущелья с утра лил холодный дождь. Разведчики с лыжами, прикрепленными к рюкзакам, поднимались по заснеженным скалам и увидели перед собой склоны Скалы Бодорку. Сильный ветер гнал навстречу густые облака, и острые гребни вершин скрылись из поля зрения.

— С Ваню не пропадем, если со скалы не сорвемся, — шутил Павел, плотнее натягивая на голову обмерзший капюшон куртки. Настроение у него было хорошее: утром он ознакомился с содержимым полевой сумки офицера и обнаружил в ней карту с расположением немецких частей.

Перед разведчиками внизу открылось заснеженное ложе притока ледника Кулак. Спускаясь с горных отрогов, приток впадал в ледник большим, изорванным валом ледопада. Где-то там разведчикам

предстояло отыскать путь, чтобы добраться до подножья Скалы Бодорку и по охотничьей тропе, которую знал Ваню, дойти до перевала Твибер.

— Давайте скорее спускаться: внизу теплее, — сказал Андрей.

Но Ваню внезапно пригнуллся и сделал предостерегающий знак рукой. Разведчики залегли.

По середине притока ледника тянулся след лыж, теряясь в складках ледопада.

— Значит, здесь путь отрезаю, — решил Андрей.

— Надо думать, что так, — проговорил Павел: — Тут не место для лыжных прогулок.

Павел терялся в догадках. Какие у немцев могут быть сведения о них? Почему именно здесь, у ледопада, появились следы?

Лишь спустя полтора месяца он случайно узнал из показаний пленного егеря, что след их лыж был обнаружен в первый же день на старой морене. Командир подразделения егерей, связав этот факт с неожиданным исчезновением офицера своего штаба, приказал специальной группе альпийских стрелков во что бы то ни стало захватить разведчиков и немедленно доставить к нему.

— Ай, хитрый немец! — проговорил Ваню, поцокав языком: — На Твибер не пройдешь.

Павел не сомневался, что там противник оставил засаду. Отрезав боковые пути к перевалу, немцы должны закрыть и главный путь перехода.

— А если ночью попробовать? — сказал Андрей. — Прямо по леднику Кулак.

Ваню отрицательно покачал головой.

— На перевале круто, место мало. Близко итти будешь — громко итти будешь. Не пройдешь.

— Тогда я вот что предлагаю, — сказал Андрей. — Мы с Ваню пойдем прямо по обычному пу-

ти и вяжемся в схватку, отвлечем егерей на себя, а ты, Павел, проберешься на перевал.

— Так, — проговорил Ваню. — Так хорошо будет.

— Нет, плохо, — сказал Павел. — Нам неизвестно, сколько их там и где они засели. Они могут вас взять, прежде чем вы обнаружите их. Мы пойдем на перевал Китлод, — и Павел усмехнулся: — Немцам ведь известно, что он зимой непроходим.

Скрытно добраться до Китлода было непросто. Разведчики до сих пор шли по самому верху скалистого гребня, в стороне от обычного пути, ведущего на перевал Твибер, и обнаружить их снизу представлялось затруднительным. Теперь они вынуждены были спуститься вниз и, перебравшись через моренные гряды, пройти некоторое расстояние по обычному пути — по широкому и ровному ложу ледника Кулак, открытого со всех сторон.

Однако Павел рассчитывал справиться с этой пелёжкой задачей. Признаки приближавшейся метели уже появились в воздухе. Над скалами закрутился, завихрился снег, и видимость стала ухудшаться.

Ветер, как шальной, метался по всему обширному леднику.

Снег слепил глаза, и Андрей еле различал фигуру Павла впереди.

Они шли на лыжах уже второй час, продвигаться стали менее уверенно. Павел все чаще сверялся с компасом. Два раза о чем-то говорил с Ваню и, наконец, остановился в лощинке между двух ледяных бугров.

— Кажется, вправо уклонились, — предположил

Павел. — Где-то здесь должен быть большой обломок скалы. У него и сориентируемся.

Оставив рюкзаки в лощинке, разведчики разошлись по радиусу.

Пройдя триста шагов и не обнаружив обломка, Павел вернулся по своим следам обратно в лощину, как сговорились.

Товарищей пока не было, и он присел на рюкзак, думая, что до Китлода необходимо добраться поскорей — ветер заметно спадал, и надо ожидать изменения погоды.

На бугре показалась фигура. Это был Ваню.

— Два, — коротко сказал он.

— Что два? — не понял было Павел.

— Немцы у камня.

Павел вскочил.

— У обломка? — переспросил он.

— Так, так, — возбужденно ответил Ваню. — Я подошел — следы. Я лег и смотрел. Нету. Я пополз. Они там. Ветра боятся.

Ваню распахнул куртку и, положив руку на рукоятку своего длинного ножа, многозначительно взглянул на Павла.

— Подумаем, — сказал Павел и нахмурился. — Где же Андрей?

Разведчики поднялись на бугор, всматриваясь по направлению следов, оставленных Андреем.

— Уж не напоролся ли он на егерей? — встревожился Павел.

Прождали несколько минут.

— Веди, — сказал Павел. — Все равно гитлеровцев надо убрать отсюда.

Увидев силуэт большого четырехугольного обломка скалы, разведчики сошли с лыж и поползли к нему по снегу.

Немцы находились все еще по ту сторону камня, скрываясь от ветра.

— Действуем, — сказал Павел, и глаза его сузились: — Помни, как с офицером, — без шума.

— Хорошо сделаем. Тихо сделаем, — кивнул головой Вано и взял направление на середину камня, чтобы взобраться на него.

Павел подполз к правому углу. Осторожно выглянув из-за него, он похолодел от неожиданности. Андрей со связанными руками и окровавленным лицом стоял перед егерями. Полуоторванный капюшон куртки висел на спине, пилотка и рюкзак валялись на перемятом и взрыхленном снегу. Краснорожий, вздохмаченный солдат, шуря подбитый глаз, держал дуло своего автомата у головы Андрея, а второй, весь в снегу, наклонившись, шарил по карманам разведчика.

Павел хорошо знал характер Андрея и по его побледневшему лицу понял, что тот решился на отчаянный шаг. «Не торопись!» — хотелось крикнуть Павлу.

Приготовившись выскочить из-за камня, он видел, как Андрей искоса посмотрел на автомат, наведенный на него, перевел взгляд на верх обломка скалы — и чуть качнулся назад, широко раскрыв глаза.

— Штиль штеен!¹ — пригрозил краснорожий и, ткнув дулом в лоб Андрея, выругался: — Зау банде!²

В следующий момент сверху на спину немцу прыгнул Вано с ножом в руке. Андрей сильным ударом ноги тут же свалил второго егеря.

¹ — Не шевелись!

² Ругательство.

— Как это тебя угораздило попасть к ним в лапы? — спросил Павел, брезгливо обходя трупы.

— Камень этот увидел, поспешил, — запинаясь, ответил Андрей и нехотя добавил: — Внезапно напали.

Пока разведчики, энергично работая лыжными палками, бежали к Китлоду, метель постепенно улеглась, и они увидели впереди большие комья снега — следы лавин. Затем показалась темная гряда длинного скалистого выступа, спускавшегося на ледник Кулак, и подле нее крутой заснеженный кулуар — путь на седловину перевала.

Остановились у начала подъема, чтобы прикрепить к лыжам «камось».

Опытный глаз альпинистов тотчас определил, что кулуар лавиноопасен.

Андрей указал палкой вверх на длинный и широкий участок кулуара, крутизной до шестидесяти градусов.

— Вон в том месте наверняка «снежная доска» лежит.

— Плохой очень путь, — добавил Ваню и показал головой.

Павел отлично разбирался в структуре снега и признаках образования лавиноопасного склона. Он сам видел, что в этом кулуаре можно встретить «снежную доску». Внешне крепкая снежная поверхность склона под тяжестью лыжника может легко сломаться на множество кусков и образовать лавину.

— Иного пути у нас нет, — жестко ответил Павел товарищам. — По ним не полезешь, — показал он на отвесные, ломкие скалы выступа. — Пойдем у самых скал, там безопаснее.

С «камосами» разведчики не чувствовали отдачи. Они быстро поднялись до засыпанной снегом подгорной трещины, пересекавшей склон, и легко перебрались через нее. Справа встала высокая скалистая стена выступа.

На протяжении сотни метров склон набирал крутизну до пятидесяти градусов. Подниматься по нему зигзагом было бы намного легче, но Павел вел товарищей прямо в лоб склона, чтобы не подрезать лыжами снежный пласт и не вызвать лавины.

Опасаясь погони, Павел торопился поскорее добраться до кромки плотных облаков, которые задерживали кулуар вверху, и скрыться в них.

— Павел, вон «камин»! — крикнул Андрей, увидев в стене вертикальную щель, шириною в метр.

— Вижу, — отозвался Павел. — Там не поднимешься.

Подойдя ближе, Андрей убедился, что Павел прав. На высоте пятнадцати метров «камин» резко сужался, и подъем по нему становился невозможным.

Вскоре склон кулуара стал настолько крутым, что пришлось сойти с лыж. Буксировать их взялся Андрей.

Поднимались на расстоянии восьми-десяти метров друг от друга, связанные для страховки одной веревкой. Павел с силой втыкал ледоруб перед собой и, придерживаясь за него, запрессовывал снег в ступеньки.

До кромки облаков оставалось всего лишь двадцать метров, когда он услышал встревоженный голос Андрея:

— Павел, гляди!..

Вниз к подножью перевала бежала на лыжах группа егерей.

— Надо укрыться в «каmine», — предложил Андрей.

— Вперед! — приказал Павел.

Это было ошибкой, которая чуть не стоила ему жизни.

Разведчики успели подняться на десять метров. И тогда прозвучал винтовочный выстрел, глухим эхом прокатившийся в горах.

— Вперед! — крикнул Павел.

Вторая пуля перебила веревку и скользнула по ребрам. Он дернулся от боли и, потеряв равновесие, неловко упал, ударившись затылком о камень. Однако Павел остался на месте, повиснув на темляке своего ледоруба, воткнутого в снег.

Вообразив, что Павел убит, Ваню вскрикнул и послал длинную очередь из автомата в снайпера, залегшего у подножья скал.

Андрей уже вел огонь по егерям, которые быстро приближались к подгорной трещине.

— Ваню, прячься в «камин»! — крикнул Андрей, правильно решив, что в «каmine», под защитой стенок, им легче будет отбиваться.

— Спускайся к «камину»! — нетерпеливо повторил Андрей: веревка, связывающая его с Ваню, не давала возможности действовать самостоятельно.

Ваню понял, наконец, что хочет Андрей, и быстро заскользил вниз. Проскочив мимо Андрея, лежавшего за сугробом, он резко повернул влево и с раската влетел в широкую щель в стене.

Тем временем Павел пришел в себя. Он услышал винтовочный выстрел и видел, как Андрей, не добежав с десятка шагов до «камина», упал на бок.

«Что делать?» — промелькнуло в голове Павла. Сам он лежал в неудобном положении, с вытянутой рукой, крепко стянутой темляком у кисти. Ваню яростно отстреливался от немцев, которые ползком взбирались все выше.

Андрей распластался на снегу, — веревка, которой он был связан с Ваню, удержала его от падения с крутого склона.

Определив направление к «камину»: до него было метров сорок, Павел прижал к груди автомат, затем вырвал ледоруб из снега и покатился вместе с рюкзаком вниз.

Ваню не успел опомниться, как Павел свалился на него.

— Ай, хорошо! — воскликнул Ваню.

— Веди огонь! — приказал Павел и торопливо позвал: — Андрей!.. Андрей!.. — Ему не верилось, что тот убит.

В самом деле, голова Андрея приподнялась, и товарищи увидели его побледневшее лицо с закусенными губами.

Пуля попала Андрею в плечо. Преодолевая боль, он решил ввести в заблуждение немцев и притворился мертвым. Хитрость удалась — они перестали стрелять по нему.

— Андрей, дорогой, ты сможешь проползти до стены? Два метра? — спросил Павел. — Ты слышишь меня? Вдоль нее сугроб тянется. Завались за него. Понял?

Андрей чуть кивнул.

— Давай, друг! — и Павел с Ваню удвоили плотность огня, отвлекая внимание егерей от Андрея.

Егери залегли.

Краем глаза Павел видел, как Андрей подтянул к себе лыжи, свисавшие на репшнуре.

— Ура-а! — что есть силы закричал Павел. Двое немцев от этого страшного для них возгласа поползли назад.

Воспользовавшись замешательством егерей, Андрей подполз к стене и скрылся за сугробом.

За веревку Павел подтянул Андрея к «камину».

— Вот так. Я им сейчас подсыплю жару, — обрадованно произнес Павел и достал гранату.

— Глубже залезайте в щель и накройтесь куртками, — сказал он и швырнул гранату на середину склона.

Вслед за грохотом разрыва наверху послышался грозный, нарастающий гул ринувшейся вниз многотонной массы снега.

Павел успел увидеть, как немцы шарахнулись в стороны. Он спрятал лицо в расстегнутый воротник куртки — иначе можно было задохнуться в вихре снежной пыли.

Когда прекратился грохот лавины и улеглась снежная пыль, разведчики увидели внизу, в глыбах снега, торчавшую ногу. Вот и все, что осталось здесь от группы егерей.

Павел сперва перевязал рану Андрея, а потом занялся собой. Пуля неглубоко прорезала тело. Кровь запеклась, оставив след на коже.

— Пустяки, — сказал он и обратился к Андрею: — Теперь все хорошо будет. Лавина сошла, склон очистился. Доберемся, а?

— Дойду, — не совсем уверенно ответил Андрей и попросил подвязать ему руку к шее.

До самой темноты разведчики штурмовали отвесные кручи. Потребовались весь их альпинистский опыт и нечеловеческое напряжение сил, чтобы добраться до гребня скалистого выступа, где шел уже легкий, пологий склон.

Здесь их встретил сильный, порывистый ветер, грозивший поднять метель.

Андрей в изнеможении опустился на снег.

— Больше я, кажется, не могу, ребята. Все! — хрипло сказал он.

Пошатываясь, Ваню сбросил с плеч один за другим два рюкзака.

— Какой ты железный, Андрей, — с уважением проговорил Ваню, садясь рядом с ним. — Ай, какой молодец ты!

У Павла дрожали колени и слегка кружилась голова.

— Нужен хороший ночлег. Иначе замерзнем, — сказал он. — Придется пещеру копать. Палатку сорвет.

Павел с Ваню выбрали на склоне подходящее место для снежной пещеры и принялись за дело. В ход пошли лавинная лопатка и ледорубы.

Утро выдалось ясное, тихое. Отдохнув, Андрей чувствовал себя бодро, плечо болело не очень сильно, и до седловины перевала Китлод разведчики добрались за два с половиной часа.

По леднику Китлод спускались без задержек, лыжи скользили хорошо, и к вечеру товарищи подошли к хижине Южного приюта, — отсюда они пять суток назад начали свой поход.

Старшина увидел разведчиков, когда они спустились по морене. Измученные, похудевшие лица, подвязанная рука младшего лейтенанта Голычева — многое рассказали опытному глазу старшины.

— О вас уже спрашивались, товарищ лейтенант, — доложил он.

— Свободные люди есть? — спросил Павел, снимая с плеч лыжи и рюкзак.

Пазел швырнул гранату на середину склона.

— Только Курочкина, бойца, могу дать, товарищ лейтенант.

— Хорошо. Тогда я пойду один, а Курочкин пусть проводит моих до Жабеша.

Павел вынул из рюкзака трофейную полевую сумку и повесил ее через плечо.

Старшина приблизился к нему.

— По-честному, товарищ лейтенант, я все время думал о вас, новость приготовил. — Он широко улыбнулся и торжественно произнес: — В районе Сталинграда началось наступление наших войск.

Лицо Павла посветлело. Он крепко пожал руку старшине и, распрощавшись с товарищами, налегке зашагал к спуску в селение Жабеш...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Третий день продолжалась ненастная погода. Густые тучи непрерывно тянулись из Сванетии. Грозно клубясь, они переваливали через гребень Уллу-тау-чаны, спускались по ледяным отвесным стенам вниз, затем, скручиваясь, неожиданно вздымались вверх, сходились, снова расходились, лизали клыкастые скалы.

Тучи ползли по долине, задевая макушки низкорослых сосен, косматые клочья тумана тянулись вниз по ущелью и застревали на лесистых склонах.

Ручьи вспухли, замутились и ринулись вниз водопадами, сбивая камни и наполняя шумом ущелье.

Температура резко понизилась. В появляющихся иногда среди облаков просветах виднелись скалы, припорошенные снегом. В долину часто долетал гул горных обвалов.

Неприветливы и мрачны горы в непогоду. Даже дикие козы спустились на нижние пастбища и залегли в расщелинах.

Протяжный звук гонга разбудил лагерь. Борис нехотя вылез из спального мешка и зябко передернул плечами — в палатке было темно и сыро. Моросил мелкий и нудный, как осенью, дождь. Стены палатки набухли. Одежда стала волглой и прилипала к телу.

— Опять дождь, — проговорил Борис одеваясь. — Вадим, Костик, чего же вы?

Вадим протяжно зевнул, потянулся.

— Что это шуршит? — спросил он. — Ах, дождь! — и юркнул обратно в спальный мешок.

Борис услышал голос дежурного по лагерю и толкнул Костю.

Мешок зашевелился, и Костя с заспанным лицом высунулся наружу.

— На зарядку! — хмуро сказал Борис.

— Ай-яй! — заторопился Костя. — А гонг был? Почему Вадим не встает?

— Спроси его, — ответил Борис и вышел из палатки.

Вздрагивая от холода, Костя натянул на себя стсыревшую майку.

— Вадим, опаздываем. Ты слышишь?

— Скажи Грише, я себя плохо чувствую, — сонно отозвался Вадим.

— Хитрый какой!

Костя схватил Вадима за ноги и потащил с койки.

Гриша просунул голову в палатку.

— В чем дело? Почему запаздываете?

— Вадим заболел, к завтраку встанет, — засмеялся Костя и выскочил наружу.

— Без шуток, Вадим. Быстро на линейку! — строго сказал Гриша.

2

Антон, хмурия брови, писал ответ на письмо Сашки Лихачева. Капли дождя монотонно и лениво падали на крышу палатки. Порою сорвавшаяся с ветвей крупная капля громко шелкала по полотну, и тогда на голову Антона сыпалась мелкая водяная пыль.

Письмо не выходило бодрым и жизнерадостным, как это хотелось Антону. В самом деле, что он мог ответить Сашке? Нога зажила, но погода испортилась. Антон вычеркнул несколько строк, затем рассердился и скомкал письмо.

Что писать? Позавчера должны были выйти на Бжедух, но тучи заполнили ущелье, пошел дождь, и Андрей не дал разрешения на выход — известно, если в долине тучи и дождь, то наверху ветер, снег, обледенелые скалы.

Антон посмотрел на мокрые стволы сосен и вздохнул. Даже когда погода установится, и то необходимо будет выждать дня два, пока с гор сойдут лавины, а потом уже идти на восхождение. А у ребят, с которыми сговорился идти на Бжедух, кончается отпуск, и они послезавтра езджают домой.

— Я к тебе, Антон. Можно? — слышался голос Мариши.

Она вошла в палатку, откинула капюшон.

— Скверная погода! Мокро, холодно. Не люблю! Наши синоптики набрались важности и глубокомысленно молчат. А ты чем был занят? — ласково спросила она.

— Да вот хотел ответить, — указал Антон на столик, где лежало письмо.

— Понимаю, трудно. Хорошего пока ничего нет. Мариша подошла к столику и взяла письмо.

— Разрешаешь? — спросила она.

— Конечно, что за вопрос.

Мариша пробежала глазами строчки, в которых сообщалось о работах, выполненных Сашкой в отсутствие Антона.

«Теперь дело за тобой, — прочитала она. — Набирайся побольше опыта. Это очень и очень необходимо. Если бы нам удалось проследить магматический и жильный процессы там, где мы будем, то наверняка появились бы новые теоретические предположения. Ты понимаешь, конечно, что я хочу сказать? Так вот, всячески желаю тебе успеха в овладении техникой альпинизма. Будь здоров! Жду с нетерпением».

Мариша с участием взглянула на Антона. Тот вздохнул.

— Мне и на Джайлык теперь не с кем идти, — сказал он. — А «четверку» нужно взять обязательно. Тогда я могу считать, что подготовился к экспедиции как следует.

— С Андреем не говорил? — спросила Мариша. Ей так хотелось помочь Антону. Но что она могла сделать?

— Говорил, — сумрачно ответил Антон. — Андрей ведь обязан следить за соблюдением правил. Твердит одно и то же: «Взойди сперва на Бжедух

или другую вершину, а потом будем говорить о Джайлыке».

Мариша хмурила брови.

— К Павлу обращался? — спросила она. — Знакомых по лагерям у него много. Неужели не подыщет тебе компанию.

— Я просил его подобрать ребят на Джайлык.

В своей походной куртке Костя бесцельно слонялся по мокрым дорожкам лагеря, прислушиваясь к беспокойному рокоту вспученной реки.

Вчера из-за ненастья начальник лагеря объявил день отдыха, а сегодня опять нельзя было заниматься.

В палатке, где жили Гриша и Сергей, слышались громкие голоса.

Гриша негодовал на дождь, на тучи, грозившие сорвать зачетное восхождение.

— Столько времени тренировались, ждали — и вот на тебе! Льет и льет, — возмущался он. — А отпуск скоро подойдет к концу, работать пора.

— Я обязательство взял: годовой план выполнить к Октябрьской годовщине, — заметил Сергей.

«Действительно, дома ждут дела, — подумал Костя, вспомнив, что и ему надо сдавать пробу на гравера. — Отпуск, в самом деле, скоро кончится, а без зачетного восхождения звание альпиниста не присвоят, значок не выдадут. Проклятый дождь!»

— Как дела, Костик? — поравнявшись с ним, спросил Андрей Голычев. — Не отсырел еще?

— Мы не так воспитаны, — гордо ответил Костя.

— Хорошо сказано, — улыбнулся Андрей, и хлопнул юношу по плечу.

За полотняной стенкой крайней палатки играл патефон. Там сидел Вадим и еще кто-то из ребят. Жаловались на холод, сырость, на то, что мало книг завезли в лагерь.

«Нытики!» — решил Костя, посмотрел на северо-западный склон горного массива, затянутый пеленой дождя, и подумал: «Сходить бы туда, на морену».

Мысль потренироваться в ходьбе по мокрым камням ему понравилась. Однако идти одному не разрешат, и он решил позвать с собой Галя.

— Можно? — спросил он и, получив позволение, вошел в палатку.

Галя держала в руках раскрытую книжку.

— Садись, Костик, и слушай:

Кто посещал вершины диких гор
В тот свежий час, когда садится день,
На западе светило видит взор
И на востоке близкой ночи тень,
Внизу туман, уступы и кусты,
Крутом всё горы чудной высоты,
Как после бури облака, стоят
И странные верхи в лучах горят.

— Чье это? — спросил Костя.

— Чудесные стихи! Хочешь еще послушать?

— Нет. Не люблю стихов.

Сделав большие глаза, Галя внимательно посмотрела на Костю.

— Не любишь? — спросила она.

— Песни люблю, а стихи нет, — подтвердил Костя. — Как настроение у тебя?

— Почему ты спрашиваешь?

— Как смотришь на прогулку? Мы ни разу не ходили по склонам в такую погоду. Потренируемся.

Гале не хотелось бросать книгу — она еле просила ее у Люды, но Костя настаивал, убеждал: им недолго осталось быть в лагере, читать можно будет и дома, а сейчас надо забраться повыше, посмотреть как идет снег в горах.

— Нас не пустят, Костик. И трава мокрая.

— Трава! При чем здесь трава? Павел пустит, я знаю. Мы теперь не младенцы.

— Куртка промокает, — почти соглашаясь, сказала Галя.

Костя в раздумье сморщил нос.

— Будет куртка! — Он хлопнул себя по коленям. — Возьму у Павла.

— Ой, Костик, не надо!

— Почему не надо?

— Костик, неудобно же!..

Но он уже вышел из палатки и побежал по дорожке. Минут через пять вернулся.

— Все в порядке. На, бери. Всю жизнь мечтал иметь такую.

— Ты меня в очень неудобное положение поставил.

— Надевай скорей, не разговаривай.

Галя, любуясь отлично сшитой курткой, погладила рукой шелковое полотно серо-стального цвета.

— Велика, Костик.

— Надевай. Ничего. Рукава подвернем. Мариш-то ходит в Антоновой..

Павел с Антоном прогуливались по лесной тропе. Дождь перестал, но тучи попрежнему стлались по долине. Пахло сыростью. Стволы сосен потемнели.

Павел чувствовал, что Антон ждет ответа от него. Но порадовать товарища было нечем. Он связался с соседними лагерями, но никто из инструкторов и разрядников на Джайлык не собирался.

— Ненастье в это время года не затягивается дольше трех-четырех дней, — сказал он, чтобы подбодрить Антона.

Антон промолчал.

— Я жду перемены ветра, — продолжал Павел, стараясь придать своему голосу уверенность.

— Теперь все равно, — устало произнес Антон. — Ребята, с которыми я сговорился идти на Бжедех, послезавтра уезжают домой.

Павел сердито отбросил ногой ветку, попавшуюся на дороге.

— Я тебе вот что посоветую, — сказал он после минуты раздумья: — Вернешься домой, завербуй в число участников экспедиции двух-трех опытных альпинистов. Я тебе помогу в этом. Вот и все.

Антон бросил взгляд по сторонам и тихо ответил:

— Нельзя, состав участников ограничен.

Павел удивленно вскинул брови, однако расспрашивать не стал. Все это взволновало Павла. Задачу экспедиции, к которой так основательно готовился его товарищ, он увидел в ином свете.

— Если так дело обстоит, то нужно подумать еще раз, — сказал Павел. — Нужно подумать, — повторил он, потирая лоб.

С возродившейся надеждой смотрел на друга Антон. А Павел, шагая по тропе, устланной опавшей хвоей, тихонько насвистывал какую-то мелодию.

С опушки открылся вид на массивную ледяную стену Уллу-тау-чаны, покрытую облаками.

— Тебе ведь не обязательно идти на Бжедух. Можно подыскать и другую вершину, поближе к лагерю. Например, взять Чегет-тау-чаны по северо-восточному ребру.

Антон согласился с замечанием Павла.

— Затем сделать хороший траверс, — продолжал задумчиво Павел, поглядывая на скалистый, зазубренный гребень вершины, выглядывавшей в просветах туч. — Мы когда-то мечтали с тобой страверсировать Уллу-тау-чаны. Помнишь?

Антон недоумевал: что Павел хочет сказать?

— Полный траверс Уллу-тау-чаны поинтереснее будет и полезнее для тебя, чем Джайлык.

— Да, но к чему ты это говоришь? — прервал его Антон, теряя терпение.

Павел улыбнулся.

— К тому, что собираюсь идти с тобой на траверс Уллу-тау-чаны.

— Ты? Со мной? На Уллу-тау-чаны? Ни в коем случае! — запротестовал Антон: — Ты на Ушбу пой-дешь.

— Слушай-ка, Антон, — проговорил Павел, спокойно выслушав взволнованную реплику товарища. — У тебя дело имеет государственное значение, насколько я понимаю, а у меня — сугубо личное.

— Ты долго готовился, тренировался. Нет, нет! — отмахивался Антон. — Тебе надо получить звание мастера.

— Да подожди же!..

— Нет, Павел, мне просто неудобно. Если бы я знал, что так повернется наш разговор...

Глаза Павла сузились.

— Ну, хорошо, — прервал он. — А ты как поступил бы на моем месте? Отвечай, чего же ты?

Антон в смущении молчал.

— Ну, как тебе сказать?..

— Не увиливай. А говори прямо, — потребовал Павел.

— Тут и говорить нечего.

— То-то! — улыбнулся Павел и потрепал Антона по плечу. — Вечером вернутся Федор Петрович с Андреем, и я с ними договорюсь.

5

Галя чувствовала себя превосходно и радовалась, что пошла с Костей. Капюшон она застегнула «молнией» до самого подбородка. Ногам в удобных горных ботинках было сухо и тепло. Свежий воздух румянил лицо.

Костя поглядывал на Галю, улыбался и шумно вздыхал:

— Вот жизнь!

Шли они по узкой каменистой долине, стиснутой боковыми отрогами хребта. Совсем близко впереди высились обрывистые скалы.

Скользя по камням осыпей, Костя и Галя добрались до пологого вала старой морены.

— Пойдем по ней? — предложил Костя. — Ты помнишь, Галя, первый день занятий, когда поднимались к скалам? Устал я тогда! Думал, упаду. Сейчас прошли раза в четыре больше — и ничего.

— Тренировка для альпиниста — это все, — улыбнулась Галя, повторив любимую фразу Кости.

— Что смеешься? — спросил Костя. — Я хоть сейчас могу пойти на зачетное восхождение.

— Не боишься горной болезни? — лукаво спросила Галя.

— Да я, если что, на карачках доползу до вершины. Вот увидишь.

— Павел вниз отправит. Ты ведь знаешь, какой он.

— Не отправит. Он хорошо ко мне относится.

С минуту шли молча. Галя спросила, отведя глаза в сторону:

— Костик, когда ты у Павла куртку просил, предупредил, что она для меня?

— А как же? Я сперва спросил, можно ли нам подняться на дальние склоны.

— Ну, а потом?

— Сказал, что твоя куртка промокает. «Возьми, — говорит, — я никуда не собираюсь. Только далеко не уходите». А потом говорит: «Ты смотри получше!» Это чтобы я был за старшего и отвечал за тебя. Понимаешь?

Галя отвернулась, скрывая смущение, и перевела разговор на другую тему.

— Смотри, какое облако интересное: косматое, как медведь. Правда?

И Галя сделала вид, что следит за облаком. Она боялась дать себе отчет в том, что творилось в ее душе. В тот день, когда они вернулись с ледника, Павел весь вечер танцевал с ней. Он был такой оживленный, веселый. Он сказал: «Мне кажется, я вас знаю давно-давно...»

Гребень морены сузился. Вскоре начали попадаться полосы снега. Облака сгущались в сплош-

ную завесу. Туман оседал на плечи, скатывался капельками по курткам. Видимость резко ухудшилась: в десяти шагах уже нельзя было ничего разобрать. Справа чернела широкая пасть обрыва.

— Не вернуться ли, Костик? — нерешительно спросила Галя.

— Что ты! Самое интересное начинается.

Голоса Гали и Кости звучали глухо, как из погреба. Пелена тумана давила Галю. Хотелось вырваться из нее, убежать.

— Я дальше не пойду, — решительно сказала она.

«Уж эти девчонки!» — с досадой подумал Костя и нехотя повернул обратно.

Минут через сорок они сошли с морены и стали спускаться к лагерю. Туман так же внезапно, как и появился, пропал. Облака поднялись выше, и ветер гнал их вдоль отвесных скал хребта.

Галя снова повеселела и уже потешалась над своим недавним страхом.

Вдруг справа от них, наверху высокого крутого склона раздался грохот сильного обвала и, усиливаясь горным эхом, загудел по всему ущелью.

Галя схватилась руками за голову.

— Камнепад!.. Скорей!.. — вскрикнул Костя.

Они бежали, спотыкались, мешали друг другу, а позади них нарастали грозное громохание и скрежет, словно работала гигантская бетономешалка.

Костя с Галей взбежали на холм и оглянулись. Со склона медленно ползла многотонная масса камней, смешанных с землей.

— Это не камнепад, — оживляясь, произнес Костя, и глаза его заблестели. — Это сила. Ей-богу, силы! Грязевая лавина. Вот здорово!

Галя пришла в себя. Опасности для них не было. Силь обходил стороной, уклоняясь влево, куда шел наклон ската.

— Ты понимаешь, что происходит? — кричал Костя. — Это самое интересное явление природы!

— Я очень испугалась, Костик, — проговорила Галя, слабо улыбаясь. Капюшон упал ей на спину, волосы растрепались.

— Испугаешься от такого грохота, — согласился Костя, уже досадуя на себя за слишком поспешное бегство.

Минут пять текла грязевая лавина и затихла, разлившись у подножья склона. Камни взбугрились, остановились, и по вырытому лавиной руслу устремился поток мутной воды.

— Пойдем поближе, посмотрим, — предложил Костя. — Я читал, силь бывает во время продолжительных дождей. И знаешь почему? Наверху, в каком-то месте скопляется вода, постепенно сдвигает камни, и такое месиво ползет. Столетние деревья вырывает с корнем.

Разглядывая устье сия, они увидели, что к ним поспешно поднимался Павел, за ним Антон, Мариша и другие. Костя закричал, замахал руками:

— Ура!.. Мы видели силь!

6

Поздний вечер. Вокруг лагеря непроглядная темь. По верхушкам сосен гуляет порывистый ветер. Из палаток вырывается свет, отражаясь пятнами на мокрых дорожках.

— Костик, у тебя мое письмо? — спросил Сергей, приподнимая полотнище палатки.

— У меня.

— Чего ж ты держишь? — рассердился было Сергей.

— А я тебя искал, искал.

Сергей взял письмо и воскликнул:

— А-а! Из типографии. Сейчас узнаем, как без нас идут дела.

Борис тоже получил письмо от своей бригады. Прочитав его, он продолжил свой разговор с Костей.

— Если нам удастся сократить время на правку, наверняка дадим лишних один-два процента к плану. Ручаюсь!

Лукавые искорки появились в глазах Кости.

— Все равно наборный цех вас опередил, — подзадорил он Бориса. — Переходящее знамя опять у наборщиков осталось.

Борис хмурился.

— Осталось! Вам надо клише получше делать.

— Это ты брось! — обиделся Костя. — Клише у нас всегда хорошие. План надо выполнять, а не заниматься разговорчиками. Что ваши комсомольско-молодежные бригады делают?

— Пожалуйста! Моя бригада июньский план выполнила на сто семь с хвостиком, — с явным удовольствием ответил Борис.

— Это твоя. А другие?

— Пожалуйста! — Борис вынул из кармана письмо и развернул его перед носом Кости. — Бригада Попова — сто четыре; Савостина — сто шесть и пять десятых.

— А Огурцова? — выкрикнул Костя.

— Так Огурцов в отпуске был.

Направляясь к Федору Петровичу, Павел приостановился около палатки и несколько минут прислушивался к их оживленному спору.

«Производственное совещание в полном разгаре», улыбнулся он. И перед глазами Павла как-то неожиданно встал светлый ротационный цех. Павла потянуло к машинам. Нет, задерживаться здесь нельзя! После отпуска он должен к машине Рыбинского завода придумать приспособление, чтобы работать в два фальца вместо трех. Можно будет печатать журналы большого формата, как «Огонек». Он уже кое-что нашел...

7

В палатке Федора Петровича Павел застал Андрея Голычева.

— Вот и хорошо! — сказал Павел: — Мне как раз оба нужны.

— Зачем мы вдруг тебе понадобились? — спросил Андрей, зевая, — он собрался было уходить к себе.

Павел несколько виновато взглянул на Федора Петровича.

— Что вы скажете, друзья, если я пойду на траверс Уллу-тау-чаны вместо Ушбы? — проговорил он и улыбнулся.

Федор Петрович удивленно вскинул брови.

— Как это так?

— Да он шутит, не видишь разве! — засмеялся Андрей. — Ты, Павел, лучше скажи, когда ждать перемены погоды, — зачетные восхождения на носу.

— Нет, я совершенно серьезно спрашиваю, — возразил Павел.

— Как это серьезно? — вспыхнул Андрей. — Отказаться от Ушбы! Тебе траверс Уллу-тау-чаны мастера спорта не даст!

Федор Петрович насторожился. Он знал Павла давно, с того самого дня, когда тот появился в альпинистском лагере в числе новичков, и подумал: «У парня что-то на уме». Он спросил:

— А с кем ты собираешься траверсировать Уллу-тау-чаны?

Павел ответил, что с Антоном, и добавил, взглянув на Федора Петровича:

— Антону очень нужно помочь.

— Так ты же знаешь, что на вершину четвертой категории Антону идти нельзя, пока не возьмет недостающую ему «тройку», — возразил Андрей.

— «Тройку»-то он сделает, — ответил Павел.

— И что за характер у тебя, Пашка, — всегда путаешься не в свои дела! — сказал Андрей, не скрывая своего раздражения. — Антон может приехать и на будущий год в лагерь. Тогда и возьмет недостающие до разряда вершины.

— Видишь ли, Андрей, — усмехнулся Павел, — для меня траверс Ушбы имеет только спортивное значение. Ведь так? Антону же разряд, или, лучше сказать, опыт восхождений на сложные вершины, нужен совсем для другого дела. Он же геолог, понимаешь? — подчеркнул Павел.

На лице Федора Петровича промелькнула улыбка. Он одобрительно взглянул на Павла.

— Тогда другое дело, — смиряясь, проворчал Андрей. — Значит, какая-нибудь экспедиция в высокогорные районы? Так бы сразу и сказал.

— Павел, а как ты все это хочешь сделать? — спросил Федор Петрович.

— Я рассчитал так: разрешение на траверс Уллу-тау-чаны мне дадут. В случае чего вы поддержите меня. Затем, когда я поведу своих ребят на зачетное восхождение, Антон должен взять Че-

гет-тау-чаны. Она третья-Б, что и Бжедх, но рядом с лагерем. С ней можно справиться за полутора суток. Вот только не знаю, с кем ему пойти на нее.

— Могу и я сходить на Чегет-тау-чаны, — сказал Федор Петрович. — Если же не окажется времени у меня, попрошу кого-либо из инструкторов. В общем это я возьму на себя.

— Я знал, что в таком деле вы поможете, — улынулся Павел. — А о своем отказе от Ушбы я сообщу. Там без меня могут обойтись.

Перескакивая через лужи, Павел спешил обрадовать Антона. Миновав пустовавшую веранду, он вдруг остановился и прислушался.

Сосны шумели не так сердито, как днем, а ветер, пока еще неуверенно, потянул с северо-запада.

— Ага! — засмеялся Павел. — Погодка-то меняется!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

По дорожке шел Костя. На его лбу — защитные очки-«консервы», в руках поблескивал ледоруб и позванивали стальные «кошки». Нос Костя задрал кверху, на встречавшихся альпинистов поглядывал свысока.

За Костей, в одних носках, бежала вприпрыжку Люда. Ботинки она держала в руке, встряхивала ими и в такт шаловливо выкрикивала:

— Хоп, хоп, хоп!..

Гриша и Галя получали консервы, крупу, сухари. Сергей и Саша относили продукты к палатке Павла, где были сложены связки веревок, спальные мешки, палатки.

Все это Павел раскладывал на восемь кучек, определяя, кому и что нести в трудном зачетном походе.

Рюкзак для себя Костя выбрал по вкусу — огромный, увесистый. Костя очень обиделся, когда Павел приказал ему взять рюкзак поменьше.

— Но, Павел, я не уложу все это! — Костя показал на груду вещей, которые разложил на траве перед собой.

— Хороший альпинист сумеет уложить.

Костя углубился в сложные расчеты. Он даже не заметил, как подошла Люда.

— Что это у тебя? — спросила она, указав на пузырек с темнокрасной жидкостью.

— Клюквенный экстракт, — сказал Костя. Однако экстракт не произвел впечатления на девушку. Тогда юноша добавил многозначительно: — Верное средство от горной болезни.

Люда тотчас присела на корточки перед Костей.

— Костик, ты мне дашь немножечко, хоть капельку?

— А ты видишь, сколько у меня самого? Много вас таких найдется.

Средство, которым обладал Костя, было слишком драгоценным, и Люда не могла позволить себе ответить колкостью. Ничто так не страшило молодых альпинистов, как «горная болезнь», — неизведанное, а потому и опасное препятствие при восхождении.

— Костик, не сердись, — кротко проговорила она. — Кто тебе дал, скажи?

Несвойственное Люде смирение подействовало на Костю.

— Смотри, не говори никому, — пригрозил он и, оглядываясь, шепнул: — Матвеич. У него целая бутылка.

Через полчаса всему отделению «по секрету» стало известно, что у Матвейча есть клюквенный экстракт. Началось паломничество на кухню.

— С ума посходили! — сердился Иван Матвеевич. — Из чего же я буду кисель варить?

Он цедил в пузырьки, поднимал бутылку на свет, качал головой.

— Наверняка получу нагоняй от начальства из-за вас.

Миновал послеобеденный отдых, и Павел подал команду построиться на линейке, где уже толпились альпинисты из других отделений.

Федор Петрович и Андрей Голычев внимательно проверили, хорошо ли подогнано снаряжение, крепко пожали руки участникам, и Андрей отдал приказание о выходе.

Чувствуя на себе взгляды провожающих, Костя, Борис и Вадим высоко вскинули головы, стараясь подражать размеренной походке своего инструктора. В руках сверкала полированная сталь ледорубов, угрожающе скалились «кошки», привязанные к рюкзакам, с плеч внушительно свисали связки веревок, поблескивали стекла защитных очков.

Вслед неслись напутственные пожелания.

— Жду с победой! — кричал с бугра Иван Матвеевич и помахивал полотенцем.

В четвертом часу вечера миновали боковое ущелье и надолго распростились с удобной тропой, которая шла через лес вдоль берега речки. До темноты альпинисты должны были дойти до подножья Местийского перевала и остановиться на ночлег.

Подъем стал круче и каменистее, деревья поредел.

Павел подал команду собирать для костра сухие ветки и нести его с собой до бивуака.

Споткнувшись в третий раз о камень, Костя ощутил, что вес его рюкзака значительно увеличился, а идти еще далеко. Он тихо сказал об этом Борису. У того давно взмокла рубашка и прилипла горячим компрессом к спине, но Борис промолчал.

— Девочки, вода! — вдруг воскликнула Люда, показывая на ручей, выбивавшийся из-под мшистого камня.

Саша с Галей сочувственно переглянулись, Вадим пробурчал что-то, Костя вздохнул.

На коротком привале Люда не вытерпела и сказала Павлу, что умирает от жажды.

— Прополоскай рот, но не пей, — посоветовал он.

— А то еще жарче станет, — вмешался Костя.

— Лишняя нагрузка на сердце, — резонно добавила Гриша.

— Без вас знаю! — рассердилась Люда.

Подъем продолжался.

Миновали зону лесов. Последние одинокие сосенки прижимались к земле, распластываясь причудливо искривленным кустарником. Лучи солнца неторопливо и мягко скользили по ледникам и скалам Уллу-таучаны.

На крутых склонах виднелись поперечные изломы снежных обвалов и широкие конусы лавинных следов.

Тропа полезла круто вверх и затерялась в серых бесконечных осыпях. Колени у молодых альпинистов дрожали от напряжения, а рюкзаки застав-

ляли клониться все ниже, лямки врезались в плечи и свежий ветерок с ледников уже не приносил облегчения.

— Скоро бивуак-то? — тяжело переводя дыхание, спросил Вадим, когда отделение, свернув на восток, пошло вдоль подножья хребта Уллу-таучаны.

— Недалеко, — подбодрил его Гриша. — Сейчас передышка будет.

Словно угадывая их состояние, Павел остановился.

Вадим с наслаждением сбросил с плеч рюкзак. Люда сразу же привалилась к камню. Галя уселась прямо на землю, вытянув ноги и закрыв глаза.

Павел оглядел утомленные, потные лица молодых альпинистов и подумал: «Романтика восхождения на сегодня кончилась, в свои права вступил тяжелый труд, в котором проверяются и физическая подготовка и стойкость характера».

— Кто хочет, может умыться и выпить глоток воды, — предложил он.

Девушки даже не встали со своих мест. Тогда Павел подошел с кружкой к ручью и прополоскал горло.

Костя мужественно последовал его примеру, но в последний момент не удержался, сделал огромный глоток, поперхнулся, закашлялся.

Павел сделал вид, что ничего не заметил. Он взглянул на Галю. Голова ее устало склонилась к плечу, и ветерок шевелил каштановые волосы. Зачерпнув воды в кружку, он подошел к девушкам и сказал улыбаясь:

— Вот вам одну на всех.

Солнце опустилось низко, раскинув веером огненно-красные лучи, когда Павел вступил на ровную зеленую площадку, примыкавшую к стене скалы. На юго-востоке, высоко вверх, виднелась широкая седловина снежного Местийского перевала, образующая перемышку между Сарыкол-баши и Уллу-тау-чаны.

— Дальше не пойдем, — сказал Павел.

«Значит, теперь можно, наконец, сбросить со спины рюкзак, прилечь, насладиться долгожданным отдыхом», — так подумали ребята.

Но Павел уже отдавал распоряжения: Костя разжигать костер, девушкам ставить палатку, Вадиму итти за водой к ручью, журчавшему внизу, за обрывом площадки.

Ну как можно ослушаться? Разве скажешь, что ломит плечи, болят ноги?.. И девушки безропотно подчинились. Глядя на них, побрел за водой и Вадим, спотыкаясь на каждом шагу.

— Так-то лучше, — усмехнулся Павел. Он по опыту знал, каких трудов стоит подняться, когда полежишь немного после утомительного перехода.

Костя подтаскивал сушняк к месту костра и мимоходом придрался к девушкам:

— Ну кто так ставит палатку? Бока отвисли, на крыше складки!

— А ты помоги, Костик, — устало попросила Люда.

Стемнело быстро. Почерневшее небо с тусклыми звездами как будто придавило ущелье.

С ледников Уллу-тау-чаны дул холодный ветер, и пламя костра металось из стороны в сторону. Экономя топливо, Костя подкладывал сушняк с та-

ким расчетом, чтобы огонь одновременно охватывал дно и бока котелков.

— Подкладывай, Костик, не жалея, — просила Галя и тянулась к огню.

Галя зябко куталась в куртку. Результаты сегодняшнего перехода не радовали ее. А завтра будет еще труднее. Павел сказал, что им предстоит подняться на перевал и затем уже с перевала совершить восхождение на Местиа-тау. Эту вершину сейчас скрывали от глаз скалы Сарыколбаши.

Долетел приглушенный темнотой грохот запоздалого камнепада, и Галя поежилась. Сомнение охватило ее.

«Не лучше ли вернуться в лагерь, пока не поздно? — подумала она. — Но как отнесутся к этому Павел, товарищи?..»

Галя посмотрела на Костю, который, шурясь и заслонившись ладонью от жара, деловито приподнимал прутиком крышку котелка, на Сашу, весело хлопотавшую за приготовлением ужина. Разве они меньше устали, чем она? Нет, она не может так поступить! Галя перевела взгляд на Павла, на его спокойное лицо с чуть сдвинутыми бровями, и ее потянуло подойти к нему.

— Завариваю, — во всеуслышание объявил Костя.

После ужина Костя сел подле Гали и распахнул — жарко стало после четырех кружек горячего чаю.

— Да-а, — потягиваясь, проговорил он, — завтра уже не придется попить чайку: на перевал дрова не потащишь. Ночевка на снегу, на высоте трех тысяч семисот пятидесяти метров. Здорово, правда?

Галя ответила уклончиво.

— Боишься, что не взойдем? — задорно спросил Костя и сказал покровительственно: — Ничего, Галя, главное — не трусь. Павел говорит, втянемся. Посмотри на Сашеньку. И шла хорошо, и сейчас все хлопочет. А вот я, как сбросил рюкзак с плеч, так сразу другим стал. Настроение замечательное. — И Костя громко засмеялся.

Однако Павел испортил ему настроение. Приказав всем ложиться спать, он заставил Костю лечь в «девчачьей» палатке, так как в другой еле-еле смогли разместиться остальные ребята. Костя обиделся до глубины души, но спорить с Павлом не решился.

Бивуак вскоре затих. Угасая, лениво дымился костер, вспыхивая робкими красными пятнышками. Над ледником зажглась огромная зеленоватая звезда.

4

Четвертый час утра. Над безмолвием гор светил месяц, сбегая по ледникам Уллу-тау-чаны узенькой лунной дорожкой.

— Подъем!..

В палатках послышались сонные голоса.

— Собачий холод, — жаловался Борис одеваясь.

Вадим, беспокоясь, спрашивал у Сергея, куда он дел его куртку.

— Да здесь! Я вчера положил у стенки, — отвечал Сергей.

Павел потирапливал девушек:

— Скорее, скорей! Завтракать пора. Через полчаса выходим.

Он встал раньше всех, сварил кашу и вскипятил чай.

После завтрака сняли палатки, быстро уложили рюкзаки и в пять утра покинули бивуак.

Наступал рассвет. Темная, густая синева на вечных снегах посветлела и постепенно стала переходить в голубые, нежные тона. Затем к ним примешались розовые, теплые краски, и вскоре первые, еще робкие лучи солнца коснулись белых вершин.

Блеснув на скалах, лучи соскользнули ниже и заискрились на снегах перевала.

Гале очень хотелось увидеть, как солнце брызнет снопом золотых лучей, но отделение подошло к крутому подъему.

— Надеть «кошки» и разобраться по связкам! — услышала она голос инструктора.

Зубья «кошек» вдавливались в крепкий фирн, скованный ночным холодом, нога становилась твердо, и Галя поднималась уверенно. Если бы не тяжелый рюкзак, ей было бы совсем хорошо подниматься вот так, все выше и выше, навстречу утреннему, ласковому солнцу.

Павел всматривался в лица молодых альпинистов. Ему нравилась спокойная сосредоточенность Гриши и Сергея, быстрый, живой взгляд Бориса; пропало капризное выражение на лице Гали. Лишь в глазах Вадима он обнаружил затаенное беспокойство.

«Пройдет», — мысленно отметил Павел и распорядился надеть защитные очки, — отделение выходило из тени скалы на освещенное солнцем снежное поле.

Остановились передохнуть на площадке, зава-
ленной камнями.

— Павел, где трещина, в которую провалилась Мариша? — тотчас спросил Костя.

— Метров триста отсюда, вправо от скалы.

— Пойдемте, посмотрим! — воскликнула Люда.

— Ты лучше покажи, как нам выйти к наиболее низкой точке перевального гребня, — предложил ей Павел. — Подумайте все. Кстати решите, снять ли нам «кошки».

— Конечно, снять, — не задумываясь, ответил Костя: — Фирн от солнца размякнет.

— Я уж думал, не догадаетесь, — усмехнулся Павел и сел в сторонке на камень.

Развязывая тесьму на ботинке, он внимательно прислушивался к голосам ребят.

Борис говорил что-то о прямой линии, как о кратчайшем расстоянии. Ему возражали Гриша и Костя, напоминающие о скрытых трещинах. В спор вступили девушки.

Павел ждал: кто же догадается обратить внимание на невысокий снежный гребешок, который находился влево от них, на расстоянии трехсот метров?

Гребешок поднимался к седлу перевала. Первой обратила внимание на него Люда.

— Павел, надо идти по гребешку, — сказала она.

— Правильно, — похвалил ее Павел. — Иначе трещины оттеснят нас далеко вправо.

Но чтобы добраться до седловины перевала, альпинистам потребовалось четыре часа утомительного продвижения вдоль левого склона гребешка.

Короткие передышки Павел сначала делал через каждые пять минут. Потом — через пятнадцать-двадцать шагов. Останавливались перевести дыха-

ние и уменьшить сердцебиение, вызываемое разреженным воздухом.

Павла беспокоила Люда. Она притихла и очень неохотно шла вперед. На каждой передышке он думал: вдруг откажется идти дальше? Придется тогда всему отделению повернуть обратно. Они находились в ледниковой зоне, и самостоятельно Люде отсюда не выбраться.

Утром, перед тем как выйти на штурм перевала, он предупредил всех:

— Будет очень трудно. Труднее, чем вчера. Кто не может продолжать поход, выйдите из строя.

Никто не пошевелился.

— Все ясно, о чем говорить, — за всех ответил Гриша.

На очередной передышке, у последнего крутого подъема на седловину перевала, Павел подошел к Люде и молча принялся отвязывать скатку спального мешка от ее рюкзака. Словно сговорившись, Сергей и Гриша сняли палатки у Саши и Гали, хотя им и самим было не легко.

— Уйди! — сердито ответил Костя Борису, когда тот хотел взять у него спальный мешок.

Костя поддерживал силы по-своему. Он внушил себе, что взбирается не на Местийский перевал, а на перевал Китлод, который когда-то штурмовала группа разведчиков во главе с Павлом. Конечно, сейчас Костя был одним из тех разведчиков.

— Мобилизую последние силы, — признался он Гале, когда тронулись дальше.

Костя почти ничего не видел перед собой — струйки пота проникли под очки и застилали глаза. Впереди произошла заминка.

— Все равно я больше не могу, Павел! — говорила Люда.

— Потерпи еще немножко, — уговаривал Павел.

— Не могу. Не могу, — твердила девушка.

— Марише труднее было в трещине, чем тебе сейчас, — укоризненно заметил Павел.

Напоминание о Марише действовало. Люда, шатаясь, пошла за инструктором.

Гале казалось, что время остановилось и что конца не будет этому мягкому, податливому фирну, в котором вязли ноги. Вот-вот упадет она и больше не встанет. Изредка поглядывая на Сашу, шагавшую впереди, Галя заставляла себя идти все дальше и выше.

— Подтянись! Перевал! — донесся до нее голос Павла.

Галя подняла голову.

Влево от нее, совсем близко, отчетливо обрисовывались острые скалы Сарыкол-баши. Подле них клубились облака, то исчезая, то снова появляясь, будто играя в прятки. Первая связка уже вступила на плато Местийского перевала.

5

— Жить можно, Галя, — сказал Костя, доедая бутерброд. — Теперь бы попить воды, и можно штурмовать Местиа-тау.

Борис вместе с Сергеем набивал котелки снегом и ставил их на солнце, чтобы в них накопилась вода к их возвращению. Услышав слова Кости, он отозвался шуткой:

— Костик, полфляги отдам, если Местиа-тау возьмешь.

Саша приняла всерьез слова Бориса:

— Вода будет совсем не для питья, — возразила она: — Кашу будем варить.

— Ребята, Сашеньке манной каши захотелось, — засмеялся Борис.

Сергей толкнул его в спину и подал котелок:

— Довольно зубы скалить. Неси и ставь на камни. Живей!

Но Борис не унимался. Силы его восстановились быстро. Ему хотелось шутить, смеяться, петь.

— Люда! — крикнул он. — Бери билет и занимай место в моем рюкзаке, пока не поздно. Без пересадки доставлю на Местиа-тау.

— Вадим! — слышался через минуту его голос. — Вадим, дорогой, один кадрик специально для меня. Очки сниму.

Вадим недовольно отмахнулся. Он не любил, когда ребята позировали. Куда интереснее было фотографировать врасплох. Он уже сделал много таких снимков.

Павел убедился, что отдохнули все. Девушки уже не сидели в изнеможении, как час назад, когда вступили на плато перевала, — сказывалась тренировка, полученная в лагере. Они деловито помогали прятать палатки и часть рюкзаков в скалах. На штурм Местиа-тау Павел приказал брать самое необходимое — «кошки» и ледорубы. Да еще сказал, чтобы набрали в карманы сахару, сухого компота и печенья.

Только Люда продолжала вызывать у Павла беспокойство, хотя девушка выглядела бодрее и ни на что не жаловалась.

Предстояло набрать четыреста метров высоты. Близость Местиа-тау возбуждала ребят. Вершину пока не было видно за скалами Сарыкол-баши.

С перевального гребня перед альпинистами открывался широкий кругозор на вершины Центрального Кавказского хребта.

На севере виднелся скалистый массив Адыр-су-баши и вершины его западного отрога. На северо-западе сверкал вечными снегами величественный Эльбрус, раскинув по своим склонам обширные ледяные поля.

С другой стороны чернели острые пирамиды Башиль-тау и Тот-тау и поднимались обледенелые пики Светгара.

По выражению лица ребят Павел догадывался, о чем они думают, глядя на горные пики, уходившие за облака.

В самом деле, Гриша с Сергеем, Костя и Борис мечтали в эту минуту об одном и том же: придет время, и они пойдут на штурм этих неприступных вершин.

Обогнув по хрустевшему под ногами фирну западную оконечность Сарыкол-баши, альпинисты увидели перед собой ледяной купол, вершина которого терялась где-то в облаках. Неподалеку, справа, чернела бездонная пропасть.

Костя переглянулся с Галей.

— От этих очков голова кружится, — сказал он, искоса поглядывая на пропасть.

Галя поняла самочувствие Кости и улыбнулась, — не у нее одной голова кружится.

Альпинистам потребовалось десять минут, чтобы прикрепить к ботинкам «кошки», связаться веревкой и прийти в себя от смущения, которое охватило их при виде гигантского купола Местиа-тау.

— Похоже на подъем к седловине перевала, но раза в четыре круче, — заметил Борис.

Павел вступил на лед купола, а за ним медленно и осторожно пошли на подъем связки.

Вскоре стали попадаться длинные продольные трещины, прикрытые снегом. Павел потребовал, чтобы все шли по его следам, в стороны не отходить.

— Ишачья работа, — ворчал Костя час спустя. Однообразное продвижение уже надоело ему, а конца купола не было видно.

Перешагнув вслед за Галей через трещину, Костя споткнулся.

— Как ты себя чувствуешь, Костик? — тревожно спросила девушка.

— Так себе... тошнит немного.

— И меня тоже.

— В чем дело? — остановился Павел.

Выяснив причину тревоги, успокоил:

— Не волнуйтесь. Организм скоро приспособится, и вам станет легче.

Люда слышала его слова и низко надвинула на лоб панаму. Перед выходом на штурм Павел спросил ее еще раз о самочувствии. Как и другие, она ответила, что чувствует себя хорошо. Но сказала неправду. Отдых на перевале мало освежил ее. Думала, пройдет. Сейчас разболелась голова. Всеми силами старалась она скрыть свое недомогание и не отставать от товарищей.

Павел делал короткие передышки, во время которых молодые альпинисты восстанавливали дыхание. Вадим то и дело протягивал Гале комочек снега с клюквенным экстрактом: на больших высотах ощущается потребность в кислоте. Сахаром, смоченным в клюквенном экстракте, Гриша угощал Люду и Сапу.

Внезапно подул ветер, взметая сухой, колющий снег.

Павел добродушно посмеивался. Давно миновало то время, когда он таким же способом предохранялся от горной болезни.

После двух часов подъема по куполу Гале стало казаться, что они идут куда-то в бесконечность. В темных стеклах очков все тот же однообразный вид голой ледяной пустыни, тусклый и утомительный. Все время она как будто догоняет переднюю связку и все-таки догнать не может.

Павел замечал, как все больше уставали Люда, Галя и Костя. Он видел их напряженную борьбу с усталостью. Надо было ожидать появления горной болезни. Он все чаще выходил вперед и рубил ступеньки, облегчая ученикам подъем.

Внезапно подул ветер, взметая снег.

— Застегнуть куртки, надеть кашпоны! — крикнул Павел.

Ветер усилился.

Потянулись откуда-то взявшиеся длинные облака и завесили солнце. Неожиданно пошел снег, поднялась метель. Ветер со свистом закрутился вокруг, залепил снегом очки, и по стеклам поползли, растекаясь, капельки. Видимость резко ухудшилась, и Галя с трудом различала фигуру Павла.

Вадим обеими руками ухватился за Гришу. Все невольно сгрудились: легче становится, когда чувствуешь плечо товарища рядом со своим плечом.

— Крепче вдавливайте в лед «кошки»! — услышали альпинисты спокойный голос Павла.

Простояли минут двадцать, держась за веревку и не видя перед собой ничего, кроме мутной кружившейся пелены.

Ветер стих так же внезапно, как и появился. Метель улеглась, и вскоре снова засияло солнце, яркое и горячее.

— Кажется, отделались легким испугом, — повеселев, сказал Вадим.

По ступенькам, вырубленным Павлом, Люда взбиралась с усилием, неуверенно. В висках будто молоточки стучали. Она с трудом переводила дыхание. Борис стал присматриваться к ней. И вовремя. Люда сорвалась со ступеньки и покатилась в сторону пропасти. Саша вскрикнула, но Борис уже натянул веревку страховки.

Торопливо спустился Павел, поднял Люду на руки и уложил на куртку, которую снял с себя.

— Не собирайтесь в кучу, — предупредил он встревоженных ребят. — Ушиблась, Люда? Нет? Ну и хорошо.

Однако все поняли, что Люда вышла из строя.

— Люда, зачем ты обманула меня? — укоризненно сказал Павел. — Я же тебя спрашивал на перевале.

Из глаз девушки покатались слезы:

— Мне так хотелось взойти на вершину...

Павел проверил у девушки пульс.

— Ничего особенного, — успокоил он Люду. — Подождешь нас здесь.

Он обвел глазами ребят.

— Костик, останешься с Людой и будешь ждать нас.

Чего другого, но этого Костя не ожидал.

— Павел!.. Ну, Павел... Как же так, Павел? — торопливо и бессвязно забормотал он.

Остальные молча смотрели в сторону. Им было жаль и Люду и Костю. Ведь до вершины оставалось совсем немного. Об этом сказал Павел перед тем, как рубить ступеньки.

— Ты останешься здесь, — сдвинул брови инструктор. — Ты отвечаешь мне за Люду.

— Не надо, — слабо проговорила Люда. — Я одна подожду. Я не боюсь. Пусть Костик идет.

Павел молча развязывал веревку на груди Люды. Костя понял, что решение Павла окончательное, и вспомнил о своем слове, которое дал на комсомольском собрании, — строго соблюдать дисциплину. Губы у него дрожали. Он был рад, что его глаза скрывали очки.

— Чертовски не повезло! — пробормотал Борис.

Но обсуждать печальное происшествие не было ни времени, ни условий.

За крутым подъемом открылась широкая трещина. Стали обходить ее, но неудачно.

Вернулись обратно. Павел один пошел вправо и минут через десять позвал за собой всех.

Трещину переползали по снежному мостику. Первым преодолел мостик Павел. Его охраняли Гриша и Сергей.

Галя не могла унять нервной дрожи. Она смутно помнила, как легла на снег, стараясь не глядеть в черную глубину трещины, с усилием вытянула руку с ледорубом вперед, а потом, кажется, Павел и Гриша перетянули ее на веревке.

И снова трудный и, Гале казалось, бесконечный подъем. Она помнила, как Павел сказал: «Четыре тысячи метров над уровнем моря», а затем стало туманиться в голове, веки слипались сами собой, в ушах появился звон. Начался приступ горной болезни.

Галя не понимала, для чего ребята поменялись местами и Гриша пошел впереди нее.

Связки шли очень медленно. Каждые десять шагов останавливались передохнуть.

«Куда я иду? Зачем?» — бессвязно возникало в мыслях Гали. Она с каждым шагом все больше чувствовала скованность своих движений, ноги уже совершенно не слушались ее.

Павел почему-то оказался рядом с ней.

«Что ему нужно? Зачем он идет со мной? — с раздражением думала она — Дальше я все равно не пойду».

У нее болела голова.

— Возьмите, — сказал Павел, подавая ей кусочек сахара, смоченный в клюквенном экстракте. — Осталось уже немного. Посмотрите, вон чернеют скалы. Это вершина.

Потом Гали не могла вспомнить: когда, в какой момент к ней вернулась воля к победе: или при виде скал, или, может быть, когда услышала крик Бориса: «Даешь Местиа-тау!»

Сняв защитные очки, альпинисты пробирались между коричневых скал вершины Местиа-тау к Павлу, который уже стоял подле «тура» — пирамидки, сложенной из камней. Радость победы смахнула всю усталость трудного штурма и горную болезнью.

Наступил торжественный момент.

Павел достал из тура баночку и вынул записку, которую оставили альпинисты, побывавшие на вершине.

— Ур-ра! — закричали ребята, потрясая ледорубами.

Павел улыбнулся. Он понимал состояние молодых альпинистов, покоривших первую вершину. Сейчас каждый из них чувствовал себя намного сильнее, тверже, опытнее, чем прежде.

Теперь они стали настоящими альпинистами.

Будут самостоятельно шагать по дорогам смелых, осваивать новые пути...

— Гриша, — сказал он, — доставай блокнот, пиши нашу записку. Перечисли фамилии участников восхождения.

Вадим приготовился фотографировать.

Широко раскрыв глаза, Галя восторженно смотрела, как в просторе голубого, прозрачного дня сверкают вечные снега на вершинах Кавказского хребта. Вершины теснились друг к другу, уходили вдаль, теряясь в синеве далекого горизонта. Неповторимо могучее было в этом первозданном хаосе вздыбленных пород гранита, ледяных масс, девственных снегов...

— Павел, — с беспокойством обратился к инструктору Гриша. — А как же фамилии Костика и Люды... ставить?

— Не имеем права. Они же не взошли на вершину... Каждый должен поставить свою собственную ручную подпись на записке.

Наступило тягостное молчание. Павел принял равнодушный вид, ожидая, как поведут себя его ученики.

— Павел, я пойду за Костиком, — сердито проговорил Борис.

— Разрешите нам, Павел, — поднялись с места Гриша и Сергей.

— В самом деле, что же мы скажем в лагере! — заволновались девушки.

— Разрешите, Павел.

Павел взглянул на часы и встал.

— Иду я, Борис и Сергей. Гриша остается здесь за меня. Никуда не отходить, сидеть только на этом месте.

Требование Павла имело серьезное основание:

северный склон Местиа-тау представлял собой отвесную стену, падавшую на тысячу метров вниз, на ледник. И один неверный шаг в эту сторону грозил катастрофой.

Часа через полтора, когда Вадиму, Саше и Гале ожидание стало казаться бесконечным, далеко внизу показались черные фигурки, отчетливо выделявшиеся на снегу.

— Идут! — крикнула Саша.

— Идут!..

Галя торопливо сосчитала фигурки.

— Все! И Люда!

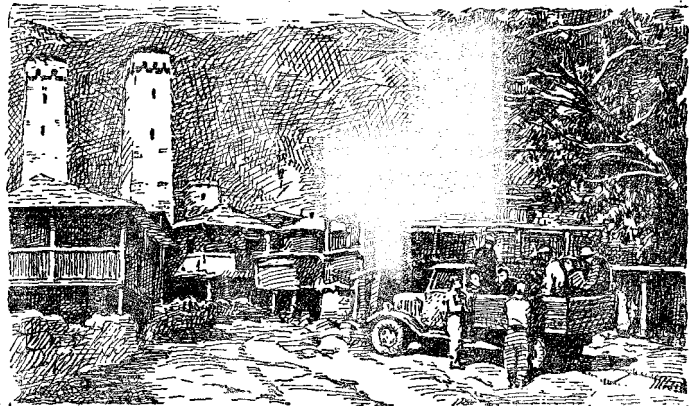
Группа Павла поднималась медленно, часто останавливалась. Люду поддерживали.

— Пойми же! — горячо убеждал Гришу Вадим. — Мне ведь нужно. Пусти. Ты понимаешь, мне надо заснять.

— Нельзя, — односложно отвечал Гриша.

Все же наступил момент, когда и Гриша вслед за девушками и Вадимом спустился со скал на ледник, навстречу Костику и Люде.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Поздний вечер.

На плато Местийского перевала мрачно, темно, морозно. На снегу, под защитой скал Уллу-таучаны, стоят палатки. После горячего ужина, приготовленного на маленьком походном примусе, крепко спят девушки и Костя, — он уже смирился с тем, что во время похода его место в «девчачьей» палатке.

В палатке рядом горит свечка. Здесь очень тесно. Павел стоит на коленях, упираясь плечом в полотняную стенку, и освобождает свой рюкзак от вещей, чтобы постелить его под себя — так меньше будет ощущаться холод от снега.

В двух спальных мешках кое-как уместились ребята. У Павла свой мешок из гагачьего пуха, сгкий, теплый.

— Павел, — обратился к инструктору Борис, — у меня носки совсем мокрые.

— Обязательно надо высушить. Положи себе на живот, — ответил Павел.

По примеру Бориса заправляют свои носки под рубашку Гриша и Сергей.

Борис сопит. Ему неудобно, неприятно: носки сырые, холодные. Пожалуй, Павел подшутил над ним.

Такого же мнения и Гриша с Сергеем. Все трое искоса поглядывают на Павла.

Тот уже снял ботинки и также обкладывает живот носками. Значит, не шутит.

— Ловко! — улыбнулся Сергей. — К утру высохнут.

— Нужда всему научит, — отозвался Павел. — Поспишь ночи две-три на снегу, не то узнаешь.

— Я вот что скажу, ребята.—Гриша приподнялся на локте: — Альпинизм для меня самый подходящий вид спорта. Увлекался я и легкой атлетикой и гимнастикой, но все не то. Не захватывало!

— А я теперь альпинизм не променяю даже на футбол, — вставил свое слово Борис.

— Вот вы как заговорили! — улыбнулся Павел.

— А в капиталистических странах, — задумчиво проговорил Вадим, — альпинизм — забава богатых и праздных любителей сильных ощущений.

— Там забавляются по-всякому, — зло усмехнулся Павел. — Вот недавно американцы на Арарат поднимались, остатки Ноева ковчега искали...

— Мы-то знаем, для чего понадобился им Ноев

ковчег, — вмешался Гриша: — Арарат неподалеку от нашей границы...

Борис заворочался в спальном мешке.

— Ничего у них не выйдет. А если и попытаются попробовать — получают по морде, — проворчал он.

— Не выйдет, — подтвердил Павел и заметил: — Но держать ухо надо остро, ребята.

— Знаем, — ответил Гриша. — Разбираемся, что к чему.

Павел улыбнулся, поглубже залез в спальный мешок и погасил свечку.

2

Туман настиг альпинистов на широком и пологом течении ледника Лекзыр, когда они, спустившись с плато Местийского перевала, взяли направление на Местиа.

Павел думал пройти зону ледников засветло и разбить бивуак на лесистом берегу потока Лекзыр, но туман спутал его расчеты. Он появился неожиданно с верховьев и затянул плотной белесой завесой всю долину ледника.

Досадуя на потерю времени, Павел приказал всем связаться веревкой.

Молчаливо, медленно пробирались альпинисты между трещин, следуя за инструктором, фигура которого то исчезала, то снова появлялась перед ними.

Лекзырский ледник Павел знал хорошо. Он вел отделение, ориентируясь по характеру и расположению попадавшихся трещин.

Туман рассеялся лишь к четырем часам дня.

Солнце уже стало спускаться за хребты Сванетии, когда альпинисты повернули вслед за течением ледника на юг. Далеко внизу показались зеленые склоны ущелья.

— Лес, ребята! — воскликнул Костя. — Ух, какой костер я разложу!..

Но Павел хмурился: им сегодня не добраться до леса. Он торопился до наступления темноты справиться с переходом по трещинам ледника, а их становилось все больше и больше.

Темнота все же опередила альпинистов и заставила Павла вместо левого берега ледника свернуть вправо, где спуск с языка Лекзыра показался ему более удобным.

С ледника спустились уже в полной темноте. Голос инструктора слышался где-то впереди. К нему примешивался шум потока, который вырывался из ледникового грота внизу.

Спотыкаясь о камни, альпинисты, следуя за Павлом, куда-то долго взбирались и, наконец, остановились.

Борису, Сергею и Грише удалось поставить только одну палатку. Другая не держалась на крутом склоне, заваливалась.

— Ладно, не мучайтесь, — сказал Павел. — Расстилайте палатку на земле. Залезем под нее и проспим.

Костя с Вадимом попробовали развести костер, но сырые ветки ползучего кустарника не загорались. Ждать, пока сварится ужин, никому не захотелось. Поели всухомятку сухарей с конфетами и улеглись.

Костя лег с ребятами на разостланной палатке.

— Красота! — восхищался он, довольный своим соседством с Павлом. — Настоящий горный приют.

За двое суток всем изрядно надоели бесконечные льды и снега. Завтра в полдень они должны быть в Местиа, до нее оставалось восемь километров. Там, наконец, можно по-настоящему отдохнуть, погреться на солнышке.

Павел проснулся, услышав раскат грома. Он зажег спичку и посмотрел на часы. Была полночь. Уткнувшись в бок Павла, посапывал носом Костя.

«Кажется, пройдет стороной», — подумал Павел о грозе и не стал будить ребят.

Во второй раз Павел проснулся, когда первые капли дождя забарабанили по палатке. Он растолкал Сергея и Гришу.

— Вставайте скорей, надо убрать рюкзаки к девушкам.

— А я?.. А мне что делать? — проснулся Костя.

— Лежать, — коротко бросил Павел и выбрался из складок палатки наружу.

Холодный ливень налетел внезапно и захлестал по лицам.

— Быстрее, быстрее! — покрикивал Павел. Он подал последний рюкзак и побежал вслед за Сергеем и Гришей спасаться от дождя к своей палатке.

Борис с Костей и Вадимом пытались в это время приподнять стойками крышу.

— Ничего не выйдет, — остановил их Павел. — Лезьте обратно.

Смятое, лежавшее на земле полотно палатки скоро впитало в себя влагу.

Со склона потекли ручейки. Альпинисты вынуждены были сесть.

— Прижимайтесь плотнее друг к другу, — посоветовал Павел. — Скоро рассвет. — Он в душе бранил себя: слышал приближение грозы и не принял никаких мер. Он-то просидит, но каково усталым ребятам с непривычки! А завтра опять в путь.

...Раннее утро. С языка Лекзырского ледника несло холодом. На камне сидел Борис и надевал ботинки. Сергей и Костя торопливо скатывали патлатки. Вадим искал в своем рюкзаке фотопленку — не намокла ли.

— Сейчас отправляемся, — предупредил Павел.

— Поскорей бы! — поеживаясь от холода, говорили ребята и поглядывали вниз, где шумел, вырываясь из синего грота, поток. Ниже зеленели полосы кустарника.

Павел осмотрел бивуак, — не забыли ли чего, и подал команду трогаться в путь.

Костя по привычке шел с Галей. Движение согрело альпинистов, одежда просыхала, а шагать по зеленой мягкой траве было приятно.

Первую сосенку, попавшуюся на пути, Костя встретил, как старого приятеля.

— Если так пойдем и дальше, то часов в одиннадцать утра будем в Местиа, — сказал Гриша.

— Что ты? — испуганно воскликнула Галя. — Куда мы такие придем? Надо привал сделать, помыться, почиститься.

— Да и поесть как следует, — добавил Костя.

— Можно и привал сделать, — согласился Гриша. — Времени у нас много. На перевал Бечо должны выйти только завтра.

Недолго шли альпинисты ровной тропой. Она вывела их на берег Лекзыра и затерялась в густых

зарослях кустарника. Павел повел отделение по берегу, но крутые обрывы вскоре отеснили их опять в заросли.

Чем ниже спускались, тем труднее становился путь. Чуть ли не на каждом шагу альпинистам приходилось нагибаться, становиться на колени и ползти сквозь тесное сплетение ветвей.

Косте казалось, что они не выберутся из этих зеленых тенет. Его рюкзак с мокрой одеждой и спальный мешок стали в три раза тяжелее. Лямки врезались в плечи, на шее набухли вены, и стало трудно поворачивать голову. Соленый пот попадал в глаза, в голове звенело от неумолкаемого грохота горной реки.

— Кабанья тропка! — ворчал Костя, продираясь на коленях среди ветвей. Рюкзак его застрял. Костя дернулся раз, другой и в изнеможении растянулся на земле.

— Аварийная!.. — крикнул Вадим, сияясь улыбнуться своей шутке.

— Не приставай! — огрызнулся Костя.

За два с половиной часа заросли основательно вымотали силы альпинистов. Но другой дороги не было. Павел чаще делал передышки, разрешил пить воду, помогал девушкам, перетаскивая их рюкзаки.

Никто не жаловался. Даже Люда. Она уже в третий раз обматывала грязным бинтом свой ботинок, у которого оторвалась подошва.

— До Местиа дойдешь? — спросил у нее Павел.

— Дойду как-нибудь, — ответила девушка. — Теперь уже недалеко? — Она с надеждой посмотрела на инструктора.

— Недалеко, — подбодрил ее Павел. — Скоро будет поток Чалаат. Там передохнем.

Тропу, узенькую, еле видимую, первым заметил Борис.

— Тропа! — обрадованно крикнул он. — Тропа! Идите сюда!

Через десять минут вышли к месту слияния потока Чалаат с потоком Лекзыр. Они образовывали горную реку Тюйбри.

Альпинисты с наслаждением растянулись на мелкой прибрежной гальке.

Павлу было не до отдыха. Он стоял на плоском берегу Чалаата и, наморщив лоб, смотрел на бурное кипение стремительно мчавшегося потока. Кладей не было. Их, повидимому, недавно сорвало водой. Надо искать переправу или возвращаться по зарослям обратно на Лекзыр и там по языку ледника перейти на левую сторону.

В грохоте реки Павел не расслышал шагов Гриши и Сергея.

— Павел, что делать будем? — громко спросил Сергей.

Павел обернулся.

— Кашу варить.

На языке альпинистов это означало: располагаться на продолжительную остановку. Ребятам стало досадно: до противоположного берега было совсем немного — десять-двенадцать метров.

Павел обратился к Сергею:

— Иди к отделению и скажи, чтобы готовили обед. Разложите на камнях спальные мешки. Пусть сохнут. Я пойду с Гришей поищу переправу.

Часа через два, возвращаясь с поисков, Павел с Гришей услышали за кустами звонкие ритмичные выкрики:

— Давай раз! Еще раз! Дружный раз!..

Из общего хора выделялся голос Кости.

— Что они там творят? — проворчал Павел и с беспокойством прибавил шаг.

Выйдя на открытое место, они увидели такую картину: на берегу Чалаата с кольями в руках стояли Костя, Борис, Сергей, Вадим и Люда. Все босиком, с подвернутыми до колен брюками. Подле них, концом в воду, лежало срубленное дерево.

— Вы что тут задумали? — спросил Павел, недобролюбно оглядывая ребят.

— Проявили инициативу, — уклончиво ответил Костя и, бросив кол, стал рассматривать свои ладони.

— Сосна короткой оказалась, а выбирали самую высокую, — добавил Борис.

— Короткой! — сердито проговорил Павел. — Каждый пионер знает, как измерить высоту дерева.

— Она бы годилась, да вот камни не держатся, — робко возразил Костя.

— Неужели вам, как маленьким, каждый раз надо говорить: не делайте то, не делайте это! — сердито сказал Павел. — Я же знаю: здесь стояли два камня, больших, с Косику ростом. Где они? Умники! Небось, сдвинули камни, думали, что лягут в воду, вы поставите на них сосну и перекинете на другой берег. Инструктор вернется, а тут, пожалуйста, переправа готова. Так ведь?

Павел в точности раскрыл замысел ребят. Они смущенно переступали с ноги на ногу, а Люда потихоньку отодвинулась за спину Павла и побежала к Саше и Гале, варившим обед у костра.

— Где камни? — еще раз спросил Павел.

— Утащило водой, — ответил Сергей.

— А вы что, тяжелее пятипудовых камней? Вас не могло утащить? Идите к костру! — Павел широкими шагами последовал за ребятами.

Павел сказал, что переправиться на противоположный берег можно лишь в одном месте, в двух километрах от привала, где Чалаат растекался на три рукава. Но он не совсем уверен в том, что все смогут переправиться, и бегло взглянул на Люду и Галю. Он думает вернуться на Лекзырский ледник и по нему перейти на другую сторону, — это лучше, чем рисковать.

— Ой, обратно итти! — воскликнула Люда, посмотрев на свой порванный ботинок.

— А чего нам бояться-то? — недовольно заметил Борис.

— Лучше уж по новому пути итти, чем опять по кабаньим тропам взбираться к Лекзыру, — сказал Костя.

Павел решил итти к трем рукавам.

Сначала путь был точным повторением пути, пройденного по берегу Лекзыра, если не считать подъема, увеличившего трудности продвижения. Та же кабанья тропа ныряла в кустарниках, и колючие ветви цеплялись за рюкзаки.

Затем кустарник разорвали каменные завалы. Стало просторнее. Начался молодой сосняк, и альпинисты вскоре увидели три рукава потока, о которых говорил Павел. Отсюда открывался вид на огромную стену Чалаатского ледника, заваленного обломками скал. Над ледником собирались тучи.

Павел посмотрел на них и подумал о дожде. Тогда уровень воды поднимется. Он перевел взгляд на воду. Поток, встречая препятствие из двух островков, разделялся на три рукава, шириною по шести-семи метров. Островок между первым и вторым рукавами был продолговатым, загроможден камнями. Другой представлял собой небольшую, почти квадратную площадку метра в три длиной. Эта пло-

щадка из наносной гальки примыкала к плоскому обломку скалы.

Павла смущал третий, последний, рукав с грозными гривами светложелтых волн. Там вода особенно бурлила, очевидно, над большими валунами.

Павел обернулся к ребятам.

— Ну, что скажете?

— Переправляться, — решительно ответил Борис и выступил вперед.

— А девушки почему молчат? — обратился Павел к Гале.

— Как все, так и мы, — храбро ответила Гая.

План переправы, намеченный Павлом, был несложен. По срубленным деревьям они переходят на первый островок, перекидывают клади на второй, а затем таким же способом переправляются через третий рукав.

Но необходимо было торопиться. Наступал вечер, а над Чалаатским ледником нависла сетка дождя. Павел решил ограничиться тремя срубленными деревьями и распорядился подтащить их к берегу.

Борис прошел по кладям первым. Гриша перекинул ему веревку. Борис натянул ее, и, держась за веревку, все перешли на островок.

Через второй рукав переправлялись менее удачно. Альпинисты, перекидывая сосну на площадку второго островка, не рассчитали. Конец дерева не достиг гальки, окунулся в воду, и поток вырвал сосну из рук. Кувыряясь и вставая на дыбы, она понеслась вниз по течению.

Вадим проводил дерево глазами, и грозная сила потока устрасила его.

«Надо вернуться на берег, пока не поздно», — подумал он, но тут же обвинил себя в малодушии и

дейтельно принялся помогать товарищам, подтаскивая к ним второе дерево.

— Павел, можем упустить опять, лучше я переберусь на островок и за веревку перетяну к себе кладь, — предложил Борис.

Павел согласился.

Борис снял ботинки, достал из рюкзака тапочки, подумал немного — и, чтобы не мочить, снял брюки, оставшись в трусиках.

— Холодно будет, — сказал Павел и заставил Бориса надеть штормовую куртку и обвязаться для страховки веревкой.

Почти на середине течения второго рукава выступала из воды верхушка большого камня. Накось, ближе к площадке островка, под водой, вблизи от поверхности, лежал другой камень.

Разбежавшись, Борис прыгнул на камень.

— Ой! — вырвалось у Люды.

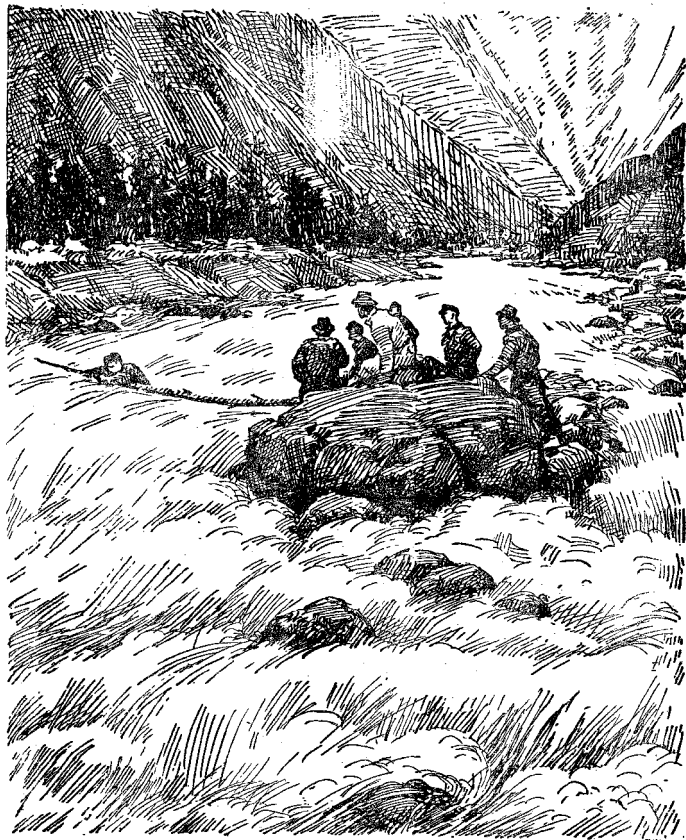
Павел быстро натянул веревку и помог Борису сохранить равновесие. Сильный толчок, брызги — и Борис уже стоял на площадке второго островка и что-то весело кричал.

— Молодец, Борис! — высказал общее восхищение Гриша.

Павел переходил по кладям последним. Перед этим к концам обеих сосенок он привязал по веревке. С их помощью альпинисты подняли кладь, поставив их торчком.

Разместились на маленькой площадке островка с трудом. Косте поручили держать ледорубы. Рюкзаки сложили на плоский обломок скалы. На них сели девушки.

Медленно, осторожно, подпирая двумя ледорубами, опустили сосну к воде и увидели, что верхушка дерева не достаёт полметра до берега.

*Под тяжестью тела Бориса тонкая вершинка сосны
опустилась в воду.*

Борис рассердился. Согнувшись дугой, он стал с упорством продвигаться по сосне к берегу, отвоевывая каждый сантиметр. Ледяная вода с силой ударила его в спину, потащила книзу, пытаясь сорвать.

И Борис вскоре почувствовал, что изнемогает. Только сейчас ощутил он явную опасность, угрожающую ему. Впереди у скрытых водою огромных валунов свирепо бурлил поток, как бы раскрывая широкую пасть.

Первой мыслью было: вернуться на островок, к товарищам. Однако Борис нашел в себе мужество здраво и быстро оценить обстановку. От островка он находился дальше, чем от берега. Надо продвигаться вперед.

Но все силы уходили лишь на то, чтобы удержаться на стволе. Он еще раз попытался продвинуться к берегу. Не мог — нехватало уже сил.

«Пропал!» — в смятении подумал Борис.

Вода захлестала его по плечам и пригнула голову. Ему стало трудно дышать.

— Пропал! — повторил он сквозь зубы и почувствовал, что страх овладевает им.

В последнюю минуту он вспомнил совет Павла: в случае чего прыгать в воду к берегу, чтобы попасть в водоворот, кружившийся метров на шесть ниже по течению, подле берегового выступа.

Борис всем телом рванулся вперед, а Павел, напряженно следивший за ним, быстро выдал веревку.

С островка видно было, как Борис скрылся под водой. Но уже в следующий момент голова его показалась у самого берега. На несколько секунд его прижало к береговому выступу. Борис уцепился пальцами за гальку и, напрягая все силы, выполз на сушу.

Гриша вытирал холодный пот со лба. У Вадима издрагивали губы. А Костя возбужденно и весело кричал что-то, размахивая руками.

Борис стоял, пошатываясь, на твердой земле. По его ногам текли алые струйки: содрал кожу о сучья на сосне.

Павел дергал легонько за веревку, чтобы Борис поскорее обратил внимание на оставшихся на островке. А положение становилось серьезным.

Вода прибывала, площадка уменьшилась — Павел с ребятами стояли в воде по щиколотку. Девушки тесно прижались друг к другу, поглядывая то на Павла, то на Бориса широко раскрытыми глазами.

Они видели, как Борис развязал веревку на груди и медленно, будто преодолевая сильное внутреннее противодействие, спустился к воде. Ухватив за макушку сосну, подтянул ее, и дерево надежно легло на широкий плоский камень. Затем Павел бросил Борису конец веревки, привязанной к верхушке другой сосны. Дерево опустили. Борис и его подтащил к камню. Связь с берегом установилась.

Перед Павлом встала задача: кого послать первым. Надо было внушить ребятам, что переправа теперь надежна и бояться не следует. Он выбрал Гришу.

Держась обеими руками за веревочные перила и не поднимая ног от кладей, как советовал инструктор, Гриша перебрался на берег. Он принес с собой одежду для Бориса, заочневшего от ледяной воды и холодного ветра.

За Гришей прошел и Сергей. Они укрепили концы кладей в камнях, а Павел плотно прижал деревья двумя ледорубами, вбив их в гальку площадки.

С помощью веревки, протянутой между островком и берегом, Павел с Вадимом быстро переправи-

ли рюкзаки и подготовили девушек. Для страховки сделали веревочные петли, укрепили их на поясах девушек и соединили с перилами. Ледорубы Костя перебросил на берег.

Галя прошла «мост» последней из девушек. Она стиснула зубы и старалась не смотреть на бурную кипень бешено мчавшейся под ногами воды. На берегу долго смотрела на зеленую траву и не могла поверить, что перешла поток Чалаат. А когда поверила, то подумала: ничто в жизни теперь ее не устрасит.

На островке остался один Павел. Вода уже переливалась через клады, угрожая сорвать их. Он тщательно связал на груди узел и приказал знаками Грише и Сергею отойти с веревкой вверх по течению. Они сперва недоумевали, для чего это, а потом догадались: перил у Павла не стало, и требовалось натянуть веревку, чтобы облегчить для него переход. В случае срыва Гриша и Сергей задержали бы его, не дали воде унести к валунам.

Галя не могла унять нервной дрожи. Прижав руки к груди, она, не отрываясь, глядела на Павла. Вот он добрался до середины. Закачался. Гриша с Сергеем сильнее натянули веревку. Павел сделал еще два шага и, сильно оттолкнувшись от кладей, прыгнул. Взметнулись брызги, Галя вскрикнула, но Павел уже выходил на берег.

— Искать место для налаток! — весело распорядился он. — Костик, давай хороший костер.

Когда костер разгорелся, Костя усадил Бориса на самое лучшее место, под скалу, чтобы не дул в спину холодный ветер с ледника. Вадим принес свою куртку и, заботливо покрывая ею ноги Бориса, сказал с легким оттенком зависти.

— Мне бы, пожалуй, так не суметь.

— Вообще надо передохнуть, поразвлечься, — заметил Вадим, потягиваясь.

— Люде ботинки починить, — заботливо добавила Саша.

— А вы знаете, сваны в Местиа^а первым увидели самолет, потом автомашину и только послю этого телегу, — громогласно заявил Костя.

— Чему ж удивляться? — заметил Гриша. — Когда горные перевалы засыпало снегом, Сванетия на многие месяцы становилась отрезанной. Дорогу построили, вот они и увидели современные средства передвижения.

— Говорят, первая колонна машин пришла в Местиа поздно вечером, с зажженными фарами, гудели. Красота! — добавил Костя.

Павел слышал, о чем говорили ребята, и ему очень не хотелось разочаровывать их. Но другого выхода не было.

— Все это можно было сделать вчера, а не сегодня, — сказал он.

Костя ударил себя по лбу и воскликнул:

— Контрольный срок!

— Да, контрольный срок, — подтвердил Павел. — Послезавтра, в двадцать ноль-ноль, мы обязаны быть в лагере. Значит, сегодня надо добратсья до селения Бечо, чтобы выйти своевременно на перевал. А до Бечо около тридцати километров.

— Проклятый Чалаат! — вознегодовал Костя.

— Что говорить, все ясно, — сказал Гриша: — надо итти на перевал Бечо.

Поэтому Павел и направился к машине, когда увидел ее в глубине сванского двора.

— Галя, попроси у Павла, пусть он разрешит хоть часок побыть в Местиа. Обидно же, — уныло произнес Вадим.

Он тайне мечтал сделать фотоочерк похода и послать в журнал «Смена».

— Почему я? — покраснела девушка.

— Ну, все равно, кто-нибудь из девчат. Придумайте что-нибудь, — настаивал Вадим.

— Ни за что! — поспешила ответить Галя и еще сильнее смутилась.

— Не болтай, чего не следует, — заметил Борис: — Нельзя — значит, нельзя.

Павел вскоре вернулся.

— Забирайте рюкзаки. Едем, — сказал он, не глядя на ребят. — Ботинки Люде починим в Бечо.

Полуторка, сигнала, быстро проехала по кривым улицам Местиа. Постройки современного типа, привычные глазу, сочетались с каменными приместными жилищами, с глухими дворами, с оградками из камней и средневековыми сторожевыми башнями.

Борис запел:

Много верст в походах пройдено
По земле и по воде,
Но советской нашей Родины
Не забыли мы нигде.

Песню подхватила Саша, за нею Костя.

В селении Бечо переночевали у приятеля Павла — Ваню Маргиани, известного ребятам по рассказу Федора Петровича, а утром, хорошо выспавшись, вышли на перевал Бечо.

Густые леса на крутых, обрывистых склонах, шумливая река Долра, пышные альпийские луга с золотистым шафраном, белыми и голубыми колокольчиками, ромашкой — все это было уже знакомо альпинистам. Их тянуло домой, в лагерь, в веселый круг товарищей.

Иван Матвеевич в белой, парадно отутюженной куртке и колпаке придирчиво оглядывал сервировку торжественного ужина в честь отделения Павла, возвращавшегося с похода.

Все готово. На сдвинутых столиках, покрытых большой скатертью, расставлены тарелки с копченой колбасой, сыром, винегретом; на кухне, в духовке, томится жареный барашек с острой кавказской приправой. Но первое место на столе, по мнению наведывавшихся в столовую альпинистов, бесспорно принадлежало селедке с гарниром из свежих помидоров и четырем плотно закрытым кастрюлям с хлебным квасом — холодным, шипучим, ударявшим в нос.

Такой вкусный, крепкий квас мог готовить только Иван Матвеевич. И не случайно инструкторы соседнего лагеря непременно заходили по пути к нему, выпить кружечку, другую. А «кружечка» у Матвеевича вмещала добрый литр.

Довершая убранство стола, среди тарелок стояли роскошные букеты альпийских цветов,—об этом уж позаботились девушки.

— Так пусть и стоит все, — сказал Иван Матвеевич самому себе и пошел на площадку к молодежи.

— Антон пришел? — спросил он тихо Маришу.

Мариша так же тихо ответила, что не приходил.

— Мог бы поживее вернуться, ноги молодые, — выразил свое неудовольствие Иван Матвеевич.

— Придет, — беспечно качнула головой Мариша. — У нас все готово: цветы есть, у костра дежурят.

— Я знаю, что все готово. Этого порядок требует. — Иван Матвеевич направился дальше по дорожке.

Он, пожалуй, больше начальника лагеря беспокоился, чтобы к встрече все было, как надо, — такова традиция. Антон должен был заблаговременно сообщить результаты восхождения отделения Павла. В лагере позволяли себе маленькую хитрость: ко времени возвращения альпинистов с зачетных восхождений навстречу высылали посыльного, который в условленном месте получал нужные сведения от начальника похода и быстро возвращался в лагерь.

На площадке среди молодых альпинистов Иван Матвеевич встретил Федора Петровича и Андрея Голычева. Оба были в своих лучших альпинистских костюмах.

Двенадцать разноцветных лампочек висело вдоль линейки на высоких шестах, соединенных гирляндами цветов. Несколько минут Иван Матвеевич любовался иллюминацией и, убедившись, что все на месте и все как следует, пошел к костру.

Павел вывел свое отделение из темной лесной впадины на опушку, и альпинисты увидели за деревьями, по ту сторону реки, багровое пламя огромного костра.

— Подтянись! — крикнул Павел.

Альпинисты приободрились и прибавили шаг.

— Ждут! — удивленно и радостно сказала Галя.

— А костер какой соорудили! — одобрил Костя.

— Люда, дорогая, — говорил Павел, — голову повыше. Вот так. Хорошо. Букеты не растеряли?

Считалось хорошим тоном вернуться с восхождения непременно с цветами. Тем самым подчер-

кивалось, что все благополучно, все здоровы, бодр^ы и готовы снова вступить в борьбу с суровой горной природой.

Павел остановил свое отделение под гирляндой, напротив шеренги альпинистов, которые выстроились приветствовать победителей. Подойдя к дежурному по лагерю, Павел отрапортовал о благополучном прибытии и результатах зачетного похода. Вперед выступил Федор Петрович. Поздравив отделение с успешной сдачей испытания, он объявил приказ о выдаче им значков «Альпинист СССР».

Андрей Голычев напомнил, что звание альпиниста ко многому обязывает, что альпинизм не случайно называют «школой мужества», «дорогой смелых». Для альпиниста нет преград, ему не страшны никакие препятствия, в горах он везде и всюду найдет пути для выполнения любого задания партии и правительства.

— За советский массовый альпинизм! — воскликнул в заключение Андрей.

Ряды смешались. С веселыми возгласами победителям были вручены букеты цветов, ребята крепко пожимали руки товарищам, девушки обнимали подруг, Мариша тискала в объятиях Галю.

— Минутку внимания! — крикнул дежурный, когда альпинисты несколько утомнились.

Иван Матвеевич, чуть упираясь, подталкиваемый с боков Антоном и Андреем Голычевым, вышел на середину, одергивая свою куртку.

— Ну, что я вам скажу, орлята? Вот что я вам скажу. Примите душ и, — пожалуйста, в столовую, Уго^отим на славу!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

Антон нашел Галю на обрывистом берегу реки. Она сидела в тени сосен и смотрела в воду.

— Мариша говорит, что ты не хочешь ехать со всеми, — сказал он, присаживаясь рядом.

— Не хочу.

— Но что ты будешь делать в лагере? — недоумевая, спросил Антон.

Галя пожала плечами.

— Странно! Будем с Маришей гулять, отдыхать, пока вы не вернетесь с траверса.

Антон улыбнулся.

— Глупышка! Ничего со мной не случится. Я же иду с Павлом. Поезжай.

— Без тебя не поеду.

— Но ведь мама волноваться будет.

Галя покачала головой.

— Я поеду только с тобой и Маришей.

— Вот чудачка! — воскликнул Антон, не зная, рассердиться ли ему, или уступить.

Но брови у Гали сдвинулись, и Антон невольно удивился. Эге! За своей работой он как-то проглядел, что его сестра стала совсем взрослой.

— Ну, как знаешь, — сказал он. — Не ссориться же из-за пустяков, — и пошел в лагерь.

И вообще Антон сегодня не имел ни малейшего желания с кем-либо ссориться. Все складывалось для него как нельзя лучше. Удача с Чебет-тау-чаны, на которую он ходил с Федором Петровичем, окрылила его; разрешение на траверс Уллу-тау-чаны получено, погода великолепная. Сам он в хорошей спортивной форме и послезавтра утром отправляется на траверс.

— Антон, так что же, Галя остается или нет? — спросил Костя, встретившись с ним на дорожке.

— Остается.

Антон неожиданно для Кости схватил его в охапку, легко подбросил и положил на обе лопатки.

— Вот тебе! — засмеялся Антон и пошел дальше.

Вскочив с земли, Костя закричал:

— Это ты внезапно! А то бы я устоял!

Антон показал ему нос.

— Счастливы! — вздохнул Костя.

Но, правду говоря, в своем настроении разобратся Костя пока не мог. С лагерем расставаться не хотелось. Однако и домой сильно тянуло, к ребятам. Он такое расскажет им, что ахнут. Одна пере-

права через поток Чалаат что стоит. А силы! А Местиа-тау!

Костя выпятил грудь — на ней поблескивал голубой значок альпиниста, врученный ему начальником лагеря на торжественном вечере. У Кости даже легкое головокружение появлялось, когда он смотрел на свой значок. И голос Костя изменил: старался говорить на два тона ниже. В лагерь он придет в будущем году. И тогда завоюет третий разряд. Это уже твердо.

— Сашенька, — крикнул он, направляясь навстречу девушке, — все уложила?

— Все, Костик.

— Значит, едем?

— Едем, Костик.

— А ты такой же и осталась, какой и была, — слегка разочарованно произнес Костя, оглядев фигуру Саши.

Они звонко рассмеялись.

Сидя на скамейке подле своей палатки, Павел пришивал новый темляк к колечку ледоруба.

Счастливый смех юноши и девушки долетел до него.

Павел всегда с грустью расставался со своими учениками и многих помнил долго.

Невольно вспомнились такие же мимолетные, но дорогие и близкие друзья, вспомнились встречи, которые произошли на дорогах войны. Ваню Карасева из Курска сам похоронил в братской могиле около Рогачевского шоссе, когда сдерживали натиск немцев на подступах к Москве; с горьковчанином Мишей Соловьевым обороняли перевалы Бечо и Донгуз-орун; а с Алешей Федосеевым из Киева ходил

в разведку на Карпатах. Теперь в альпинистские лагеря пришли новые славные ребята. Будут и другие. С каждым годом увеличивается тяга молодежи к альпинизму — спорту мужественных и смелых.

Мысли Павла прервал Антон.

— Ребят-то пойдем провожать? — спросил он, подходя к палатке.

— Обязательно. — Павел встал, подергал темляк и спросил как бы между прочим: — А Галя как?

— Пусть остается, — махнул рукой Антон.

2

Утром на второй день траверса Павел и Антон вышли к скалам вершинного гребня Уллу-таучаны.

После однообразного и утомительного подъема по крутому снежному склону, который тянулся почти от самого перевала Горваш, остановились передохнуть.

— Кончилась ишачья работа, — удовлетворенно вздохнул Антон.

Опустившись на камень, он стал отвязывать от ботинок «кошки». Павел снял защитные очки и смахнул со лба пот.

Теперь альпинистам предстояла работа на скалах. Павел не сомневался в том, что она будет трудной, опасной, но увлекательной. На три километра, с запада на восток, протянулась изломанная линия гребня, поворачивающая к югу, где с резким наклоном понижалась к Местийскому перевалу. Тринадцать острых «жандармов», высотой от десяти до тридцати метров, насчитал Павел на гребне. Северная

сторона Уллу-тау-чаны спускалась в ущелье Адырсу головокружительным склоном, а южная обрывалась на тысячу метров вниз, в Сванетию, на Лекзырский ледник, совершенно отвесной стеной.

— Ну и «пила»! — заметил Антон, косясь на «жандармы», которые примерно через каждые сто метров торчали по всему гребню, как огромные зубья. Эти скалы он видел, когда поднимался с Федором Петровичем по северо-восточному ребру Чегет-тау-чаны. И тогда еще он подумал, что их не легко будет преодолеть, в особенности с тяжелыми рюкзаками.

— Проверь узел на связке и пойдем. — сказал Павел, прикрепив к рюкзаку ледоруб.

С первых же шагов по гребню Павел убедился, что продвигаться будет не легко. Ни один выступ не мог служить надежной опорой. Камни неожиданно «оживали» под руками и летели вниз. От одного лишь прикосновения срывались глыбы и с грохотом скатывались в пропасти.

Павел удвоил осторожность. Он ощупывал каждый пригодный для опоры выступ, каждую зацепку, прежде чем взяться за них. Но шел уверенно, полагаясь на Антона.

Совместные тренировки выработали у обоих слаженность действий. Антон внимательно наблюдал за Павлом и в любой момент готов был натянуть веревку, прийти на помощь.

Досаждали рюкзаки. Уже на подъеме по снежнику они оттянули плечи, а теперь, сползая с бока на бок, каждый раз нарушали равновесие.

Антон несколько раз с беспокойством взглянул на высокую скалу, похожую на огромный кинжал, который торчал на гребне за рядом других скал.

Павел тоже заметил, как по крутым стенкам этого «жандарма» скатывались камнепады, поднимающая облака пыли.

«Жандарм» оказался высотой с семизэтажный дом. Прямо с гребня поднималась гладкая стена, лишенная зацепок. Со стороны Сванетии склон «кинжала» был менее крут, изобиловал складками, желобками, карнизиками. Решили взбираться с этой стороны.

Рассчитали правильно. Строение скал позволяло им не приближаться к опасным желобам, а от одиночных камней альпинисты благополучно увертывались или успевали прятаться за выступы.

Павлу нужно было дать передохнуть. Антон поменялся с ним местами и пошел прокладывать путь. Павел старался не находиться на одной линии с Антоном, чтобы не подставить себя под камень, случайно сбитый товарищем.

На поддороге к вершине «кинжала», поднимаясь на руках, Антон почувствовал: большая плита под ним сдвинулась с места и вместе с ним поползла вниз.

— Берегись! — успел крикнуть он.

Павел тотчас приготовился задержать неминуемое падение Антона. Но тот сильным рывком оторвался от плиты и успел схватиться за складки скалы.

— Дешево отделался, — поглядев на летевшую вниз глыбу, сказал Павел.

Антон согласился с ним. Действительно, ему повезло на этот раз. Он лишь поцарапал кожу на коленях и локтях да вырвал клочок на рукаве штормовой куртки.

Только собрались подниматься дальше, как наверху послышался характерный скрежет трущихся

друг о друга камней. Альпинисты торопливо переместились в сторону и прижались к скале. Через несколько секунд камень килограммов в двадцать весом с упругим свистом, осыпав их мелким щебнем и пылью, пролетел в двух шагах от них.

Павел искоса посмотрел на Антона. У того чуть вздрагивали губы.

— Не думай, домой не запрошусь, — сказал Антон.

— Этого, брат, мало, — вскользь заметил Павел.

— Слушай, Пашка, ведь я в первый раз в такую передрагу попадаю!

— Ну-ну, не нервничай. — Павел похлопал друга по плечу. — Пошли дальше.

Обратно на гребень спускались с оглядкой, прислушиваясь к шуму камнепадов, шедших по желобам.

Давно миновал полдень, и, по мнению Антона, не мешало бы остановиться, закусить, а Павел все шел вперед. Пальцы Антона, покрытые ссадинами и пылью, уже плохо сгибались, но говорить о своей усталости он не считал возможным.

В пятом часу вечера Павел увидел на южном склоне, метра на четыре ниже гребня, ровную площадку и спустился к ней.

— Иди сюда! — крикнул он Антону. — Здесь переночуем.

Антон спустился к нему и с наслаждением сбросил с плеч рюкзак. Потом достал из него кухню «Мета», пакетик сухого спирта и принялся готовить ужин.

Павел ставил палатку и, вполне довольный результатами сегодняшнего дня, мурлыкал песенку.

Жизнь в лагере текла своим чередом. Федор Петрович уехал в Нальчик встречать новую партию молодых альпинистов. Галя с Маришей часто уходили на луг и, усевшись на густой траве, пристально разглядывали вершину Уллу-тау-чаны, как будто в черных складках скал могли заметить Павла и Антона.

Возвращаясь со своего наблюдательного пункта, Галя как-то завернула к Ивану Матвеевичу.

Он сидел у двери кухни и чистил картофель.

— Хозяйка пришла, — шутливо проговорил Иван Матвеевич. — Побудь со мной чуток.

Нужно сказать: Иван Матвеевич с первого же дня приезда Гали в лагерь явно благоволил к ней. «Не люблю стриженных, — говаривал он. — То ли дело девушка с косами! Головка, что корзиночка с цветами».

— Давайте я вам помогу, — предложила Галя.

Иван Матвеевич встряхнул мешок с остатками картофеля.

— Чего уж тут, не лачкайся, — сказал он, радуясь случаю поговорить с кем-нибудь. — Сегодня жареной угощаю. А ты, коза, в каком виде любишь?

— Жареную, Матвенч.

— Ишь ты! Всем жареную подавай. Вот только Павлушке и Антону не придется отведать, — последнюю подобрал.

— Говорят, вы с Павлом Русановым большие друзья? — спросила Галя.

— Еще бы! — самодовольно усмехнулся Иван Матвеевич. — До войны вместе работали. Я всегда говорю: Павлушка — орел, — с гордостью, словно тот был его сыном, произнес Иван Матвеевич. —

Ну, и братец твой — тоже... Корить нечего, толковый малый.

— А с ними ничего не случится?

— Случится? — Иван Матвеевич недовольно пошевелил усами. — Загадывать, конечно, нельзя. Траверс — дело серьезное. Но я, милая моя, видал альпинистов. Всяких. Уж я знаю Павла. Иди встречать прямо на Местийский перевал. Верно тебе говорю.

— Он меня не просил, — пошутила Галя.

— Это я к слову. Он вашему брату вообще... — и Иван Матвеевич пошевелил пальцами, подыскивая нужное выражение своей мысли.

— Не понимаю?

— Так сказать, не доверяет. Серьезный парень. Самостоятельный. — Иван Матвеевич подозрительно посмотрел на нее и лукаво прищурил глаз. — Погоди-ка, а сама ты, случаем, не тово? Нравится он тебе?

— Нет, я не тово, Матвейч, — засмеялась Галя и, сказав, что ей необходимо срочно увидеть Маришу, поторопилась уйти от не в меру любопытного Матвейча.

К трем часам дня гребень Уллу-тау-чаны неожиданно завесился облаками. Вскоре по долине ущелья пополз туман.

Девушки лежали в своей палатке. Галя уткнулась лицом в подушку. Закинув руки за голову, Мариша сосредоточенно разглядывала потолок.

— Скучно что-то, — проговорила Мариша.

Галя не ответила. Мариша повернулась и посмотрела на Галю, на ее свесившуюся косу.

— Ты спишь?

— Немножко. В такую погоду всегда тянет ко сну.

Мариша шевельнула бровями. Насколько все же серьезно чувство Гали к Павлу? А может быть, она беспокоится только о брате?

— Тучи из Сванетии, значит дождь продлится два-три дня, — заметила Мариша.

Галя промолчала.

— Часов в шесть пойду поближе к Уллу-тау-чаны, — продолжала Мариша, будто не замечая состояния Гали, — послежу за сигналом. Ты пойдешь?

— Что за вопрос! Конечно, — ответила Галя. — Но боюсь, сигнала мы не увидим.

— Сильную вспышку магния можно заметить, — сказала Мариша.

4

В семь часов вечера альпинистки были подле самого подножья Уллу-тау-чаны. Время сигнала наступило, и они напряженно всматривались в предполагаемую линию гребня, которая скрывалась за плотной завесой неподвижных туч.

Прошло минут пятнадцать, но никакой, хоть бы крохотной, светящейся точки не появилось.

Вернулись в лагерь молча.

Галя решила вновь зайти к Ивану Матвеевичу.

Она с улыбкой сказала, что пришла погреться. Иван Матвеевич милостиво разрешил ей сесть подле плиты.

— Мы сейчас следили за сигналом и ничего не увидели. — Галя сделала паузу, искоса взглянув на Ивана Матвеевича.

— Дело серьезное. — Иван Матвеевич вытер платком усы. — Смотря, где застало их. А то — ни назад, ни вперед.

Об этом же Гале говорила и Мариша.

— Тогда надо спасательный отряд высылать! — вырвалось у нее.

— Это зачем? — испытующе посмотрел на нее Иван Матвеевич. — Не впервой им. Отсилятся где-либо в трещине. Ничего с ними не случится. Парни крепкие.

Иван Матвеевич поудобнее уселся на табуретке и принялся подробно, со знанием дела, перечислять альпинистские достоинства Павла и Антона.

Незаметно для себя Галя заслушалась. Мысли ее улетели к суровым скалам Уллу-тау-чаны, за пелену облаков.

С места ночевки Павел и Антон снялись на рассвете. В рюкзаке Антона нашли себе место два камня — интересные образцы горной породы.

К полудню, после семи часов напряженного подъема по скалам, альпинисты достигли средней вершины Уллу-тау-чаны.

Около часа отдыхали они на этой вершине. Съели по традиционной плитке шоколада и полюбовались сверху ущельем Адыр-су, которое казалось сплошь покрытым зеленью и успокаивало глаза после однообразного серого цвета скал.

Затем Павел стал внимательно рассматривать пик Главной вершины — следующий этап их траверса.

По прямой линии пик был почти рядом, возвышаясь над ними всего на восемьдесят метров. Но прозрачный воздух горных высот скрадывал расстояние. Чтобы взойти на пик, сперва нужно было спуститься на три-четыре веревки вниз, пройти по

гребню метров четыреста, а то и больше, и снова набирать высоту по отвесным скалам.

Сегодняшний темп продвижения вполне удовлетворял Павла — они укладывались в график траверса. Он обернулся к Антону и шутливо подзадо-рил его, указав на пик:

— Есть возможность отличиться — к вечеру взять и Главную вершину.

Когда они спустились на гребень, подул теплый ветер — фен — предвестник ухудшения погоды. Павел принялся высматривать место, где переждать приближавшуюся грозу.

Облака, переваливая через хребет Светгара, плыли по небу торопливыми разрозненными стайками, а затем сгрудились, потемнели. В отдалении пророкотал гром.

— Не было печали!.. — проворчал Павел.

Надо было сейчас же сойти с гребня, а на этом участке пути он оказался настолько узким и крутым, что одна нога Павла свисала в ущелье Адырсу, в Кабарду, а другая — в Сванетию.

Воздух тем временем быстро насыщался электричеством. Острые скалы гребня загудели. У Антона и Павла под шляпами ожили, зашевелились волосы.

Антон после вчерашнего случая с камнем не-прочь был побравировать опасностью и остаться на гребне подольше.

— Спускаемся! — коротко и строго одернул его Павел, высмотрев на южной стороне Уллу-тау-ча-ны, метрах в десяти ниже линии гребня, балкон.

На крохотном балконе Антон торопливо при-нялся освобождать рюкзак от «кошек», крючьев, карабинов, а Павел нанизывал их на репшнур. За-тем быстро вбил в скалу подальше от себя крюк,

реди, и Павел подумал об Антоне. О себе он не беспокоился. Организм его был закален, — он долгое время мог выдержать недоедание и не терять при этом сил.

Антон мрачно молчал. Первогоднику, и тому не простили бы такой промах!

А Павел под монотонный шум дождя размышлял, как лучше использовать уцелевшие в его рюкзаке продукты. На трое суток оставалось граммов триста копченой грудинки, две пачки печенья, плитка шоколада, банка сгущенного молока и горсть конфет. «Не так уж плохо, — думал он, — если не придется отсиживаться здесь».

Он приподнял край палатки. Не обнаружив ни малейшего просвета в облаках, сказал:

— Что ж так лежать? Давай устраиваться.

Вслед за Павлом Антон вылез из-под палатки.

Охраняя друг друга веревкой, они осторожно двигались по маленькому скользкому балкону.

Вытянули репшнур с нанизанными на нем «кошками» и прочим снаряжением. Укрепив ледорубы, подняли на них переднюю часть палатки, а заднюю подвесили, вбив в скалу два крюка.

Ширина балкона не позволяла выровнять бока палатки, но и в таком виде она вполне устраивала альпинистов. В самом деле, смешно было рассчитывать на что-либо лучшее на полутора метрах каменной плиты, нависшей над пропастью.

Оставалось найти воды и вскипятить чай.

— Я видел на северной стороне снег, — сказал Антон.

По мокрой стене друзья с трудом забрались на гребень. Антон спустился на веревке метров на пятнадцать. Закрепившись, собрал в свою куртку снег, связал полы и дал сигнал Павлу поднимать куртку.

Вскоре под кухней «Мета» заплясали синие язычки пламени, весело зашипели капли, стекавшие с кастрюльки, доотказа набитой снегом.

Павел разрезал установленную на сегодня норму грудинки на маленькие дольки — так ее казалось больше, высыпал печенье из пачки.

Антон налил себе чаю и взял только одну конфету.

Павел прищурил глаз и посмотрел на Антона. Посмотрел так, что Антон покраснел и поспешил оправдаться:

— Вот горло промочил. Теперь можно и поесть, — сказал он с таким видом, словно у него минуту назад не было иных намерений.

Дождь лениво стучал тяжелыми каплями по крыше палатки, потом перестал.

Антон приподнял полог палатки — и не мог сдерживать вздоха разочарования: в воздухе колыхались мягкие хлопья снега.

Павел лежал на спине и задумчиво мурлыкал песенку. В лагере наверняка забеспокоились, а у них нет никакой возможности дать сигнал, словно находились они где-нибудь в Арктике, а не в шести километрах по прямой от лагеря. Ничего не оставалось более, как залезть в единственный спальник и попытаться уснуть.

Всю ночь над перевалами и ледниками Уллу-тау-чаны гулял холодный ветер — ночной горный бриз. Всю ночь метался он по кулуарам вершины, гудел в широких трещинах, сердито сметал с карнизов мелкие камешки.

реди, и Павел подумал об Антоне. О себе он не беспокоился. Организм его был закален, — он долгое время мог выдержать недоедание и не терять при этом сил.

Антон мрачно молчал. Первогоднику, и тому не простили бы такой промах!

А Павел под монотонный шум дождя размышлял, как лучше использовать уцелевшие в его рюкзаке продукты. На трое суток оставалось граммов триста копченой грудинки, две пачки печенья, плитка шоколада, банка сгущенного молока и горсть конфет. «Не так уж плохо, — думал он, — если не придется отсиживаться здесь».

Он приподнял край палатки. Не обнаружив ни малейшего просвета в облаках, сказал:

— Что ж так лежать? Давай устраиваться.

Вслед за Павлом Антон вылез из-под палатки.

Охраняя друг друга веревкой, они осторожно двигались по маленькому скользкому балкону.

Вытянули репшнур с нанизанными на нем «кошками» и прочим снаряжением. Укрепив ледорубы, подняли на них переднюю часть палатки, а заднюю подвесили, вбив в скалу два крюка.

Ширина балкона не позволяла выровнять бока палатки, но и в таком виде она вполне устраивала альпинистов. В самом деле, смешно было рассчитывать на что-либо лучшее на полутора метрах каменной плиты, нависшей над пропастью.

Оставалось найти воды и вскипятить чай.

— Я видел на северной стороне снег, — сказал Антон.

По мокрой стене друзья с трудом забрались на гребень. Антон спустился на веревке метров на пятнадцать. Закрепившись, собрал в свою куртку снег, связал полы и дал сигнал Павлу поднимать куртку.

Вскоре под кухней «Мета» заплясали синие язычки пламени, весело зашипели капли, стекавшие с кастрюльки, доотказа набитой снегом.

Павел разрезал установленную на сегодня норму грудинки на маленькие дольки — так ее казалось больше, высыпал печенье из пачки.

Антон налил себе чаю и взял только одну конфету.

Павел прищурил глаз и посмотрел на Антона. Посмотрел так, что Антон покраснел и поспешил оправдаться:

— Вот горло промочил. Теперь можно и поесть, — сказал он с таким видом, словно у него минуту назад не было иных намерений.

Дождь лениво стучал тяжелыми каплями по крыше палатки, потом перестал.

Антон приподнял полог палатки — и не мог сдерживать вздоха разочарования: в воздухе колыхались мягкие хлопья снега.

Павел лежал на спине и задумчиво мурлыкал песенку. В лагере наверняка забеспокоились, а у них нет никакой возможности дать сигнал, словно находились они где-нибудь в Арктике, а не в шести километрах по прямой от лагеря. Ничего не оставалось более, как залезть в единственный спальный мешок и попытаться уснуть.

Всю ночь над перевалами и ледниками Уллу-тау-чаны гулял холодный ветер — ночной горный бриз. Всю ночь метался он по кулуарам вершины, гудел в широких трещинах, сердито сметал с карнизов мелкие камешки.

Вплоть до утра Павел и Антон дрожали от холода, ворочались в спальном мешке, по очереди надевая единственный свитер, чтобы хоть немного согреться.

Первым стряхнул с себя дремоту Павел. Шел пятый час, и сквозь полотнище палатки проступал серый, вялый утренний свет.

Осторожно, чтобы не разбудить Антона, пригравшегося в его свитере, Павел выбрался из спального мешка и нетерпеливо распахнул полог, сбросив с него налипший снег.

Рассвет обозначился на плотных облаках по-светлевшей каймой. Павел увидел, как внизу, над глубокой долиной, между хребтами Светгара и Уллу-тау-чаны, ветер рвал в клочья тучи и гнал их на юго-восток, к Твиберскому перевалу.

Над вершиной Тот-тау на мгновение пробился тонкий солнечный луч и, мелькнув на снегах, погас.

— Рискнем, — проговорил Павел.

Это короткое слово было ответом на вчерашние размышления. Строго взвесив шансы «за» и «против», Павел пришел к выводу, что следует идти дальше, если за ночь не появятся признаки дальнейшего ухудшения погоды.

Чтобы разогреться, Павел принялся с силой выбрасывать руки вперед, в стороны, с опаской поглядывая на пропасть под ногами. Затем разбудил Антона.

— Через час выходим.

За завтраком выпили только по две кружки чаю.

Трудно, очень трудно было альпинистам продвигаться по гребню. Из-за сильных и резких порывов ветра каждую минуту приходилось прижиматься к скалам, держась за обледенелые выступы.

пм. Пальцы мерзли, все больше теряли гибкость и цепкость.

Местами гребень становился настолько узким, что резал до крови ладони.

Антон едва не сорвался в пропасть, поскользнувшись на мокром снегу, — удержал Павел, пригнув его веревкой к стене. Им стало жарко, когда подобрались к подножью массивной башни Главной вершины.

За стеной башни стало тихо: поток ветра она отводила на гребень. В просветы облаков проглядывало солнце, и от мокрых скал поднимался парок.

— Ну, что скажешь? — спросил Павел, улыбувшись.

— Учусь, — отозвался Антон.

Друзья передохнули и ровно в восемь часов утра начали штурм стометровой башни.

Первая половина пути изобиловала складками, выступами, уступами, и альпинисты сравнительно легко взбирались к вершине, радуясь удачному выбору направления. Дальше продвигаться стало намного труднее — наткнулись на участок совершенно гладких скал. Павел попробовал взять левее, однако и там зацепок не обнаружил. Он терпеливо вернулся на прежнее место, спустился метров на десять и правее нашел их, правда, лишь для кончиков пальцев.

Надо было обеспечить надежную страховку. Павел дотянулся рукой до трещинки в скале. Под резкими и сильными ударами молотка плоский крюк со звоном вошел по головку в трещину. Навесив карабин на ушко крюка, Павел зацепил карабином веревку.

За первым крюком на метр выше был забит второй. Так Павел добрался до расщелины и за-

клинился в нее всем телом. Вбив еще крюк на высоте своей груди, зацепил другим карабином репшнур, самостраховки и подал команду Антону:

— Поднимайся!

Взбираясь к Павлу, Антон выбивал молотком нижний крюк. Чтобы не уронить его, захватывал маленьким карабином крюкоулавливателя.

Павел продвигался спокойно, уверенно, без лишних движений. Антону, наблюдавшему за ним снизу, казалось, что Павел с математической точностью рассчитывал число необходимых усилий. Гармоничной слаженностью работы и определялась та выносливость Павла, которая постоянно удивляла Антона.

Когда Павел, прильнув к стене, смело перебрался с едва заметного выступа на узкий карнизик, Антон не мог скрыть своего восхищения.

— Красивая работа!

— Что? — откликнулся Павел, рукавом вытирая влажный лоб.

— Я так, — смутившись, ответил Антон.

Нужно сказать, альпинисты вообще сдержанны в высказываниях о своих ощущениях. Спросите альпиниста, как он преодолел тот или иной сложный участок пути. Вам ответят: «Ничего особенного, пришлось вбивать крючья». И все. Только ли скромность в этом? Есть доля и скромности. Но, главное, сдержанность их определяется тем, что спортивная борьба альпинистов происходит не на глазах у зрителей, как в других видах спорта. Им неведомы восторженные рукоплескания «болельщиков». Итог трудно достигнутой победы — скромная записка в туре на вершине.

На передышку друзья остановились на балконишке, образованном крутым изломом скалы.

Воспользовавшись остановкой, Антон старательно массировал шею, мышцы которой сильно устали, — ему постоянно приходилось смотреть вверх, следить за продвижением Павла.

Грозный гул, долетевший снизу, привлек внимание альпинистов. Поднимая снежный вихрь, со склона Уллу-тау-чаны сорвалась лавина и с грохотом ринулась на Лекзырский ледник.

— Пока нам не страшно, — сказал Павел и, расправив плечи, двинулся дальше.

Четыре часа почти без перерывов на отдых карабкались по стене альпинисты. Часто повисали они над черным провалом пропасти, в глубине которой плыли кучевые облака. Изредка слышался голос Павла:

— Опускайся...

— Выдай веревку...

— Прижмись...

— Стой так...

Два раза друзья попадали в сильные камнепады, но все же поднимались все выше и выше к вершине.

Антон утомился скорее, чем предполагал. Разреженный воздух все более стеснял дыхание, и он невольно останавливался, чтобы уменьшить сердцебиение.

Павел тоже устал. Однако он упрямо взбирался все выше. Не потому только, что самозабвенно рвался вперед к близкой уже цели: просто на отвесных скалах не было возможности передохнуть. На них можно было лишь стоять, да и то не всегда на полной ступне — пятки висели над пропастью. По-настоящему отдохнуть они могли только на вершине. И чем больше устал Павел, тем сильнее было желание у него преодолеть, наконец, эту гладкую

стену, подножье которой скрылось далеко под ними.

Антон стоял на полочке шириной в две ладони и, заклинившись плечом в расщелину, охранял Павла.

Три крюка подряд, один над другим, забил Павел в трещины, чтобы дотянуться до складочки на камне и уцепиться за нее хоть концами пальцев.

Он привстал на носки и все же не доставал одного сантиметра. Колени задрожали от напряжения. Веревка, заклинившаяся между камней, слегка дернула его, и Павел сорвался.

Падая, Павел успел откинуться назад, чтобы не разбить голову о скалу.

Верхний крюк не выдержал рывка и вырвался из трещины.

Антон удержал Павла на втором крюке, и Павел, слегка покачиваясь на веревке, повис в двух метрах под ним.

Антон лихорадочно посмотрел по сторонам в надежде увидеть какой-либо выступ: он бы закрепил на нем веревку и пришел Павлу на помощь.

— Стой так, я сейчас поднимусь к тебе, — слышался хриплый голос Павла.

Павел взялся руками за скалу и подтянулся. Антон стал выбирать веревку, придерживая ею друга.

Поморщившись от боли, Павел ощущал свои ребра, которые сильно сдавило веревкой при рывке, и посмотрел на то место, откуда сорвался.

— Охраняй, — коротко бросил он и снова полез.

За первой неудачей последовала другая. Они уже стояли на плече вершины и прятались от очередного камнепада, как острым осколком перерубило веревку. Павел хмуро осмотрел ее.

— Придется идти на укороченной, — сказал он, связывая веревку.

Последние десять метров преодолели без происшествий и в четырнадцать часов сорок пять минут вступили на Главную вершину.

— Теперь можно подзаправиться, — сказал Павел, и улыбка появилась на его похудевшем лице с грязными полосками пота на висках.

Развязывая рюкзак, он посмотрел на Антона.

— Ты чего скис? Учись, как надо падать!

Они устроили «пиршество богов на Олимпе», как, смеясь, выразился Павел. С наслаждением проглотили по кусочку грудинки, выскребли остатки масла из алюминиевой коробки и разделили пополам плитку шоколада. Горло промочили снежком, найденным в ямке под камнем тура.

Прямо перед ними, на темносинем небе возвышалась величественная шапка Эльбруса; на юго-востоке вставала грозная Безингийская стена с труднейшими вершинами Катын-тау, Джанги-тау и мрачной Шхарой; вслед за снежно-скальной грядой Светгара тянулся хребет Дала-кора, из-за которого выглядывал острый рог Ушбы; на северо-запад от него виднелись неприступные башни Шхельды.

Взгляд Антона соскользнул в ущелье Адыр-су, где далеко внизу виднелись белые точки палаток лагеря.

«Там и не догадываются, где мы сейчас», — самодовольно улыбнулся он.

С вершины спустились на веревке.

Снова потянулся гребень с торчавшими на нем «жандармами».

Вначале шли скалы средней трудности, и друзья продвигались быстро. Затем все чаще стали попадаться места, где скалы представляли собой груды

обломков, непонятным образом удерживающихся над пропастью.

Случайно сорвавшийся из-под ног камень увлек за собой сотню других, и масса камней с нарастающей быстротой и гулом сыпалась вниз.

Продвижение резко замедлилось. До самого вечера они продвинулись лишь на сотню метров.

Руки Антону казались чужими, необыкновенно тяжелыми. Он покачивался и отрывисто дышал.

— На сегодня, пожалуй, хватит, — сказал Павел после очередной передышки.

С гребня сходить не стали. Павел опасался, как бы камнепад не накрыл их. Расчистив площадку подле стенки «жандарма», они расстелили палатку и сели на нее.

Минут пять посидели молча в блаженном состоянии покоя. Затем Антон искоса взглянул на Павла, а тот на него. Оба поняли друг друга. Павел вздохнул и полез в рюкзак.

— Только баночку сгущенного молока — и ничего больше, — предупредил он. — Воды нет и достать нигде, сам знаешь.

Антон был рад и такому легкому ужину. От голода у него начались спазмы в желудке.

Укладываясь спать, они вбили в скалы крючья и привязали себя к ним, чтобы во сне от неосторожного движения не скатиться в пропасть.

Эта ночь была точь-в-точь такая же, как и предыдущая. Ветер, правда, не дул, но истощенный организм альпинистов жестоко страдал от холода.

Утром они два часа поспали на солнце, погрее-

лись. Потом долго жевали остатки печени, подбирая каждую оброненную крошку.

Траверс подходил к концу. Однако в полдень Павел вынужден был остановиться на отдых из-за Антона. Набрал снега, вскипятил чай и насильно заставил Антона взять остаток грудинки. Себе взял только один ломтик. Антон запротестовал: если Павел не возьмет еще, то он не станет есть. Павел прервал его.

— Перестань! Свалишься с ног, что мне с тобой делать?

После отдыха пошли быстрее, торопясь хоть к вечеру спуститься на Лекзырский ледник, а там недалеко и до Местийского перевала.

Неожиданно гребень оборвался гладкой, отвесной стеной, уходившей глубоко в пропасть.

Минут пять Павел смотрел вниз.

— Хоть бы один паршивенький карнизик! — ворчал он.

— Что делать будем? — с беспокойством спросил Антон.

— На разведку пойду.

Павел тщательно забил в скалу крюк, продернул в его ушко веревку и сбросил ее вниз. Затем привязал к ней репшнур самостраховки и заскользил в пропасть на свободно висевшей веревке.

На пятнадцати метрах Павел остановился и закрепил конец веревки на поясе. Потом стал раскачиваться маятником, высматривая опору для ног или подходящую трещину, чтобы забить крюк.

Минут десять раскачивался он таким образом, прежде чем удалось найти выступ.

В сто двадцать метров длиной оказался этот сложный спуск.

Чем ниже спускались Павел и Антон, тем более

возрастала опасность попасть под мощный камнепад или снежную лавину, которые с грохотом и гулом проходили по желобам неподалеку от них.

Пересекая крутой снежный жолоб, Павел слышал сверху характерное шуршание приближавшейся лавины и бросился назад. Антон увидел, как снежная пыль, вздуваемая потоком воздуха, заслонила Павла, веревка натянулась, дернулась, но что-то обрушилось и на него...

7

Утром, когда истекал срок возвращения Павла и Антона с траверса, Мариша и Галя сидели на камнях морены, с которых открывался хороший обзор на весь Местийский перевал.

Утро было пасмурным, холодным, и девушки зябко кутались в штормовые куртки. По леднику, поднимаясь к морене, ползли разрозненные клочья тумана, оседая мелкими капельками на ворсе шерстяных свитеров, на завитках девичьих волос, выбившихся из-под капюшонов.

Подруги смотрели вверх, на блеклые снега перевала. Порою черные вкрапины скал казались им фигурками людей. Тогда Мариша порывисто вскакивала с места и прохаживалась по гребню морены, нервно покусывая губы.

«Что с ними? Где они?» — думала Галя и тоскливо смотрела на черные скалы Уллу-тау-чаны, до половины скрытые неподвижными тучами.

— До контрольного срока остается ровно два часа, — каким-то странным, деревянным голосом проговорила Мариша.

— Поздравляю, Павел!

Девушки больше не отрывали глаз от снежных террас перевала.

Прошло еще полчаса в томительном ожидании.

И вдруг Галя заволновалась:

— Посмотри! Может быть, ошибаюсь, может быть, опять скалы обманывают?

Острые глаза Мариши тотчас различили две крохотные фигурки. Фигурки было скрылись в снежной впадине, но вскоре опять вышли на открытое место.

— Идут, в самом деле идут! — даже удивилась Мариша. Она столько раз ошибалась, что и сейчас ей верилось с трудом.

В одно и то же время у подруг промелькнула мысль: «Они или не они?» Могут и другие альпинисты идти с перевала.

— Ну, все равно. Скорее! — Мариша ухватила Галю за руку и повлекла за собой.

Девушки спустились с морены и, пересекая ледник, побежали к крутому снежному склону, который вел на первую террасу перевала.

По перевалу действительно шли Павел и Антон. Вчера Павел успел отбежать, и лавина лишь задела его, отбросив в сторону. Когда он подобрался к Антону, тот уже встал — его сбило с ног и оглушило комом снега. На последнем спуске по осыпям друзья окончательно выбились из сил.

На первой же ровной площадке они повалились с ног от усталости и проспали до четырех часов утра...

— Антон!.. Павлушка!.. — крикнула Мариша, когда друзья показались вверх террасы. — Скорее!..

Пока альпинисты спускались, Галя успела разглядеть их — и испугалась. За месяц, прожитый в

лагере, она не видела еще альпинистов в таком состоянии. Траверс дался Павлу и Антону не легко. Они мало походили сейчас на цветущих, молодых людей, которые вышли из лагеря пять суток назад. Щеки втянулись, почернели, губы обветрились, одежда висела клочьями.

На Маришу вид Антона и Павла не произвел особого впечатления — такими все возвращались с особенно трудных восхождений. Два-три дня — и силы альпинистов восстанавливались полностью.

— Павел! — весело крикнула она. — Поздравляю!

Мариша крепко пожала руку Павла, а затем, бросившись к Антону, поцеловала его в заросшую щеку.

Галя смущенно протянула руку Павлу.

— Поздравляю, Павел!

Капюшон с ее головы сбился в сторону, завитки тонких волос прилипли ко лбу, и нежный румянец покрывал щеки.

В глазах девушки, теплых и ласковых, светилась доверчивость. Павел задержал ее руку в своей, и чувство близости охватило их.

Облака между тем рассеивались, становились прозрачнее, и сквозь просветы уже выглянуло чистое небо.

Рука об руку спускались альпинисты в долину, навстречу голубому небу и ясному солнцу — мужественные и смелые дети свободной страны.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте ваши отзывы о содержании, художественном оформлении и полиграфическом исполнении книги, а также пожелания писателям и издательству.

Укажите ваш адрес и возраст.

Пишите по адресу: Москва, Суцеская 21, издательство «Молодая гвардия», массовый отдел.